

Э Л Джеймс

**НА ПЯТЬДЕСЯТ
ОТТЕНКОВ
ТЕМНЕЕ**

18+

С ОТРЫВКОМ ИЗ НОВОЙ КНИГИ
И ФОТО СО СЪЕМОК ФИЛЬМА!

Annotation

Шокированная необычными пристрастиями и темными тайнами Кристиана Грея, Анастейша решает разорвать их отношения. Но мысли о молодом красавце-миллионере ее не оставляют, и, когда он предлагает начать все сначала, Анастейша не в силах сопротивляться. Огонь страсти вспыхивает с новой силой, и она все больше погружается в ужасное прошлое своего избранника, пытаясь понять, что чувствует человек, в душе которого — пятьдесят оттенков зла.

Обоих ждут испытания: Кристиану предстоит вступить в борьбу со своими демонами, а Ане — противостоять злу и зависти женщин, которые были с Кристианом до нее, и принять самое важное в своей жизни решение.

Э Л Джеймс

На пятьдесят оттенков темнее

* * *

Посвящается Z и J

Вы мои самые любимые, навсегда

Благодарность

Я хочу выразить безграничную признательность Саре, Кей и Джаде. Спасибо за все, что вы для меня сделали.

Еще я выражаю ОГРОМНУЮ благодарность Кэтлин и Кристи за то, что они взяли на себя всю основную тяжесть работы с текстом.

Спасибо и тебе, Найл, моя любовь, мой муж и самый лучший друг (почти всегда).

И большой-пребольшой привет всем замечательным, удивительным женщинам всего мира, с которыми я с удовольствием общалась и кого я считаю теперь моими подругами, в их числе Эйл, Алекс, Эми, Андреа, Анжела, Асусена, Бабс, Би, Белинда, Бетси, Бренди, Бритт, Кэролайн, Кэтрин, Доун, Гвен, Хана, Джанет, Джен, Дженн, Джил, Кэти, Келли, Лиз, Мэнди, Маргарет, Наталия, Николь, Нора, Ольга, Пам, Полина, Райна, Рейзи, Райан, Рут, Стеф, Суси, Таша, Тейлор и Юна. А также всем талантливым, веселым и добрым женщинам (и мужчинам), с которыми я общалась онлайн.

Спасибо Моргану и Дженн за все, что касается отеля «Хитман».

И, наконец, спасибо Джанин, моему редактору. Ты краеугольный камень, на котором все зиждется. Вот и всё.

Пролог

Он возвращается. Мама лежит на диване, спит, или ей опять плохо. Я прячусь на кухне под столом, прижимаюсь к стене, чтобы он меня не заметил. Закрываю лицо руками. Сквозь пальцы вижу маму, ее руку на грязном зеленом пледе. Его огромные ботинки с блестящими пряжками останавливаются напротив нее.

Он бьет маму ремнем. «Вставай! Вставай! Сука драная! Сука! Сука драная! Вставай, сука! Вставай! Вставай!..»

Мама всхлипывает. «Не надо. Пожалуйста, не надо!..» Мама не кричит. Мама свернулась в клубок и прячет лицо.

Я закрываю глаза и затыкаю уши. Тишина. Открываю глаза.

Он поворачивается и топает на кухню. С ремнем в руке. Ищет меня.

Наклоняется и заглядывает под стол. Мне в нос ударяет отвратительная вонь, смесь сигарет и виски. «Вот ты где, гаденыш...»

Он просыпается от ледящего кровь завывания. Господи! Он весь в поту, сердце бешено колотится. Что за черт? Он резко садится и трясет головой. Дьявол, они вернулись... Выл он сам. Он делает глубокий вдох, потом медленный выдох, пытаясь успокоиться, выбросить из ноздрей и из памяти запах дешевого бурбона и вонючих сигарет «Кэмел».

Глава 1

Я кое-как пережила Третий-день-без-Кристиана и свой первый рабочий день. Но все-таки сумела немного отвлечься. Мелькали новые лица, я старалась вникнуть в работу. А тут еще мой новый босс, мистер Джек Хайд... Вот он подходит к моему столу, улыбается, в голубых глазах сверкают искорки.

— Молодец, Ана. Думаю, мы с тобой прекрасно сработаемся.

Не без некоторого усилия я растягиваю губы в подобии улыбки.

— Я пойду, если вы не возражаете.

— Конечно, иди, уже полшестого. До завтра.

— До свидания, Джек.

— До свидания, Ана.

Беру сумку, натягиваю куртку и иду к двери. Оказавшись на улице Сиэтла, вздыхаю полной грудью. Но воздух раннего вечера все равно не заполняет пустоту в моей грудной клетке, тот вакуум, который я ощущала с субботнего утра, болезненное напоминание о моей потере. Понуро плетусь к автобусной остановке и размышляю, как же мне теперь жить без моей любимой старушки-«Ванды»... или без «Ауди».

Я тут же одергиваю себя. Нет. Не думай о нем! Да, конечно, я могу теперь позволить себе тачку — красивую, новую тачку. Пожалуй, он заплатил мне слишком щедро... После этой мысли во рту становится горько, но я предпочитаю этого не замечать. Надо выбросить все из головы. Ни о чем не думать, ничего не чувствовать... И не думать о нем. Иначе опять зареву, прямо сейчас, на улице. Только этого мне не хватало.

Без Кейт в квартире пусто и тоскливо. Небось валяется сейчас на Барбадосе на пляже, потягивает прохладный коктейль. Я включаю плоский телевизор, чтобы звук заполнил вакуум и создал хотя бы некоторое ощущение, что я не одна, но не слушаю и не смотрю. Я сажусь и тупо смотрю в стенку. Ничего не чувствую, только боль. Сколько еще мне это терпеть?

Из оцепенения меня выводит трель домофона, и я испуганно вздрагиваю. Кто это? Поколебавшись, нажимаю на кнопку.

— Доставка для мисс Стил.

Голос ленивый, скучный, и меня наполняет разочарование. Я спускаюсь по лестнице. Внизу, прислонясь к входной двери, стоит мальчишка с картонной коробкой и чавкает жвачкой. Царапаю свою подпись на квитанции и беру коробку. Она хоть и большая, но на удивление легкая. Внутри — две дюжины белых роз с длинным стеблем и карточка.

Поздравляю с первым рабочим днем.

Надеюсь, он прошел хорошо.

И спасибо за планер. Очень мило с твоей стороны.

Он украсил мой письменный стол.

Кристиан.

Я гляжу на карточку, на напечатанные на ней буквы, и пустота в моей груди растет. Не сомневаюсь, что все это отослала его секретарша, едва ли сам Кристиан. Мне слишком

больно думать об этом. Разглядываю розы — они роскошные, и у меня не поднимается рука их выбросить. Делать нечего, шлепаю на кухню и ищу там вазу.

Вот так и проходит моя жизнь: пробуждение, работа, а вечером — слезы и сон. Ну, попытка сна. Кристиан преследует меня даже во сне. Сверкающие серые глаза, яркие волосы цвета темной меди... И музыка... много музыки — теперь я вообще не могу ее слышать. Я бегу от нее. Я вздрагиваю даже от колокольчика в соседней булочной.

Об этом я не рассказывала никому, даже маме или Рэю. У меня нет на это сил. И я вообще ничего не хочу. Сейчас я осталась одна на необитаемом острове, на выжженной войной земле, где ничего не растет, где горизонт темен и пуст. Да, я такая. На работе могу общаться со всеми — и ни с кем конкретно. Вот и все. Если я поговорю с мамой, то сломаюсь окончательно — а у меня в душе и так ничего не осталось целого.

У меня пропал аппетит. В среду в обед одолела стаканчик йогурта — первое, что съела с пятницы. Я существую благодаря капучино и диетической коле. Держусь на кофеине, а в этом нет ничего хорошего.

Джек часто подходит ко мне, надоедает, задает вопросы о моей личной жизни. И что ему нужно? Я стараюсь быть вежливой, но близко его не подпускаю.

Я сижу за компом, просматриваю почту Джека и радуюсь, что эта тупая работа отвлекает меня от проблем. Пищит моя почта, я быстро смотрю, от кого письмо.

Черт, что за новость! Письмо от Кристиана. Нет, только этого мне не хватало! Зачем сюда-то писать?

От кого: Кристиан Грей

Тема: Завтра

Дата: 8 июня 2011 г. 14.05

Кому: Анастейша Стил

Дорогая Анастейша.

Прости, что пишу тебе на работу. Надеюсь, что я не очень тебе помешаю. Получила ли ты мои цветы?

Я знаю, что завтра открывается галерея, будет вернисаж твоего приятеля. Ехать туда далеко, а на покупку авто у тебя наверняка не было времени. Я буду совершенно счастлив отвезти тебя туда — если ты захочешь.

Дай мне знать.

Кристиан Грей,

генеральный директор холдинга «Грей энтерпрайзес»

У меня на глазах закипают слезы. Я вскакиваю, галопом мчусь в туалет и ныряю в кабинку. Хосе! Я совсем забыла, а ведь обещала приехать на его вернисаж. Черт, Кристиан прав: как я туда доберусь?

Я прижимаю ладонь к горячему лбу. Почему Хосе мне не позвонил? И вообще, почему мне никто не звонит? В сумятице чувств я даже не замечала, что у меня молчит мобильник.

Черт! Что за идиотка! У меня по-прежнему включена переадресация звонков на мой

смартфон «блэкберри», забытый у Кристиана. Все это время Грей получал адресованные мне звонки — разумеется, если только не выбросил смартфон. Как же Кристиан узнал мой мейл?

Впрочем, он знает даже размер моей обуви, так что узнать адрес электронной почты для него не проблема.

Смогу ли я встретиться с ним снова? Выдержу ли? Хочу ли его видеть? Я закрываю глаза и запрокидываю голову, застигнутая жаркой волной тоски и томления. Конечно, хочу.

Пожалуй... пожалуй, я сообщу ему, что уже раздумала... Нет, нет, нет, я не могу быть вместе с человеком, которому доставляет удовольствие причинять мне боль, тем, кто не может меня любить.

Мучительные воспоминания вспыхивают в моем сознании: ванна, сильные, ласковые руки, поцелуи, его юмор и его сумрачный, волнующий взгляд — очень сексуальный. Я скучаю без него. Пять дней, пять мучительных дней тянулись целую вечность. Я засыпала в слезах, жалела, что встретила его, и желала, чтобы он стал другим, смог стать другим, чтобы мы могли быть вместе. Сколько еще мне мучиться от этого жуткого, испепеляющего чувства? Я живу на пороге ада.

Я обхватываю плечи руками, крепко-крепко, словно боюсь, что вот-вот рассыплюсь на кусочки. Я скучаю без него. Скучаю... Я люблю его. Вот так, люблю, и все.

Анастейша Стил, ты сейчас на работе!.. Мне надо быть сильной, но я хочу поехать на вернисаж Хосе, а мазохистка, скрывающаяся в глубине моей души, хочет еще и встречи с Кристианом. Я набираю полную грудь воздуха, шумно выдыхаю и иду к своему столу.

От кого: Анастейша Стил

Тема: Завтра

Дата: 8 июня 2011 г. 14.25

Кому: Кристиан Грей

Привет, Кристиан.

Спасибо за цветы, они прелестны.

Да, мне бы хотелось поехать.

Благодарю.

Анастейша Стил,

секретарь Джека Хайда, редактора, SIP

Проверяю свой мобильник — да, была включена переадресация. Джек ушел на переговоры, и я быстренько звоню Хосе.

— Привет, Хосе. Это Ана.

— Привет, бродяга. — В его голосе столько тепла и доброты, что мне снова хочется плакать.

— Я не могу долго разговаривать. Во сколько начинается вернисаж?

— Так ты все-таки приедешь? — В его голосе слышится радость.

— Да, конечно. — Я мысленно вижу его лицо, его широкую ухмылку и впервые за пять дней совершенно искренне улыбаюсь.

— В семь тридцать.

— Тогда до встречи. Пока, Хосе.

— Пока, Ана.

От кого: Кристиан Грей
Тема: Завтра
Дата: 8 июня 2011 г. 14.27
Кому: Анастейша Стил
Дорогая Анастейша
Во сколько мне заехать за тобой?

Кристиан Грей,

генеральный директор холдинга «Грей энтерпрайзес»

От кого: Анастейша Стил
Тема: Завтра
Дата: 8 июня 2011 г. 14.32
Кому: Кристиан Грей
У Хосе вернисаж начинается в 7:30. Как ты думаешь, во сколько тебе заехать?

Анастейша Стил,

секретарь Джексона Хайда, редактора, SIP

От кого: Кристиан Грей
Тема: Завтра
Дата: 8 июня 2011 г. 14.34
Кому: Анастейша Стил
Дорогая Анастейша
До Портленда довольно далеко. Я заеду за тобой в 5:45.
Жду встречи с тобой.

Кристиан Грей,

генеральный директор холдинга «Грей энтерпрайзес»

От кого: Анастейша Стил
Тема: Завтра
Дата: 8 июня 2011 г. 14.38
Кому: Кристиан Грей
Тогда до встречи.

Анастейша Стил

секретарь Джексона Хайда, редактора, SIP

Господи, я скоро увижу Кристиана! Впервые за пять дней мое настроение чуточку

улучшается. Я позволяю себе открыто думать о нем.

Скучал ли он по мне? Вероятно, не так, как я по нему. Или он нашел себе новую послушную игрушку? Мысль настолько невыносима, что я тут же ее отбрасываю. Гляжу на накопившуюся почту, которую нужно немедленно рассортировать, и пытаюсь выкинуть Кристиана из головы.

В этот вечер я ворочаюсь в постели и так и эдак, пытаюсь заснуть, и впервые за несколько дней не плачу.

Передо мной возникает искаженное мукой лицо Кристиана в тот момент, когда я уходила. Я вспоминаю, что он не хотел меня отпускать, и это странно. Зачем мне было оставаться, раз все зашло в тупик? Каждому из нас мешало свое: мне — боязнь боли, ему — боязнь... чего? Любви?

Я переворачиваюсь на бок и обнимаю подушку. Моя душа наполнена безграничной печалью. Он думает, что не заслуживает любви. Почему? Может, причина кроется в его детстве? В его матери, дешевой проститутке? Такие мысли долго мучают меня, пока я не погружаюсь в беспокойный сон.

День тянется и тянется, а Джек необычайно внимателен ко мне. Я подозреваю, что все дело в платье Кейт сливового цвета и черных ботильонах на высоком каблуке, которые я позаимствовала из ее шкафа. Но меня это мало волнует. После первых же денег обязательно куплю себе что-нибудь приличное. Платье свободно болтается на мне, но я делаю вид, что так и задумано.

Наконец-то часы показывают половину шестого. С бешено бьющимся сердцем надеваю куртку и беру сумочку. Сейчас я увижу его!

— На свидание собралась? — спрашивает Джек, проходя мимо моего стола к выходу.

— Да. Нет. Не совсем.

Он поднимает бровь. На его лице написан явный интерес.

— Бойфренд?

Я краснею от смущения.

— Нет, просто друг. Бывший бойфренд.

— Ана, давай завтра после работы пойдем куда-нибудь. Ты отлично отработала первую неделю. Надо отпраздновать.

Джек улыбается, и его лицо на миг приобретает незнакомое выражение. Мне становится чуточку не по себе.

Сунув руки в карманы, он проходит через двойные двери. Я хмуро гляжу ему в спину. Прилично ли выпивать с боссом?

Я качаю головой. Сначала мне еще надо пережить вечер с Кристианом Греем. Сумею ли я это сделать?

Забегаю в туалет, чтобы привести себя в порядок. Останавливаюсь перед большим зеркалом, долго и придирчиво смотрю на свое лицо. Оно, как всегда, бледное; под большими глазами темные круги. Короче, вид замученный и испуганный. Эх, жалко, что я не умею пользоваться косметикой! Я подкрашиваю ресницы, подвожу глаза и похлопываю себя по щекам, чтобы они хоть немного порозовели. Расчесываю и укладываю волосы, чтобы они красиво лежали на спине. Перевожу дух. Что ж, теперь ничего.

Все сильнее нервничая, с улыбкой иду по вестибюлю, машу рукой Клэр, сидящей в

приемной. Кажется, мы с ней скоро подружимся. Возле выхода Джек разговаривает с Элизабет. С широкой улыбкой он спешит открыть мне дверь.

— Только после тебя, Ана, — бормочет он.

— Спасибо, — смущенно улыбаюсь я.

У тротуара меня ждет Тейлор. Он открывает заднюю дверцу автомобиля. Я нерешительно оглядываюсь на Джека, вышедшего следом за мной; мой босс с беспокойством смотрит на «Ауди SUV».

Я подхожу и сажусь на заднее сиденье. А там сидит он, Кристиан Грей, — в сером костюме, без галстука, ворот белой рубашки распахнут. Серые глаза сияют.

У меня моментально пересыхает во рту. Он выглядит потрясающе, вот только почему-то хмурится, глядя на меня. Почему?

— Когда ты ела в последний раз? — сердито спрашивает он, когда Тейлор захлопывает за мной дверцу.

Ну и ну!

— Привет, Кристиан. Да, я тоже рада тебя видеть.

— Ты мне зубы не заговаривай. Отвечай. — В его глазах сверкает гнев.

Гад!

— Ну... днем я съела йогурт. Да, еще банан.

— Когда ты в последний раз ела нормально? — едко спрашивает он.

Тейлор садится за руль, трогает с места «Ауди» и встраивается в поток автомобилей.

Я смотрю в окно. Джек машет мне, хотя не знаю, как он видит меня сквозь темное стекло. Я машу в ответ.

— Кто это? — резко спрашивает Кристиан.

— Мой босс. — Я гляжу краешком глаза на красивого мужика, сидящего рядом со мной. Его губы плотно сжаты.

— Ну? Твоя последняя нормальная еда?

— Кристиан, это тебя не касается, честное слово, — бормочу я, чувствуя себя при этом необычайно храброй.

— Меня касается все, что ты делаешь. Отвечай.

Да что ж такое! Я от досады мычу, закатываю глаза, а Кристиан сердито щурится. И впервые за много дней мне вдруг становится смешно. Я изо всех сил стараюсь подавить смех, грозящий вырваться наружу. Лицо Кристиана смягчается, и тень улыбки украшает его изумительно очерченные губы.

— Ну? — настаивает он, уже мягче.

— В прошлую пятницу, пасту с ракушками, — шепотом отвечаю я.

Он закрывает глаза. По его лицу пробегает тень гнева и, вероятно, сожаления.

— Понятно, — говорит он бесстрастным тоном. — Ты выглядишь похудевшей на несколько фунтов, а то и больше. Пожалуйста, ешь, Анастейша.

Я опускаю глаза и разглядываю свои сцепленные пальцы. Почему рядом с ним я всегда чувствую себя глупым непутевым ребенком?

Он поворачивается ко мне.

— Как дела? — мягко спрашивает он.

Ну, вообще-то, ужасно... Я сглатываю комок в горле.

— Если скажу, что все хорошо, то совру.

Он прерывисто вздыхает.

— Вот и у меня тоже, — бормочет он и сжимает мою руку. — Я скучал без тебя.

Ой, нет! Я чувствую кожей тепло его пальцев.

— Кристиан, я...

— Ана, пожалуйста, нам надо поговорить.

Сейчас я заплачу. Нет!

— Кристиан, я... не надо... я так много плакала, — шепчу я, пытаюсь справиться с эмоциями.

— Не надо, малышка! — Он тянет меня за руку, и, не успев опомниться, я оказываюсь у него на коленях. Он обнимает меня и утыкается носом в мои волосы. — Я так скучал без тебя, Анастейша, — говорит он еле слышно.

Хочу высвободиться из его рук, сохранять дистанцию, но не получается. Он прижимает меня к груди. Я млею от блаженства. Ах, вот бы так было всегда!

Кладу голову ему на плечо, а он осыпает поцелуями мои волосы. Мне хорошо, словно дома. От него пахнет чистотой, кондиционером для белья, гелем для тела. А еще пахнет Кристианом — и это мой самый любимый запах. На мгновение позволяю себе поверить в иллюзию, что все будет хорошо. Она проливается на мою истерзанную душу словно бальзам.

Через несколько минут Тейлор притормаживает «Ауди» у тротуара, хотя мы еще в городе.

— Пойдем, — Кристиан легонько приподнимает меня, — приехали.

Что-что?

— Там вертолетная площадка — на крыше здания. — Кристиан запрокидывает голову и машет рукой.

Ну конечно, «Чарли Танго». Тейлор открывает передо мной дверцу, одаривает теплой, покровительственной улыбкой. Я улыбаюсь в ответ.

— Я должна вернуть вам носовой платок.

— Оставьте его себе, мисс Стил, с моими лучшими пожеланиями.

Я заливаюсь краской. Кристиан выходит из-за машины и берет меня за руку. Он вопросительно глядит на Тейлора, а тот отвечает ему бесстрастным взглядом.

— В девять? — говорит Кристиан.

— Да, сэр.

Кристиан ведет меня через двойные двери в огромное фойе. Я млею от тепла длинных, чутких пальцев, сжимающих мою руку, от них исходит волнующий ток. Но и без этого Кристиан притягивает меня к себе — как солнце притягивало Икара. Я уже обожглась и все же снова лечу на его свет.

Подходим к лифтам, он жмет кнопку вызова. Краем глаза вижу на его губах загадочную полуулыбку. Раздвигаются створки двери. Он отпускает мою руку и легонько подталкивает меня в кабину.

Лифт закрывается. Рискую еще раз поднять глаза на Кристиана. Он смотрит на меня с высоты своего роста, и воздух заряжается электричеством, сгущается, пульсирует между нами. Хоть трогай его, хоть ешь. Нас притягивает друг к другу.

— О боже, — вздыхаю я, охваченная силой этого инстинктивного влечения, древнего, как сама жизнь.

— Я тоже это чувствую, — говорит он. Его глаза затуманены страстью.

Желание темной, смертельной плазмой наполняет мой живот. Кристиан стискивает мне руку, ласкает большим пальцем сгиб моего мизинца, и все мышцы в моем теле сжимаются в

сладостной судороге.

Откуда у него такая власть надо мной?

— Анастейша, не надо кусать губу, — шепчет он.

Я разжимаю зубы и жалобно гляжу на него. Я хочу его, немедленно, здесь, в лифте. Да может ли быть иначе?

— Ты знаешь сама, что ты для меня значишь.

О, значит, я все-таки нужна ему! Моя внутренняя богиня, моя самооценка, зашевелилась после пяти дней безнадёги.

Внезапно створки лифта раздвигаются, разрушая чары, и мы выходим на крышу. Тут ветрено. Несмотря на черный пиджак, я мерзну. Кристиан обнимает меня за плечи, прижимает к себе, и мы быстро проходим на середину вертолетной площадки. Там стоит «Чарли Танго», и его лопасти медленно вращаются.

Из кабины выскакивает высокий светловолосый парень с квадратной челюстью и, пригнувшись, бежит к нам. Обменявшись крепким рукопожатием с Кристианом, он кричит сквозь шум роторов:

— Машина готова, сэр. В вашем распоряжении!

— Все проверил?

— Да, сэр.

— Заберешь ее примерно в восемь тридцать?

— Да, сэр.

— Тейлор ждет тебя у входа.

— Благодарю вас, мистер Грей. Счастливо слетать в Портленд. Мэм... — он вежливо улыбается мне.

Не выпуская моей руки, Кристиан кивает пилоту и, пригнувшись, ведет меня к дверям вертолета.

Внутри он пристегивает меня, туго затягивает ремни. Многозначительно, с загадочной улыбкой.

— Вот теперь ты никуда не денешься, — бормочет он. — Должен признаться, мне нравится на тебе этот бандаж. Да, ни к чему не прикасайся.

Я густо заливаюсь краской, когда он проводит указательным пальцем по моей щеке. Потом протягивает наушники. «Мне бы тоже хотелось прикоснуться к тебе, но ты не разрешаешь...» Я хмурю брови. К тому же он так туго затянул ремни, что я еле шевелюсь.

Кристиан садится в кресло пилота и пристегивается, потом выполняет все предполетные проверки. Действует уверенно и быстро. Я замороженно наблюдаю. Он надевает наушники, щелкает тумблером, и лопасти ускоряют вращение, оглушая меня низким рокотом.

Он поворачивается ко мне.

— Готова, малышка? — Голос эхом отзывается в наушниках.

— Угу.

На его губах усмешка — озорная, мальчишеская. Как давно я ее не видела!

— Вышка Ситак, это борт «Чарли Танго», отель «Гольф-Эхо» [A1], готов к рейсу в Портленд через PDX. Как слышите меня? Прием.

Безликий голос авиадиспетчера отвечает, инструктирует.

— Роджер, вышка, говорит борт «Чарли Танго», конец связи.

Кристиан щелкает двумя тумблерами, берет за ручку управления, и вертолет медленно и плавно взмывает в вечернее небо.

Сиэтл и мой желудок падают вниз, стремительно удаляясь от нас.

— Когда-то мы гнались за зарей, а она убегала от нас, теперь мы прогоняем тьму, — звучит в наушниках его голос.

Я таращу глаза от удивления. Что такое? Ушам не верю. Неужели он способен на такую романтику? Он улыбается, и я робко улыбаюсь в ответ.

— На этот раз, при вечернем солнце, все будет выглядеть гораздо красивее, — говорит он.

В прошлый раз, когда мы летели в Сиэтл, было темно. В этот же вечер вид открывается потрясающий, буквально неземной. Мы набираем высоту, пролетая меж высоченных небоскребов.

— Вон там моя «Эскала», — он кивает на здание, — «Боинг» там, а теперь приближается и «Спейс Нидл».

— Еще ни разу не была там, — вздыхаю я, вытягивая шею.

— Я покажу тебе его — мы там поужинаем.

— Кристиан, мы расстались.

— Знаю. Но я все-таки свожу тебя туда и накормлю, — сердится он.

Я качаю головой и понимаю, что лучше не спорить.

— Тут очень красиво, спасибо.

— Впечатляет, не правда ли?

— Впечатляет то, что ты можешь показать мне все это.

— Грубая лесть, да, мисс Стил? Но я действительно наделен многими талантами.

— Я прекрасно вижу это, мистер Грей.

Он поворачивает голову и усмехается. Впервые за пять дней я немного расслабляюсь. Может, все и не так плохо.

— Как тебе новая работа?

— Спасибо, хорошо. Интересная.

— А что представляет собой новый босс?

— Ну, нормальный.

Не могу же я сказать, что меня беспокоит внимание Джека? Кристиан прищуривается.

— Что-то не так?

— Нет, все в порядке, не считая очевидного.

— Очевидного?

— Ох, Кристиан, честное слово, ты меня иногда просто достаем.

— Достают? Я? Мне что-то не нравится ваш тон, мисс Стил.

— Не нравится — и ладно.

Его губы кривятся в усмешке.

— Я скучал без твоего милого дерзкого ротика, Анастейша.

Мне хочется крикнуть: «А я скучала без тебя — всего тебя — не только без твоего голоса, твоих губ!..» Но я лишь молча смотрю через лобовое стекло «Чарли Танго», похожее на выпуклую стенку аквариума. Мы продолжаем лететь на юг. Над горизонтом висит солнце — большое, оранжевое, опасное, — и я снова чувствую себя Икаром, рискующим сгореть в его огне.

Мрак ползет за нами следом со стороны Сиэтла. Небо украсилось опаловыми, пурпурными и аквамариновыми волнами, плавно переходящими друг в друга, так, как это может делать лишь Мать-Природа. Вечерний воздух чист и ясен. Огни Портленда мерцают, подмигивают, приветствуя нас, когда Кристиан сажает вертолет на посадочную площадку. Мы снова наверху странного кирпичного сооружения, откуда мы улетали меньше трех недель назад.

Казалось бы, что такое три недели? Так, мелочь. И все же мне кажется, будто я знала Кристиана всю свою жизнь. Он глушит двигатель «Чарли Танго», щелкая разными переключателями. Лопасты медленно останавливаются, и вскоре я слышу в наушниках лишь собственное дыхание. Хм-м. Внезапно почему-то вспоминаются органные мессы Томаса Таллиса, оказавшие на меня такое удивительное действие. Пульс учащается. Мне не хочется никуда уходить отсюда.

Кристиан расстегивает ремни и поворачивается, чтобы высвободить меня из моей сбури. В его глазах горят огоньки.

— Понравился полет, мисс Стил? — интересуется он ласковым голосом.

— Да, благодарю вас, мистер Грей, — вежливо отвечаю я.

— Ну, теперь пойдем посмотреть фотографии твоего приятеля.

Он подает мне руку, и я опираюсь на нее, чтобы выбраться из «Чарли Танго».

Навстречу нам идет седобородый мужчина и широко улыбается. Я узнаю его, видела в прошлый раз.

— Привет, Джой. — Кристиан, отпустив мою руку, обменивается с ним дружеским рукопожатием.

— Присмотри за машиной. Стивен заберет ее после восьми.

— Будет сделано, мистер Грей. Мэм, — он вежливо кивает мне, — ваш автомобиль ждет внизу, сэр. А, да, лифт не работает. Вам придется идти пешком.

— Благодарю, Джой.

Кристиан берет меня за руку, и мы идем к лестнице.

— Хорошо еще, что тут всего три этажа. Ты на таких каблуках, — неодобрительно бормочет он.

Кроме шуток.

— Тебе не нравятся эти ботильоны?

— Очень нравятся, Анастейша. — Он шурится и, по-моему, хочет сказать что-то еще, но замолкает. — Ладно. Пойдем не спеша. Еще не хватало, чтобы ты споткнулась и сломала себе шею.

Шофер везет нас в галерею. Мы сидим молча; тревога вернулась и мучает меня с прежней силой, и я понимаю, что время полета в «Чарли Танго» было затишьем, «оком урагана». Кристиан смотрит в окно; он спокоен и задумчив, даже подавлен; наше прежнее веселое настроение пропало. Мне хочется сказать так много, но поездка слишком коротка.

— Хосе — просто мой друг, — бормочу я.

Кристиан поворачивается; в его глазах — настороженность. Его рот — ах, его рот берedit во мне сладкие воспоминания. Помню его всей своей кожей, всем своим телом — повсюду. Кристиан хмурится.

— Твои красивые глаза теперь занимают половину лица, Анастейша. Пожалуйста,

обещай мне, что ты будешь есть.

— Да, Кристиан, я буду есть, — отвечаю я автоматически, как робот.

— Я говорю серьезно.

— Да ну?

Мне не удается убрать насмешку из голоса. Честно говоря, поражает наглость этого человека, который заставил меня пройти через ад в последние дни. Нет, все не так... Я сама провела себя через ад. Нет, все-таки он... Я совсем запугалась и потрясла головой.

— Я не хочу воевать с тобой, Анастейша. Я хочу, чтоб ты вернулась, и хочу, чтоб ты была здоровой.

— Но ведь ничего не изменилось.

«Ты недаром именуешься Пятьдесят Оттенков...» — мысленно добавляю я.

— Давай поговорим об этом на обратном пути. Уже приехали.

Мы останавливаемся возле галереи, и Кристиан, лишив меня дара речи, вылезает из машины. Он открывает дверцу и подает руку.

— Зачем ты так делаешь? — Мой голос звучит громче, чем я хочу.

— Что я делаю? — недоумевает Кристиан.

— Говоришь такие вещи, а потом...

— Анастейша, мы приехали туда, куда ты хотела. Давай пойдем в галерею. Потом поговорим. Я не хочу устраивать сцены на улице.

Я оглядываюсь по сторонам. Он прав. Вокруг много народу. Я крепко сжимаю губы, а он гневно смотрит на меня.

— Хорошо, — угрюмо бормочу я.

Сжав мою руку, он ведет меня в здание.

Мы попадаем в переделанный пакгауз — кирпичные стены, темный деревянный пол, белые потолки и белая сеть водопроводных труб. Современно, просторно. По галерее бродят посетители, потягивают вино и любуются работами Хосе. На миг мои тревоги отступают, я осознаю, что мой друг воплотил в жизнь свою мечту.

Удачи тебе, Хосе!

— Добрый вечер, милости просим на вернисаж Хосе Родригеса.

Нас приветствует молодая женщина в черном; у нее очень короткие каштановые волосы, ярко-красная помада; в ушах крупные серьги. Она мельком смотрит на меня, потом гораздо дольше, чем необходимо, на Кристиана, потом опять на меня — и часто моргает.

Я удивленно поднимаю брови. Он мой — или был моим. Прилагаю все силы, чтобы убрать из взгляда враждебность. Когда ее глаза все же сфокусировались на мне, она снова моргает.

— А, это ты, Ана. Мы хотим, чтобы ты тоже поучаствовала во всем этом...

Растянув губы в улыбке, она вручает мне брошюру и направляет к столу, заставленному напитками и закусками.

— Ты ее знаешь? — хмуро интересуется Кристиан.

Я мотаю головой, озадаченная не меньше его.

Он пожимает плечами и меняет тему.

— Что ты будешь пить?

— Пожалуй, бокал белого вина.

Он морщит лоб, но ничего не говорит и идет к бару.

— Ана!

Хосе пробирается сквозь толпу.

Мама родная! Прямо-таки красавец! В костюме! Весь сияя, Хосе обнимает и крепко стискивает, а я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не разреветься. Он мой друг, мой единственный друг после отъезда Кейт. Слезы все-таки затуманивают мне зрение.

— Ана, я так рад, что ты смогла приехать, — шепчет Хосе мне на ухо. Потом вдруг откидывается назад и, взяв меня за плечи, рассматривает.

— Ты что?

— Эй, у тебя все нормально? Впрочем, выглядишь ты шикарно. *Dios mio*, ты похудела?

Усилием воли прогоняю слезы — его это тоже не касается.

— Хосе, все хорошо. Я так за тебя рада! Поздравляю с выставкой.

Мой голос дрожит, когда я вижу озабоченность на его таком знакомом лице, но я должна во что бы то ни стало держаться.

— Как ты добралась? — спрашивает он.

— Меня привез Кристиан, — отвечаю я, внезапно ощутив тревогу.

— А-а. — Лицо Хосе мрачнеет, и он разжимает руки. — Где же он?

— Вон там, пошел за вином.

Я киваю в сторону Кристиана и вижу, как он обменивается любезностями с кем-то из присутствующих. Кристиан оборачивается, и наши взгляды встречаются. И меня на краткий миг парализует: я стою и гляжу на невысказанно красивого мужика, который смотрит на меня с каким-то непостижимым чувством. Его взгляд прожигает меня, и вот мы уже забыли обо всем, что происходит вокруг, и видим только друг друга.

Черт побери... Этот красавец хочет, чтобы я вернулась к нему. Глубоко внутри меня светлая радость медленно разливается по телу, словно утренняя заря.

— Ана! — Хосе окликает меня, и я нехотя возвращаюсь в реальность. — Я так рад твоему приезду! Послушай, я должен тебя предупредить...

Внезапно рядом возникает мисс Короткая Стрижка и Красная Помада.

— Хосе, с тобой хочет побеседовать журналист из «Портленд Принц». Пойдем. — Она одаривает меня вежливой улыбкой.

— Вот она, популярность. Круто? — Хосе усмехается, и я невольно усмехаюсь в ответ — ведь он так счастлив. — Я тебя отыщу, Ана.

Мой друг чмокает меня в щеку и спешит к девушке, стоящей рядом с высоким нескладным фотографом.

Снимки Хосе развешены по всему залу, многие сильно увеличены и перенесены на огромные полотна. Среди них и черно-белые, и цветные. Многие пейзажи сияют жемчужной красотой. Вот, к примеру, озеро в Ванкувере: ранний вечер, розоватые облака отражаются в тихой воде. И я опять на краткий миг забываю про все и погружаюсь в безмятежность и покой природы. Потрясающе!

Ко мне подходит Кристиан и протягивает бокал белого вина.

— Что, кончается? — Мой голос звучит почти нормально.

Он вопросительно поднимает брови.

— Я говорю про вино.

— Нет. На таких тусовках такое случается редко. А парень и вправду талантлив. —

Кристиан любитесь снимком озера.

— Как ты думаешь, почему я попросила его сделать твой портрет? — В моем голосе звучит явная гордость. Он переводит взгляд с озера на меня.

— Кристиан Грей? — К нему подходит фотограф из «Портленд Принц». — Можно вас сфотографировать, сэр?

— Конечно.

Кристиан прогоняет хмурость с лица. Я отхожу в сторону, но он хватается меня за руку и тянет к себе. Фотограф смотрит на нас обоих и не может скрыть удивления.

— Благодарю вас, мистер Грей. — Он несколько раз щелкает затвором. — Мисс?.. — спрашивает он.

— Ана Стил, — отвечаю я.

— Благодарю вас, мисс Стил. — Фотограф торопливо удаляется.

— В Интернете я искала твои снимки с подружками. Ни одного не нашла. Вот почему Кейт и подумала, что ты гей.

Губы Кристиана скривились в усмешке.

— Теперь мне понятен твой нелепый вопрос. Нет, я никому не назначаю свидания, Анастейша, только тебе. Но ты и сама это знаешь. — Его голос звучит спокойно и искренне.

— Так, значит, ты нигде не появлялся со своими... — я нервно оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться, что нас никто не слышит, — ... сабами?

— Иногда появлялся. Но не назначал свидания. Это шопинг, понимаешь? — Он пожимает плечами, не отрывая от меня взгляда.

О-о, так, значит, все происходило в игротеке — в его Красной комнате боли и его квартире. Прямо и не знаю, что думать.

— Только с тобой, Анастейша, — шепчет он.

Я краснею и опускаю глаза. По-своему он действительно привязан ко мне.

— Твой друг, похоже, больше любит снимать пейзажи, а не портреты. Давай поглядим его работы. — Он протягивает мне руку.

Мы неторопливо рассматриваем работы Хосе, и я замечаю, как какая-то пара кивает мне, широко улыбаясь, словно знакомой. Вероятно, потому, что мы вместе с Кристианом. Но вот какой-то белокурый парень открыто таращится на меня. Странно...

Мы поворачиваем за угол, и тут я понимаю причину странных взглядов. На дальней стене расположены семь огромных портретов — и на них я.

Я смотрю с портретов в зал. Тут надуваю губы, на соседнем смеюсь, а вот хмурюсь, удивляюсь... Все снято на предельном приближении, все черно-белое.

Вот зараза! Я вспоминаю, как Хосе возился пару раз с фотоаппаратом, когда бывал у меня и когда я выезжала с ним в качестве шофера и помощника. Я-то думала, что он просто баловался. Не подозревала, что он сделает такие непринужденные снимки.

Кристиан, как замороженный, подолгу смотрит на каждый портрет.

— Похоже, не только я один... — загадочно бормочет он. Его губы сжаты в твердую полосу.

Мне кажется, он сердится.

— Извини, — говорит Кристиан, пронзив меня на миг своим острым взглядом, и направляется к столику администратора.

В чем дело? Я замороженно наблюдаю, как он оживленно беседует с мисс Короткая Стрижка и Красная Помада. Вот достает бумажник и извлекает из него кредитную карточку.

Эге! Вероятно, он купил один из портретов.

— Эй, значит, ты муза? Потрясающие фото.

На меня опять таращится парень с копной светлых волос. Я чувствую теплую ладонь на моем локте. Это вернулся Кристиан.

— Ты счастливчик, — говорит ему блондин и получает в ответ ледяной взгляд.

— Конечно, счастливчик, — мрачно бормочет Кристиан, отводя меня в сторону.

— Ты купил один из портретов?

— Один? — фыркает он, не отрывая от них глаз.

— Ты купил не один, а больше?

Он поднимает брови.

— Я приобрел все, Анастейша. Я не хочу, чтобы всякие там типы таращились на тебя, если купят эти снимки и повесят их у себя дома.

Я чуть не рассмеялась.

— Ты предпочитаешь делать это сам? — усмехаюсь я.

Он сердито смотрит на меня, вероятно, застигнутый врасплох моей дерзостью, но старается скрыть удивление.

— Честно говоря, да.

— Извращенец. — Я прикусываю губу, чтобы не засмеяться.

У него отвисает челюсть, и теперь его удивление становится явным. В задумчивости он трет подбородок.

— Ничего не могу возразить против такой оценки, Анастейша. — Он наклоняет голову набок, и в его глазах прыгают смешинки.

— Мы потом еще поговорим с тобой об этом, но я обещаю полную конфиденциальность.

Он вздыхает и смотрит на меня долгим взглядом.

— И о том, что я сделал бы с твоим милым, дерзким ротиком, — еле слышно бормочет он.

Я ахаю, хорошо понимая, что он имеет в виду.

— Ты очень груб. — Я пытаюсь изобразить ужас, и мне это удается. Неужели для него не существует рамок дозволенного?

Он ухмыляется, потом хмурит брови.

— На этих фото ты держишься очень непринужденно. Я нечасто вижу тебя такой.

Что? Эге! Смена темы — от игривого к серьезному.

Я краснею и опускаю взгляд. Он берет меня за подбородок и заставляет поднять голову. Я взволнованно задыхаюсь от его прикосновения.

— Я хочу, чтобы ты со мной была такой же непринужденной, — шепчет он. Все проблески юмора исчезли.

Глубоко внутри меня опять зашевелилась радость. Но разве это возможно? Ведь у нас проблемы.

— Если ты хочешь этого, тогда перестань меня пугать, — огрызаюсь я.

— А ты научись общаться и говорить мне, что ты чувствуешь, — огрызается он в ответ, сверкнув глазами.

Я вздыхаю.

— Кристиан, ты хочешь видеть меня своей покорной рабыней, сабой. Вот в чем проблема. Вот определение прилагательного «сабмиссивная» — ты как-то прислал мне его по почте. — Я замолкаю, припоминая дословно его послание. — Кажется, синонимами были, цитирую: «мягкая, покладистая, податливая, уступчивая, сговорчивая, пассивная, послушная, смиренная, терпеливая, кроткая, безвольная, робкая...». Я не должна поднимать на тебя глаза. Не должна говорить без твоего разрешения. Чего же ты ожидал? — ехидно интересуюсь я.

Он хмурится все сильнее, а я продолжаю:

— Я вообще не понимаю, чего ты хочешь. То тебе не нравится, что я спорю с тобой, то ты хвалишь мой «дерзкий ротик». Ты ждешь от меня повиновения, чтобы при непослушании меня можно было бы наказать. Я просто не знаю, куда тебя занесет, когда я буду с тобой.

Его глаза превратились в злые щелочки.

— Что ж, мисс Стил, в логике вам, как всегда, не откажешь, — цедит он ледяным тоном. — Но сейчас мы поужинаем.

— Но ведь мы тут пробыли всего полчаса.

— Ты посмотрела фотографии; ты поговорила с парнем.

— Его зовут Хосе.

— Ты поговорила с Хосе. Между прочим, когда я видел его в прошлый раз, ты была пьяная, и он пытался засунуть свой язык в твой рот.

— Он ни разу не ударил меня, — парирую я.

Кристиан сдвигает брови, злость исходит из каждой его поры.

— Это запрещенный удар, Анастейша, — шепчет он.

Я бледнею, а Кристиан приглаживает свою шевелюру, вставшую дыбом от едва сдерживаемого гнева. Но я не собираюсь сдаваться и с вызовом гляжу на него.

— Ты срочно должна что-то съесть. Ты вянешь на глазах. Найди парня и попросишься с ним.

— Пожалуйста, давай побудем здесь еще немного.

— Нет. Иди. Немедленно. Попрошайся.

Я злюсь, моя кровь бурлит. Проклятый идиот, кто дал ему право командовать? Злость — это хорошо. Злость лучше, чем слезы.

Я с трудом отрываю взгляд от Кристиана и ищу Хосе. Он беседует с группой каких-то девиц. Направляюсь к нему. Почему я должна слушаться Кристиана? Только потому, что он привез меня сюда? Какого черта! И вообще, что он себе воображает?

Девицы ловят каждое слово Хосе. Одна из них, несомненно, узнает меня по тем портретам и раскрывает рот от изумления.

— Хосе!

— Ана! Извините, девочки.

Хосе улыбается им и обнимает меня за плечи. Надо же, Хосе, мой старый приятель, сделался таким галантным, светским, производит впечатление на женщин.

— Ты выглядишь умопомрачительно, — говорит он.

— Мне пора уходить, — бормочу я.

— Но ведь ты только что пришла.

— Да, но Кристиану нужно возвращаться. Хосе, твои работы — фантастика. Ты очень талантлив.

Он просиял.

— Классно, что я тебя повидал.

Он по-медвежьи обхватывает меня и кружится вместе со мной. Краем глаза замечаю Кристиана. Он злится, ясное дело, потому что я в объятьях Хосе. Ладно, позлись, дружище! Я нарочно обнимаю Хосе за шею. Сейчас Кристиан лопнет от бешенства. Его глаза мечут молнии. Он медленно направляется к нам.

— Спасибо, что предупредил меня насчет портретов, — ехидно говорю я.

— Ой, блин. Извини, Ана. Мне и вправду нужно было бы сообщить тебе. Как ты их находишь?

— Хм... не знаю, — честно отвечаю я, мгновенно выбитая из равновесия его вопросом.

— Ну, они все уже проданы, так что они кому-то понравились. Круто, не? Ты — девушка с постера.

Хосе обнимает меня еще крепче. К нам подходит разъяренный Кристиан. К счастью, Хосе не видит его лица.

— Не пропадай, Ана, — Хосе отпускает меня. — О, мистер Грей, добрый вечер.

— Мистер Родригес, я очень впечатлен. — Кристиан произносит это с ледяной вежливостью. — К сожалению, мы не можем остаться здесь, так как должны вернуться в Сиэтл. Анастейша? — Он подчеркнуто произносит слово «мы» и берет меня за руку.

— Пока, Хосе. Еще раз поздравляю.

Я поспешно чмокаю его в щеку и не успеваю опомниться, как Кристиан уже выволакивает меня из здания. Я знаю, что он клокочет от безмолвной ярости, но я тоже зла на него.

Он быстро окидывает взглядом улицу и направляется влево, а потом внезапно втаскивает меня в боковую улочку и резко прижимает к стене. Обхватывает ладонями мое лицо, заставляет заглянуть в его горящие, решительные глаза.

Я судорожно хватаю ртом воздух, а Кристиан яростно меня целует. В какой-то момент наши зубы лязгают друг о друга, потом его язык проникает в мой рот.

Желание взрывается в моем теле подобно фейерверку в честь национального праздника. Я тоже целую его, с такой же страстью. Я вцепилась в его волосы, тяну их без пощады. Он стонет. Этот низкий звук очень сексуален; он рождается в глубине его глотки и вибрирует в моем теле. Рука Кристиана сползает мне на бедро, пальцы через платье впиваются в мое тело.

Я вливаю в наш поцелуй весь страх и боль последних дней, привязываю Кристиана ко мне. И в этот момент слепой страсти меня осеняет — он делает то же самое, чувствует то же самое.

Тяжело дыша, он прерывает поцелуй. Его глаза светятся желанием, этот свет уже зажег мою кровь, она бурлит в моем теле. Я хватаю ртом драгоценный воздух, наполняю им легкие.

— Ты. Моя. Ты. Моя, — рычит он, подчеркивая каждое слово. Наклоняется, упираясь руками в колени, словно только что пробежал марафонскую дистанцию. — Клянусь богом,

Ана.

Я прислоняюсь к стене, тяжело дышу, пытаюсь взять под контроль судорожную реакцию собственного тела, обрести равновесие.

— Прости, — шепчу я, когда ко мне возвращается дыхание.

— Ты должна быть моей. Я понимаю, что ты колеблешься. Ты хочешь быть с фотографом, Ана? Он явно неравнодушен к тебе.

Я виновато качаю головой.

— Нет. Он просто друг.

— всю мою сознательную жизнь я старался избегать крайних эмоций. А ты... ты вытаскиваешь из меня чувства, совершенно мне чуждые. Это очень ... — Он хмурится, подыскивая слово. — Тревожно... Я люблю все держать под контролем, Ана, а рядом с тобой это просто... — в его глазах мелькает удивление, — невозможно.

Он делает неопределенный жест рукой, проводит ею по волосам и тяжело вздыхает.

— Ладно, пойдём. Нам нужно поговорить, а тебе — ещё и поесть.

Кристиан привел меня в маленький уютный ресторан.

— Ладно, этот нас устроит, — пробормотал он. — У нас мало времени.

Ресторан мне нравится. Деревянные стулья, льняные скатерти, а стены того же цвета, что и в игровой комнате, — темно-красные; на стенах кое-где висят маленькие зеркала в позолоченной оправе, на столах — белые свечи и вазочки с белыми розами. Где-то в глубине Элла Фицджеральд мягко воркует о недуге под названием «любовь». Все вполне романтично.

Официант ведет нас к столику на двоих в небольшом алькове. Я усаживаюсь, не зная, чего ждать от предстоящего разговора.

— У нас мало времени, — говорит Кристиан официанту. — Пожалуйста, два стейка из вырезки средней прожаренности, под соусом беарнез, если есть, с картофелем фри и свежие овощи на выбор шефа. И принесите винную карту.

— Конечно, сэр.

Официант, впечатленный холодным, властным тоном Кристиана, спешно удаляется. Кристиан кладет на столик свой смартфон. Господи, неужели я не имею права голоса?

— А если я не люблю стейк?

— Анастейша, опять ты за старое...

— Кристиан, я не ребенок.

— А ведешь себя как ребенок.

Я вздрагиваю, словно от пощечины. Сейчас начнется раздраженная перепалка, хотя и в романтичном интерьере, но уж точно без цветов и сердечек.

— Я ребенок, потому что не люблю стейк? — бубню я, стараясь спрятать обиду.

— Потому что нарочно заставляешь меня ревновать. Совершенно по-детски. Неужели тебе не жалко своего приятеля, когда ты так поступаешь? — Кристиан поджимает губы и хмурится.

Возвращается официант с винной картой.

Как я не подумала об этом? Я краснею. Бедный Хосе — я вовсе не собиралась обнадеживать его. Я помертвела: в самом деле, как по-дурацки! Прав Кристиан.

— Хочешь выбрать вино? — обращается он ко мне, вопросительно подняв брови, сама надменность. Ведь знает, что я совершенно не разбираюсь в винах.

— Выбери ты, — отвечаю я, хмуро, но покорно.

— Пожалуйста, два бокала «Баросса Вэлли Шираз».

— Э-э... Мы подаем это вино только бутылкой, сэр.

— Тогда бутылку, — приказывает Кристиан.

— Хорошо, сэр.

Официант покорно удаляется, и я его понимаю. Хмуро смотрю на своего Пятьдесят Оттенков. Что так выводит его из себя? Наверное, я. Где-то в глубине моей души внутренняя богиня восстает от сна, потягивается и улыбается. Она подремала.

— Ты очень вздорный.

Он бесстрастно смотрит на меня.

— Интересно, с чего бы это?

— Ладно, может, лучше найдем верный тон для честного и откровенного обсуждения нашего будущего? — Я заглядываю ему в глаза и сладко улыбаюсь.

Его рот сжимается в жесткую линию, но потом, почти против желания, губы шевелятся, и я понимаю, что он пытается спрятать улыбку.

— Извини.

— Извинения приняты. И я с удовольствием сообщаю тебе, что за время, прошедшее с нашего последнего совместного ужина, я не перешла на вегетарианство.

— Тогда ты в последний раз ела что-то существенное, так что, по-моему, это умозрительный факт, далекий от практической реальности.

— Вот, опять это слово, «умозрительный».

— Да, умозрительный, небесспорный, — произносит он, и в его глазах мелькают смешинки. Он приглаживает волосы и снова становится серьезным. — Ана, в последний раз, когда мы говорили с тобой о важных вещах, ты ушла от меня. Я немного нервничаю. Я уже сказал тебе, что хочу тебя вернуть, а ты... не ответила мне. — В его глазах я вижу мольбу и ожидание, а его искренность меня обезоруживает. Черт побери, что же мне ему ответить?

— Я скучала без тебя... ужасно скучала, Кристиан. Последние дни были... очень тяжелыми. — Комок в моем горле растет и растет, я вспоминаю свое мрачное отчаяние.

Последняя неделя, наполненная неопишуемой болью, стала самой тяжелой в моей жизни. Ничего подобного со мной еще не случилось. Но здравый смысл берет свое.

— Ничего не изменилось. Я не могу быть такой, как нужно тебе. — Я буквально выдавливаю из себя эти слова, им очень мешает комок в горле.

— Ты будешь такой, как нужно мне, — решительно заявляет он.

— Нет, Кристиан, не буду.

— Ты расстроена из-за того, что произошло в тот последний раз. Я вел себя глупо, а ты... Да и ты тоже. Почему ты не сказала стоп-слово, Анастейша? — Его тон меняется, в нем звучит упрек.

Что?.. Эге, смена темы...

— Ответь мне.

— Не знаю. Я была не в себе. Я старалась быть такой, какой тебе нужно, старалась перетерпеть боль. Поэтому я просто забыла. Понимаешь... я забыла, — прошептала я, пристыженная, и виновато пожала плечами.

Возможно, тогда мы избежали бы ссоры.

— Ты забыла! — ужасается он и с силой сжимает край стола. Я вяну под его гневным взглядом.

Дьявол! Он опять злится. Моя внутренняя богиня тоже недовольна мной. Видишь, ты сама во всем виновата!..

— Вот как я могу доверять тебе? — Его голос еле слышен. — Как?

Появляется официант с заказанным вином, а мы сидим и играем в гляделки, голубые глаза и серые. Нас обоих переполняют невысказанные упреки. Официант с нелепой торжественностью откупоривает бутылку и наливает немного вина Кристиану. Тот машинально берет бокал и пробует вино.

— Хорошо, — кивает он.

Официант аккуратно наполняет бокалы, ставит на стол бутылку и поспешно уходит. Все

это время Кристиан не отрывает от меня глаз. Я первая прекращаю игру и делаю большой глоток. Вкуса вина я почти не ощущаю.

— Извини, — шепчу я.

В самом деле, как глупо все получилось. Я ушла, решив, что у нас разные представления об удовольствии, но сейчас он говорит, что я могла его остановить.

— За что? — пугается он.

— Что не сказала стоп-слово.

Он прикрывает веки, словно испытывает облегчение.

— Мы могли бы избежать всех этих страданий, — бормочет он.

— Выглядишь ты тем не менее хорошо.

«Более чем хорошо. Ты выглядишь, как всегда».

— Внешность обманчива, — спокойно возражает он. — Мне было очень плохо, Ана. Пять дней я жил во мраке, без солнца. В вечной ночи.

Я тронута его признанием. Господи, совсем как я...

— Ты обещала, что никогда не уйдешь от меня, а сама из-за какого-то недоразумения — и сразу за дверь.

— Когда это я обещала тебе, что не уйду?

— Во сне. Анастейша, это была самая приятная вещь, какую я слышал в жизни. Я так обрадовался.

Мое сердце сжалось, рука потянулась к бокалу.

— Ты говорила, что любишь меня, — шепчет он. — Что, теперь это в прошлом? — В его вопросе звучит тревога.

— Нет, Кристиан, нет.

— Хорошо, — бормочет он и вздыхает с облегчением. Сейчас он выглядит таким беззащитным.

Его признание поразило меня. Неужели он переменялся? Ведь когда-то, в самом начале, я призналась, что люблю его, и он пришел в ужас...

Вернулся официант. Быстро ставит перед нами тарелки и исчезает.

Проклятье. Еще эта еда!

— Ешь, — приказывает Кристиан.

Я понимаю, что голодна, но в этот момент мой желудок свело судорогой. Вот я сижу сейчас напротив любимого мужчины, единственного в моей жизни, и мы говорим о нашем неопределенном будущем. Какой уж тут здоровый аппетит? Я с тоской смотрю на тарелку.

— Клянусь богом, Анастейша, если ты не будешь есть, я прямо тут, в ресторане, положу тебя к себе на колени и отшлепаю. И это никак не будет связано с моими сексуальными пристрастиями. Ешь!

Не кипятись, Грей... Мое подсознание глядит на меня поверх очков-половинок. Оно целиком и полностью поддерживает Пятьдесят Оттенков, соглашается с ним.

— Ладно, я поем. Уйми, пожалуйста, зуд в твоей доминантной ладони.

Он по-прежнему смотрит на меня — строго, без улыбки. Неохотно беру нож с вилкой и отрезаю кусочек стейка. Ох, какой он вкусный! Я голодна, очень голодна. Жую мясо, и Грей заметно успокаивается.

Мы молча ужинаем. Музыка переменялась. Нежный женский голос поет грустную песню, ее слова эхом повторяют мои мысли. Я тоже никогда уже не буду прежней, после того как он вошел в мою жизнь.

Я поднимаю глаза на Пятьдесят Оттенков. Он пережевывает мясо и смотрит на меня. В горячем взгляде смешались страсть и беспокойство.

— Ты знаешь, кто это поет? — Я пытаюсь завязать нормальную беседу.

Кристиан перестает жевать и прислушивается.

— Нет. Но поет она хорошо.

— Мне тоже нравится.

Наконец, на его лице появляется обычная загадочная улыбка. Что-то он задумал?

— Что? — спрашиваю я.

— Ешь, — мягко говорит он и качает головой.

Я осилила половину тарелки. Больше не могу. Как мне его убедить?

— Все, я сыта. Сэр, как, на ваш взгляд, я съела достаточно?

Он молча и невозмутимо смотрит на меня, потом на часы.

— Я в самом деле наелась, — добавляю я и пью восхитительное вино.

— Нам пора идти. Тейлор уже здесь, а тебе утром — на работу.

— Тебе тоже.

— Мне требуется гораздо меньше сна, чем тебе, Анастейша. Что ж, по крайней мере, ты поела.

— Мы снова полетим на «Чарли Танго»?

— Нет, я ведь пил вино. Нас отвезет Тейлор. Побудем вместе хотя бы пару часов, поговорим. Угадай, чем мы сможем заняться еще, помимо разговоров?

А-а, вот что он задумал! Кристиан подзывает официанта и просит чек, потом берет телефон и звонит.

— Мы в ресторане «Ле Пикотен», Юго-Запад, Третья авеню.

Он всегда говорит по телефону коротко.

— Ты очень резок с Тейлором, да и с другими людьми тоже.

— Просто я быстро излагаю суть, Анастейша, и быстро ее схватываю.

— Сегодня вечером ты не добрался до сути. Ничего не изменилось, Кристиан.

— У меня к тебе предложение.

— Я уже слышала твои предложения.

— Это другое предложение.

Возвращается официант, и Кристиан, не глядя на счет, протягивает ему свою кредитную карточку. Он задумчиво смотрит на меня, пока официант манипулирует с карточкой. Смартфон снова оживает.

Предложение? Что на этот раз? Воображение подсказывает несколько сценариев: похищение, рабство... Нет, все это глупости. Кристиан прячет карточку.

— Пошли. Тейлор приехал.

Мы встаем, и он берет меня за руку.

— Я не хочу терять тебя, Анастейша.

Он нежно целует мои пальцы. Прикосновение губ к моей коже резонансом отзывается по всему телу.

У входа в ресторан нас ждет «Ауди». Кристиан открывает для меня дверцу. Я сажусь на

мягкое замшевое сиденье. Он делает знак Тейлору, тот выходит из машины, и они что-то кратко обсуждают. Вещь необычная для них. Любопытно, о чем они говорят? Через пару минут оба садятся в машину. Я кошусь на Кристиана, а тот с бесстрастным видом смотрит куда-то вперед.

Позволяю себе на краткий миг рассмотреть его профиль: прямой нос, полные, четко очерченные губы, восхитительно пышные волосы небрежно падают на лоб. Конечно, я недостойна этого божественно красивого мужчины.

Салон наполняет нежная музыка, какое-то замечательное оркестровое произведение, которое я не знаю. Тейлор встраивается в поток машин и берет курс на I-5 и Сиэтл.

Кристиан поворачивает голову.

— Как я уже сказал, Анастейша, у меня есть предложение.

Я нервно гляжу на водителя.

— Тейлор нас не слышит, — заверяет меня Кристиан.

— Как это?

— Тейлор, — зовет Кристиан. Тейлор не реагирует. Он окликает его снова, опять без ответа. Кристиан наклоняется и хлопает его по плечу. Тейлор снимает наушники, которые я не заметила.

— Да, сэр?

— Спасибо, Тейлор. Все в порядке, слушай дальше.

— Да, сэр.

— Теперь довольна? Он слушает музыку. Пуччини. Забудь о его присутствии. Я забыл.

— Ты нарочно попросил его это сделать?

— Да.

А-а...

— Ладно, так твое предложение?

Внезапно Кристиан принимает решительный и деловой вид. Ой, мама, оказывается, мы обсуждаем сделку. Я внимательно слушаю.

— Позволь мне сначала тебя спросить: ты предпочитаешь правильный, «ванильный» секс? Без всякой эксцентрики?

У меня отвисает челюсть.

— Эксцентрики? — пишу я.

— Эксцентрики, со всякой хренотенью.

— Не верю своим ушам, неужели это говоришь ты?

— Да, я. Ответь мне, — спокойно требует он.

Я краснею. Моя внутренняя богиня стоит на коленях и молит меня согласиться.

— Мне нравится твоя эксцентричная хренотень, — шепчу я.

— Так я и думал. Тогда что же тебе не нравится?

«Что я не могу касаться тебя, что ты наслаждаешься моей болью, не нравится ремень...»

— Мне не нравится угроза жестокого и необычного наказания.

— Ты о чем?

— Меня жутко пугают хлысты и плетки в твоей игровой комнате. Мне не хочется, чтобы ты опробовал их на мне.

— Ладно, договорились: никаких плеток и хлыстов, а также бандажа, — сардонически говорит он.

Я озадаченно смотрю на него.

— Ты пытаешься заново определить жесткие рамки?

— Не совсем. Я просто пытаюсь понять, что тебе нравится, а что нет.

— Самое главное, Кристиан, мне трудно примириться с тем, что ты с удовольствием причиняешь мне боль. А еще мысль о том, что ты будешь это делать, потому что я выйду за какую-то условную случайную черту.

— Но она не случайная; правила у нас записаны.

— Мне не нужен набор правил.

— Вообще? Никаких?

— Никаких.

Я решительно качаю головой, но в душе побаиваюсь. Как он отнесется к моим словам?

— А если я тебя отшлепаю? Не будешь возражать?

— Чем отшлепаешь?

— Вот чем. — Он подносит к моему лицу ладонь.

— Пожалуй, не буду, — неуверенно отвечаю я. — Особенно, если с теми серебряными шариками...

Слава богу, темно. Мои щеки пылают, пропадает голос, когда я вспоминаю ту ночь... Да, я хочу, хочу, чтобы она повторилась.

— Что ж, тогда было забавно, — ухмыляется он.

— Тогда было хорошо, — лепечу я.

— Так ты можешь вытерпеть чуточку боли?

Я пожимаю плечами.

— Да, пожалуй.

Ох, куда он пойдет с этим? Мой уровень тревоги взлетает на несколько баллов по шкале Рихтера.

Он в задумчивости трет подбородок.

— Анастейша, я хочу начать все сначала. Остановимся пока на ванильных радостях. Может быть, потом, если ты начнешь больше мне доверять, мы научимся быть честными друг с другом. Тогда мы выйдем на более высокий уровень общения, шагнем вперед и станем делать кое-какие вещи, которые нравятся мне.

Я озадаченно гляжу на него, и в моей голове пусто, отсутствуют абсолютно все мысли — как компьютерный пипец... Потом понимаю: он волнуется, но я почему-то больше не вижу его отчетливо, словно нас окутала орегонская мгла. Наконец, до меня доходит, что так оно и есть.

Он хочет света, ясности? Но разве мне нравится тьма? Смотря какая и где. В памяти опять всплывают непрощенные воспоминания о Томасе Таллисе.

— Как же наказания?

— Никаких наказаний. — Он кивает как бы в подтверждение своих слов и еще раз повторяет: — Никаких.

— А правила?

— Никаких правил.

— Вообще никаких? Но тебе ведь нужны правила.

— Ты нужна мне еще больше, чем они, Анастейша. Последние дни показались мне адом. Моя интуиция, мой здравый смысл убеждали меня, что я должен тебя отпустить, что я

не заслуживаю твоего внимания. Те снимки, которые сделал парень... Мне стало ясно, какой он тебя видит. Ты выглядишь на них беззаботной и красивой. Ты и сейчас красивая, но я вижу твою боль. Мне грустно сознавать, что я стал виновником этой боли... Да, я эгоист. Я захотел тебя мгновенно, в тот момент, когда ты рухнула на пороге моего кабинета. Ты необыкновенная, честная, добрая, сильная, остроумная, соблазнительно невинная; твои достоинства можно перечислять бесконечно. Я обожаю тебя. Хочу тебя, и мысль о том, что ты будешь с кем-то другим, словно нож ранит мою темную душу.

У меня пересохли губы. Мама родная! Если это не признание в любви, тогда что же? И плотину прорвало — из меня полились слова.

— Кристиан, почему ты считаешь, что у тебя темная душа? Я никогда бы не сказала. Печальная, да, возможно... но ты хороший! Я вижу это... ты великодушный, щедрый, добрый, и ты мне никогда не лгал. А я и не очень сильно страдала в тот раз от боли. Просто минувшая суббота стала для меня шоком. Или пробуждением, моментом истины. Я поняла, что ты шадил меня, что я не смогла быть такой, какой ты хотел меня видеть. Потом я ушла и вскоре осознала, что физическая боль, которую ты мне причинил, не идет ни в какое сравнение с болью потери, если мы расстанемся. Я хочу тебе нравиться, но это трудно.

— Ты нравишься мне всегда, — шепчет он. — Сколько раз я должен повторять это?

— Я никогда не знаю, что ты думаешь. Иногда ты такой замкнутый... как островное государство. Ты меня пугаешь. Вот почему я притихла. Потому что не знаю, какое настроение будет у тебя в следующий момент. За наносекунду оно переносится с севера на юг и обратно. Это сбивает меня с толку. И еще ты не позволяешь до тебя дотрагиваться, а мне так хочется показать, как сильно тебя люблю.

Он молчит в темноте, вероятно, не знает, что сказать, и я не выдерживаю. Отстегиваю ремень безопасности и, к удивлению Кристиана, забираюсь к нему на колени.

— Я люблю тебя, Кристиан Грей, — шепчу я, обхватив ладонями его голову. — Ты готов пойти на это ради меня. Я не заслуживаю такой жертвы, и мне очень жаль, что я не могу делать все эти штуки. Ну, может, со временем, я не знаю... однако я принимаю твое предложение, да, принимаю. Где я должна поставить свою подпись?

Он обнимает меня и прижимает к себе.

— Ох, Ана! — вздыхает он и утыкается носом в мои волосы.

Мы сидим, обняв друг друга, и слушаем музыку — спокойно журчащий фортепианный этюд. Она отражает наши эмоции, радостный покой после бури. Я уютно устроилась и положила голову ему на плечо. Он ласково гладит меня по спине.

— Я не переношу, когда ко мне прикасаются, Анастейша, — шепчет он.

— Знаю. Только не понимаю почему.

Он молчит, потом вздыхает и говорит вполголоса:

— У меня было ужасное детство. Один из сутенеров матери... — Его голос дрожит и замолкает, а тело каменеет. Он вспоминает какой-то невообразимый ужас и содрогается. — Я ничего не забыл.

У меня сжимается сердце, когда я вспоминаю шрамы от ожогов на его теле. О Кристиан! Я еще сильнее обнимаю его за шею.

— Она обижала тебя? Твоя мать? — У меня дрожит голос, а в глазах стоят слезы.

— Нет, насколько я помню. Но она меня почти не замечала. Не защищала от своего дружка. — Он хмыкает. — По-моему, это я заботился о ней, а не наоборот. Когда она в конце концов свела счеты с жизнью, прошло четыре дня, прежде чем кто-то забил тревогу и нашел

нас... Я это помню.

Я не в силах сдержать возглас ужаса. Господи! К моему горлу подступает желчь.

— Хреново тебе пришлось, — шепчу я.

— На мою долю выпали все пятьдесят оттенков мрака, — бормочет он.

Я прижимаюсь губами к его шее, жалею, представляю маленького и грязного сероглазого мальчугана, растерянного и одинокого, рядом с телом мертвой матери.

Кристиан!.. Я вдыхаю его запах. Божественный, самый любимый запах на всем белом свете. Кристиан еще крепче обнимает меня, целует мои волосы. Я нежусь в его объятиях, а Тейлор гонит машину сквозь ночь.

Когда я просыпаюсь, мы уже едем по Сиэтлу.

— Эй, — ласково говорит Кристиан.

— Прости, — мурлычу я и выпрямляюсь, моргая и потягиваясь. Я все еще сижу у него на коленях, в его объятиях.

— Ана, я могу целую вечность смотреть, как ты спишь.

— Я что-нибудь говорила?

— Нет. Мы уже подъезжаем к твоему дому.

Неужели? Так скоро?

— Мы не поедem к тебе?

— Нет.

Я поворачиваюсь и смотрю на него.

— Почему нет?

— Потому что тебе завтра на работу.

— А-а-а... — Я складываю губы трубочкой.

— Ты что-то задумала?

— Ну, может. — Я немного смущена.

Он весело усмехается.

— Анастейша, я не собираюсь прикасаться к тебе, пока ты не попросишь меня об этом.

— Как? Не понимаю.

— Мне нужно, чтобы ты шла на контакт со мной. В следующий раз, когда мы займемся любовью, ты должна точно сказать мне, что ты хочешь. Точно и подробно.

Тейлор останавливается возле моего дома. Кристиан выходит из машины и открывает передо мной дверцу.

— Я кое-что для тебя приготовил.

Он открывает багажник и извлекает из него большую, красиво упакованную коробку. Интересно, что это такое?

— Открой, когда поднимешься к себе.

— А ты не пойдешь со мной?

— Нет, Анастейша.

— Когда же я тебя увижу?

— Завтра.

— Мой босс хочет, чтобы я пошла с ним завтра в ресторан.

Лицо Кристиана делается строгим.

— В самом деле? Зачем? — В его голосе звучит скрытая угроза.

— Чтобы отпраздновать окончание моей первой рабочей недели, — быстро добавляю я.

— И куда же?

— Не знаю.

— Я могу забрать тебя оттуда.

— Хорошо, я сообщу тебе по почте или эсэмэской.

— Договорились.

Он провожает меня до входной двери и ждет, пока я выуживаю из сумочки ключи и открываю дверь. Потом он наклоняется и, держа меня за подбородок, проводит дорожку из поцелуев от уголка моего глаза до уголка рта.

У меня вырывается тихий стон, внутри все тает и млеет.

— До завтра, — шепчет он.

— Доброй ночи, Кристиан. — В моем голосе звучит желание.

Он улыбается и приказывает:

— Иди.

Я иду через вестибюль, держа в руках загадочную коробку.

— Пока, малышка.

Он поворачивается и грациозно, как всегда, возвращается к машине.

В квартире я открываю коробку. В ней вижу мой лэптоп MacBook Pro, «блэкберри» и еще одну прямоугольную коробку. Что же там? Я снимаю серебристую бумагу. Под ней — черный кожаный футляр.

Открываю футляр и обнаруживаю айпад. Рехнуться можно! На экране лежит белая карточка. Строчки написаны почерком Кристиана.

Анастейша — это тебе.

Я знаю, что тебе хочется послушать.

Музыка все скажет вместо меня.

Кристиан.

Я получила микстейп Кристиана Грея, составленную им музыкальную композицию, да еще на роскошном крутом айпаде. Неодобрительно качаю головой, мол, слишком дорогой презент, а в душе довольна. Такой девайс есть у нас в офисе, у Джека, и я знаю, как он работает.

Включаю его и ахаю, увидев заставку: маленькая модель планера. Господи, планер «Бланик» Л-23 на стеклянной подставке стоит на письменном столе Кристиана. Вероятно, в его кабинете. У меня отвисает челюсть.

Он склеил его! Он действительно его склеил. Я вспомнила, что он упомянул о нем в записке, лежавшей в цветах. Меня захлестывает радость — я моментально понимаю, что он вложил в этот подарок свою душу.

Я направляю стрелку вниз, чтобы открыть программу, и снова ахаю при виде другого снимка: нас с Кристианом сфоткали на тусовке по случаю окончания колледжа. Снимок потом появился в «Сиэтл тайме». Кристиан там потрясающий красавец. Мое лицо расплзается в невольной улыбке: да, он красавец, и он мой!

Взмах пальца, иконка смещается, а на следующем экране появляются несколько новых: электронные книги, Kindle app, Word — что угодно.

Британская библиотека? Я касаюсь иконки — выскакивает меню: Историческая

коллекция. Двигаясь по списку, я выбираю «Новеллы XVIII — XIX столетий». Вот другое меню. Я печатаю в строке выбора: «Американцы у Генри Джеймса». Открывается новое окно, со сканированной копией книги. Елки-палки, да это издание 1879 года! Кристиан купил мне доступ в Британскую библиотеку — достаточно лишь нажать клавишу.

Я понимаю, что могу надолго тут застрять, и поскорее выхожу из библиотеки. Вижу другие приложения — новости, погода... «хорошая еда» (тут я закатываю глаза от возмущения и одновременно улыбаюсь)... Но в записке упомянута музыка. Я возвращаюсь к основному интерфейсу, кликаю иконку, появляется плей-лист.

Я просматриваю музыку. Подборка вызывает у меня улыбку. Томас Таллис — уж его-то я никогда не забуду. Ведь я слышала его дважды, когда Кристиан порол меня и трахал.

«Колдовство» — группа «Pendulum». У меня рот до ушей — я кружусь по комнате. Бах-Марчелло — ну нет, слишком печально, не годится для моего теперешнего настроения. Хмм. Джеф Бакли — да, слышала о таком. «Snow Patrol», моя любимая группа, а еще композиция под названием «Принципы похоти». Как похоже на Кристиана! Еще одна — «Обладание»... о да, вот они, Пятьдесят Оттенков. Про остальные я никогда не слышала.

Выбираю песню и нажимаю play. Называется она «Try», поет Нелли Фуртадо. Голос обволакивает меня, окутывает меня, словно серебристый шарф. Я ложусь на постель и гляжу в потолок.

Что, это и есть новая попытка Кристиана? Попытка новых отношений между нами? Я околдована словами песни, но пытаюсь понять его планы. Он скучал без меня. Я скучала без него. Возможно, он что-то испытывает ко мне. Возможно. Айпад, эти песни и приложения — он выбирал их специально для меня. Значит, хочет, чтобы я была с ним. В самом деле хочет. В моем сердце шевелится надежда.

Песня замолкает, а у меня на глаза наворачиваются слезы. Я поскорей выбираю другую — «Ученый», группа «Колдплэй», ее очень любит Кейт. Я ее знаю, но всегда слушала мимоходом, невнимательно. Сейчас я закрываю глаза, и слова песни омывают меня, проникают мне в душу.

Из глаз полились слезы. Я не могу их остановить. Если это не раскаяние, тогда что же? Ах, Кристиан!..

Или это приглашение? Ответит ли он на мои вопросы? Но, может, я слишком фантазирую и вижу то, чего нет в реальности и никогда не будет?

Я смахиваю слезы. Надо отправить ему письмо и поблагодарить. Я вскакиваю с постели и иду за ноутбуком.

Под «Колдплэй» я сажусь и поджимаю ноги. «Мак» включается, и я открываю почту.

От кого: Анастейша Стил

Тема: iPad

Дата: 9 июня 2011 г. 23.56

Кому: Кристиан Грей

Ты опять заставил меня плакать.

Я люблю планшетник.

Я люблю песни.

Я люблю приложение «Британская библиотека».

Я люблю тебя.

Спасибо.
Доброй ночи.

Ана хх

От кого: Кристиан Грей

Тема: iPad

Дата: 10 июня 2011 г. 00.03

Кому: Анастейша Стил

Дорогая Анастейша

Рад, что он тебе понравился. Я купил и себе такой же.

Если бы я был рядом, я осушил бы твои слезы поцелуями.

Но я не рядом — так что ложись спать.

Кристиан Грей,

генеральный директор холдинга «Грей энтерпрайзес»

Его ответ вызывает у меня улыбку: все-таки он верен себе — такой властный. Изменится ли и это? И тут я понимаю, что и не надеюсь на это. Он нравится мне именно таким, доминирующим, если к нашим отношениям не примешивается страх перед физическим наказанием.

От кого: Анастейша Стил

Тема: Мистер Ворчун

Дата: 10 июня 2011 г. 00.07

Кому: Кристиан Грей

Ты верен себе — как всегда, властный и, возможно, возбужденный, возможно, сердитый.

Я знаю способ, как облегчить такое состояние. Но ты не рядом — ты не позволил мне остаться у тебя и ждешь, что я стану тебя умолять...

Мечтать не вредно, сэр.

Ана хх

P.S. Я обратила внимание, что ты включил в плей-лист и группу «Сталкер», ее антем «Каждое твоё дыхание». Мне нравится твоё чувство юмора, но знает ли о нем доктор Флинн?

От кого: Кристиан Грей

Тема: Спокойствие Будды

Дата: 10 июня 2011 г. 00.10

Кому: Анастейша Стил

Дражайшая мисс Стил

Порка встречается и при «ванильных» отношениях, как тебе известно. Как правило, при обоюдном согласии и в сексуальном контексте... но я более чем счастлив сделать исключение.

Тебе будет приятно узнать, что доктору Флинну тоже нравится мое чувство

юмора.

Теперь, прошу тебя, ложись спать, ведь тебе предстоит напряженный день. Между прочим, ты будешь умолять меня, поверь. И я жду этого.

Кристиан Грей,

генеральный директор холдинга «Грей энтерпрайзес»

От кого: Анастейша Стил

Тема: Доброй ночи, сладких снов

Дата: 10 июня 2011 г. 00.12

Кому: Кристиан Грей

Ну, раз ты так просишь и раз мне нравится твой восхитительный подарок, я свернусь клубочком, обнимая айпад, и засну, слушая музыку, которая тебе нравится, и шаря по «Британской библиотеке».

А. ххх

От кого: Кристиан Грей

Тема: Еще одна просьба

Дата: 10 июня 2011 г. 00.15

Кому: Анастейша Стил

Думай обо мне. Я хочу тебе присниться.

Кристиан Грей,

генеральный директор холдинга «Грей энтерпрайзес»

Думать о тебе, Кристиан Грей? Я всегда о тебе думаю.

Я быстро переодеваюсь в пижаму, чищу зубы и залезаю под одеяло. Вставив в уши наушники, достаю из-под подушки сдувшийся воздушный шарик с надписью «Чарли Танго», прижимаю к сердцу.

Меня переполняет радость; на моем лице глупая, от уха до уха улыбка. Как непохоже утро этого дня на вечер. Смогу ли я вообще заснуть?

Хосе Гонсалес выводит успокаивающую мелодию под гипнотический гитарный рифф, и я медленно уплываю в сон. Но перед этим успеваю еще раз удивиться, как исправился мир за один вечер, и думаю, не составить ли и мне свой собственный плей-лист для Кристиана.

Один из плюсов жизни без тачки — по дороге на работу, в автобусе, я могу подключить наушники к айпаду, благополучно лежащему в моей сумке, и слушать чудесные мелодии, которые подарил мне Кристиан. Поэтому я приезжаю на работу с радостной физиономией.

Джек бросает на меня долгий взгляд и удивленно говорит:

— Доброе утро, Ана. Ты просто сияешь.

Его замечание меня беспокоит. Как некстати!

— Я нормально выспалась, спасибо, Джек. Доброе утро.

Он поднимает брови.

— Пожалуйста, прочти это до обеда и напиши резюме. Хорошо? — Он вручает мне четыре рукописи и, заметив на моем лице ужас и недоумение, добавляет: — Только четыре главы.

— Конечно.

Я с облегчением улыбаюсь, и он тоже отвечает мне широкой улыбкой.

Я включаю компьютер, допиваю латте и съедаю банан. В почте меня уже ждет письмо от Кристиана.

От кого: Кристиан Грей

Тема: Так помоги мне...

Дата: 10 июня 2011 г. 08.05

Кому: Анастейша Стил

Я очень надеюсь, что ты позавтракала.

Я скучал без тебя этой ночью.

Кристиан Грей,

генеральный директор холдинга «Грей энтерпрайзес»

От кого: Анастейша Стил

Тема: Старые книги

Дата: 10 июня 2011 г. 08.33

Кому: Кристиан Грей

Я работаю на компе и жую банан. Я не завтракала несколько дней, так что это шаг вперед. Я в восторге от приложения «Британская библиотека» — уже перечитываю «Робинзона Крузо». ... И, конечно, я люблю тебя.

А теперь не мешай: я пытаюсь работать.

Анастейша Стил, секретарь Джека Хайда, редактора, SIP

От кого: Кристиан Грей

Тема: Это все, что ты ела?

Дата: 10 июня 2011 г. 08.36

Кому: Анастейша Стил

Исправляй ситуацию. Ведь тебе потребуется вся твоя энергия, чтобы умолять меня кое о чем.

Кристиан Грей,

генеральный директор холдинга «Грей энтерпрайзес»

От кого: Анастейша Стил

Тема: Зараза

Дата: 10 июня 2011 г. 08.39

Кому: Кристиан Грей

Мистер Грей, я пытаюсь зарабатывать себе на жизнь. А умолять меня придется вам.

Анастейша Стил, секретарь Джека Хайда, редактора, SIP

От кого: Кристиан Грей

Тема: Накликаешь!

Дата: 10 июня 2011 г. 08.40

Кому: Анастейша Стил

Что ж, мисс Стил, я люблю справляться с трудными ситуациями...

Кристиан Грей,

генеральный директор холдинга «Грей энтерпрайзес»

Я сижу и сияю как идиотка. Но мне ведь нужно прочесть четыре главы и написать о них. Кладу на стол рукописи и приступаю.

В обеденный перерыв я иду в магазин, съедаю сэндвич с копченой говядиной-пастромами и слушаю музыку Кристиана — на очереди интересный Найтин Соуни с его индийско-английским сочинением под названием «Родные страны». В музыкальных пристрастиях мистера Грея, на мой взгляд, много эклектики. Я двигаюсь назад и слушаю классику, «Фантазию на тему Томаса Таллиса» Ральфа Вон Уильямса. О, у Кристиана есть чувство юмора, и мне это нравится. Черт! Когда с лица сойдет эта идиотская улыбка?

День тянется бесконечно долго. Улучив момент, я решаю послать Кристиану письмо.

От кого: Анастейша Стил

Тема: Скучно

Дата: 10 июня 2011 г. 16.05

Кому: Кристиан Грей

Бью баклуши.

Как дела?

Чем занимаешься?

От кого: Кристиан Грей

Тема: Твои баклуши

Дата: 10 июня 2011 г. 16.15

Кому: Анастейша Стил

Переходи на работу ко мне.

Тут тебе не придется бить баклуши.

Уверен, что найду для твоих пальчиков лучшее применение.

В самом деле, у меня уже есть несколько вариантов на выбор...

Я занят обычными делами — слиянием и поглощением.

Все это тебе малоинтересно.

Твоя офисная почта мониторится.

Кристиан Грей

Отвлечшийся генеральный директор холдинга «Грей энтерпрайзес»

Вот как! Об этом я и не подумала. Но откуда же он знает? Я хмуро гляжу на экран, быстро открываю почту и удаляю нашу переписку.

Ровно в половине шестого Джек подходит к моему столу. Сегодня пятница, поэтому на нем джинсы и черная рубашка.

— Ну как, Ана, обмоем твой дебют? Обычно мы заходим в бар на той стороне улицы.

— Мы? — с надеждой переспрашиваю я.

— Да, многие из нас. Ты пойдешь?

По неведомой причине, которую мне не хочется анализировать, я испытываю облегчение.

— С удовольствием. Как называется бар?

— «У Пятидесяти».

— Ты шутишь.

Он удивленно смотрит на меня.

— Нет. А что?

— Да так, извини. Я приду.

— Что ты будешь пить?

— Пиво.

— Прекрасно.

Я иду в туалет и с «блэкберри» посылаю письмо Кристиану.

От кого: Анастейша Стил

Тема: Как раз для тебя

Дата: 10 июня 2011 г. 17.36

Кому: Кристиан Грей

Мы идем в бар под названием «У Пятидесяти».

Можешь себе представить, какой толстый пласт юмора я в этом обнаружила.

Жду вас там, мистер Грей.

От кого: Кристиан Грей

Тема: Опасность

Дата: 10 июня 2011 г. 17.38

Кому: Анастейша Стил

Горные разработки всяких пластов — очень и очень опасное занятие.

Кристиан Грей

Генеральный директор холдинга «Грей энтерпрайзес»

От кого: Анастейша Стил

Тема: Опасность?

Дата: 10 июня 2011 г. 17.40

Кому: Кристиан Грей

Почему ты так считаешь?

От кого: Кристиан Грей

Тема: Просто...

Дата: 10 июня 2011 г. 17.42

Кому: Анастейша Стил

Высказываю свои наблюдения, мисс Стил.

Скоро увидимся.

Скорее раньше, чем позже, детка.

Кристиан Грей,

Генеральный директор холдинга «Грей энтерпрайзес»

Я рассматриваю себя в зеркале. Какие перемены, хотя прошел всего лишь день. Мои щеки порозовели, глаза блестят. Вот эффект Кристиана Грея и небольшого почтового спарринга с ним. Я усмехаюсь собственному отражению и разглаживаю бледно-голубую рубашку — ту самую, купленную Тейлором. Сегодня я надела свои любимые джинсы. Большинство сотрудниц офиса носит либо джинсы, либо тонкие юбки. Мне тоже нужно обзавестись парой таких юбок. Пожалуй, я займусь этим в выходные и обналичу чек, который Кристиан дал мне за мою букашечку-«Ванду».

На выходе из здания меня кто-то окликает.

— Мисс Стил?

Я поворачиваюсь и вижу совсем юную девушку. Она похожа на призрак — бледная, со странным лицом, похожим на маску.

— Мисс Анастейша Стил? — повторяет она, а ее лицо остается неподвижным, даже когда она говорит.

— Да, а что?

Она останавливается на тротуаре в метре от меня и смотрит мне в глаза. Я тоже смотрю на нее в оцепенении. Кто она такая? Что ей надо?

— В чем дело? — интересуюсь я. Откуда она знает, как меня зовут?

— Нет... я просто хотела взглянуть на вас.

Ее голос до жути нежный. Как и у меня, у нее темные волосы и светлая кожа. Глаза желто-карие, как виски бурбон, но безжизненные и тусклые. На красивом лице — печать горя.

— Простите — мы в неравном положении, — говорю я, стараясь не обращать внимания на неприятные мурашки, побежавшие по спине.

Теперь я замечаю, что она выглядит странно, вся неухоженная и растрепанная. Ее одежда на два размера больше, чем надо, в том числе и элегантный плащ-тренчкот.

Она смеется — тоже странно, неестественно, и ее смех лишь усиливает мое беспокойство.

— Что в тебе есть такого, чего нет у меня? — грустно спрашивает она.

Мое беспокойство перерастает в страх.

— Простите, кто вы?

— Я? Я — никто.

Она поднимает руку и проводит ладонью по длинным, до плеч, волосам. Рукав пальто сползает вниз, обнажая запястье, а на нем — грязноватый бинт.

Мамочка моя!

— Всего доброго, мисс Стил.

Она поворачивается и уходит вверх по улице, а я будто приросла к месту и смотрю, как ее хрупкая фигура исчезает в толпе людей, выходящих из различных офисов.

Что все это значит?..

Озадаченная, я направляюсь через улицу к бару, пытаюсь понять, что же произошло. Мое подсознание поднимает свою отвратительную голову и шипит как змея: «Она имеет какое-то отношение к Кристиану».

Бар «У Пятидесяти» — безликий, похожий на пещеру. На стенах развешены бейсбольные атрибуты и постеры. Джек сидит возле стойки, а с ним Элизабет, Кортни, другой редактор, два парня из финансового и Клэр из приемной. В ушах у нее, как всегда, — серебряные обручи.

— Эй, Ана! — Джек протягивает мне бутылку «Бада».

— За вас... спасибо, — бормочу я, все еще не опомнившись от встречи с призраком в женском обличье.

— Будем...

Мы чокаемся пивными бутылками, и он продолжает беседовать с Элизабет. Клэр приветливо улыбается.

— Ну, как прошла первая неделя?

— Спасибо, хорошо. Все, по-моему, очень приятные.

— Сегодня ты выглядишь гораздо веселее.

— Потому что пятница, — тут же нахожусь я. — Какие у тебя планы на выходные?

Испытанный отвлекающий прием срабатывает, я спасена. Оказывается, Клэр — из

многодетной семьи, у нее шестеро братьев и сестер, и она поедет на семейную встречу в Такому. Она сразу оживилась, а я вдруг поняла, что не общалась ни с кем из моих ровесниц, с тех пор как Кейт уехала на Барбадос.

Я рассеянно подумала, как там дела у Кейт... и Элиота. Не забыть бы поинтересоваться у Кристиана, слышал ли он что-нибудь от него. Ох, в следующий вторник вернется Итан, брат Кейт, и он остановится в нашей квартире. Не думаю, что Кристиан обрадуется новости. Моя встреча с девушкой-призраком все дальше отходит на задний план.

Во время нашего с Клэр разговора Элизабет протягивает мне еще одну бутылку.

— Спасибо, — с улыбкой благодарю я.

С Клэр очень легко — она разговорчивая. Я не успеваю опомниться, как получаю третью бутылку — от парня из финансового.

Элизабет и Кортни уходят; Джек присоединяется к нам с Клэр. Где же Кристиан? Один из финансовых парней вступает в беседу с Клэр.

— Ана, ты не жалеешь, что пришла к нам?

Джек говорит тихо, а стоит ко мне чересчур близко. Правда, я уже заметила, что он всегда так беседует, даже в офисе.

— Спасибо, Джек, я нравилась сама себе в эту неделю. Да, я считаю, что правильно выбрала место работы.

— Ты очень умная, Ана. Далеко пойдешь.

Я зарделась от его комплимента.

— Спасибо, — бормочу я, не зная, что еще сказать.

— Ты далеко живешь?

— Недалеко от рынка Пайк-Маркет.

— О, мы почти соседи. — Улыбаясь, он встает еще ближе ко мне и облакачивается о стойку. Я оказываюсь в ловушке. — Какие у тебя планы на выходные?

— Ну, мне...

Я чувствую его еще до того, как вижу. Словно все мое тело тонко настроено на его присутствие. Я ощущаю исходящее от него странное пульсирующее электричество. Это одновременно успокаивает и зажигает меня — такое вот внутреннее противоречие.

Кристиан обнимает меня за плечи. Жест кажется небрежным и дружеским — но я-то понимаю его смысл. Он заявляет о своих правах, и в этой ситуации я радуюсь. Он ласково целует меня в макушку.

— Привет, малышка.

Я испытываю облегчение и восторг, я не могу оторвать от него глаз. Он отводит меня в сторону, а сам с бесстрастным лицом смотрит на Джека. Потом переключается на меня, лукаво улыбается и чмокает в щеку. На Кристиане джинсы, пиджак в тонкую полоску и белая рубашка с открытым воротом. Как всегда, он выглядит лучше всех.

Джек машинально пятится назад.

— Джек, это Кристиан, — виновато бормочу я. Почему я оправдываюсь? — Кристиан, это Джек.

— Я бойфренд, — объявляет Кристиан с холодной улыбкой, которая не затрагивает глаза, и пожимает руку Джека, и тот мысленно оценивает изысканный образчик мужественности, стоящий перед ним.

— Я босс, — высокомерно заявляет Джек. — Ана и в самом деле упоминала о каком-то бывшем приятеле.

Ой, зря! Не надо играть в такие игры с Кристианом Греем.

— Ну, я больше не бывший, — спокойно отвечает Кристиан. — Пойдем, малышка, нам пора.

— Оставайтесь с нами. Выпьем вместе, — тут же предлагает Джек.

Мысль не кажется мне удачной. Откуда такая неловкость? Я скашиваю взгляд на Клэр. Конечно, она раскрыла рот и с явным обожанием глядит на Кристиана. Когда я перестану волноваться из-за эффекта, который он производит на других женщин?

— У нас свои планы, — с загадочной улыбкой отвечает Кристиан.

Планы? По моему телу пробегает трепет предвкушения.

— Может быть, в другой раз, — добавляет он. — Пошли, — говорит он и берет меня за руку.

— До понедельника.

Я улыбаюсь Джеку, Клэр и парням из финансового, изо всех сил стараюсь не замечать недовольную физиономию босса и выхожу из бара следом за Кристианом.

Тейлор ждет у тротуара за рулем «Ауди».

— Почему вы были похожи на мальчишек, которые состязаются, кто дальше пустит струю? — спрашиваю я у Кристиана, когда он открыл передо мной дверцу.

— Потому что так оно и было, — бормочет он и одаривает меня своей загадочной улыбкой.

— Здравствуйте, Тейлор, — здороваюсь я, и наши глаза встречаются в зеркале заднего вида.

— Добрый день, мисс Стил, — вежливо кивает Тейлор.

Кристиан садится рядом со мной, сжимает мою руку и ласково целует пальцы.

— Привет, — тихо говорит он.

Я краснею: понимаю, что Тейлор нас слышит, и рада, что он не видит страстного, опаляющего взгляда, который направил на меня Кристиан. Я собираю все свое самообладание, чтобы не прыгнуть на него прямо тут, на заднем сиденье тачки.

Ох, заднее сиденье... хмм.

— Привет, — еле слышно отвечаю я пересохшими губами.

— Чем займемся сегодня вечером?

— По-моему, ты сказал про какие-то планы.

— О-о, Анастейша, я-то знаю, чего мне хочется. Я спрашиваю тебя, что ты хочешь.

Я улыбаюсь ему.

— Понятно, — произносит он с сальной ухмылкой. — Тогда я жду, когда ты попросишь меня. Где это произойдет, у меня или у тебя?

Наклонив голову набок, он улыбается мне — ой как сексуально!

— Вы очень самонадеянны, мистер Грей. Но для разнообразия мы можем поехать ко мне.

Я нарочно кусаю губу, и его лицо мрачнеет.

— Тейлор, пожалуйста, к мисс Стил.

— Да, сэр, — отвечает Тейлор и встраивается в поток машин.

— Как прошел твой день? — интересуется Кристиан.

— Хорошо. А твой?

— Спасибо, хорошо.

Его широкая до комизма ухмылка отражает мою. Он опять целует мои пальцы.

— Ты отлично выглядишь, — говорит он.

— Ты тоже.

— Твой босс, Джек Хайд... он хороший работник?

Ого! Неожиданная смена темы. Я хмурюсь.

— А что? Это имеет какое-то значение? Влияет на дальность струи?

Кристиан фыркает.

— Парень хочет залезть тебе в трусики, Анастейша.

У меня отваливается челюсть. Я краснею и нервно кошусь на Тейлора.

— Ну, мало ли что он хочет... Зачем вообще говорить об этом? Ты ведь знаешь, что он мне неинтересен. Он просто мой босс.

— В этом все дело. Он посягает на то, что принадлежит мне. Мне нужно знать, хороший ли он профессионал.

— Пожалуй, да.

Я пожимаю плечами. Зачем ему это надо?

— Ну, пускай он оставит тебя в покое, иначе в два счета вылетит на улицу.

— Ой, Кристиан, что ты говоришь? Он не сделал ничего дурного...

Нет, он стоял слишком близко ко мне.

— Если хоть раз попробует, скажи мне. Это называется грубое поправление общественной морали или сексуальное домогательство.

— Мы просто пили пиво после работы.

— Я не шучу. Одна попытка, и он вылетит.

— У тебя нет такой власти. — Честное слово, я так и сказала. Но тут же понимание ударило меня с силой мчащегося грузовика. — Или есть, Кристиан?

Вместо ответа Кристиан опять загадочно улыбается.

— Ты покупаешь фирму, — в ужасе шепчу я.

— Не совсем, — говорит он с улыбкой.

— Ты уже купил ее. Уже.

— Возможно, — уклончиво отвечает он.

— Купил или нет?

— Да.

Что за черт? Это уже слишком.

— Зачем? — пораженно спрашиваю я.

— Потому что я могу себе это позволить, Анастейша. Ради твоей безопасности.

— Но ведь ты сказал, что не будешь вмешиваться в мою карьеру!

— Я и не буду.

Я вырываю руку из его ладоней.

— Кристиан... — У меня нет слов.

— Ты злишься на меня?

— Да. Конечно. Злюсь. Разве в серьезном бизнесе так делают? Разве так принимают решения? Под влиянием трахания?

Я опять нервно кошусь на Тейлора, но он нас стоически игнорирует.

М-да, пора ставить фильтр между мозгами и языком.

Кристиан открывает было рот, но тут же закрывает и хмурится. Мы злобно сверкаем глазами друг на друга. Атмосфера в салоне, только что теплая и радостная, делается ледяной от невысказанных слов и потенциальных обвинений.

К счастью, поездка быстро заканчивается. Тейлор тормозит у моего дома.

Я пулей вылетаю из салона, не дожидаясь, когда кто-то откроет мне дверь.

Я слышу, как Кристиан говорит вполголоса Тейлору:

— Пожалуй, подожди меня здесь.

Я роюсь в сумочке, нашаривая ключи. Он подходит и встает у меня за спиной.

— Анастейша, — осторожно говорит он успокаивающим тоном, словно я дикий зверек, загнанный в угол.

Со вздохом я поворачиваюсь к нему лицом. Я так страшно злюсь, что мой гнев хоть пальцами трогай — темное чудище, схватившее меня за горло.

— Во-первых, я давно тебя не трахал — уже целую вечность. Во-вторых, я давно собирался войти в издательский бизнес. В Сиэтле четыре компании этого профиля, из них SIP — самая прибыльная, но сейчас она оказалась на пороге стагнации. Ей нужно расширяться.

Я холодно шурюю на него. Его глаза глядят пронзительно, даже грозно, но адски сексуально. Я тону в их стальной глубине.

— Так, значит, ты теперь мой босс, — рычу я.

— Технически я босс босса твоего босса.

— И технически это грубое попрание общественной морали — факт, что я трахаюсь с боссом босса моего босса.

— В данный момент ты с ним пререкаешься, — усмехается Кристиан.

— Потому что он такой осел.

Кристиан отшатывается. Вот черт... Я зашла слишком далеко?

— Осел? — бормочет он, и неожиданно на его лице появляется веселое изумление.

Проклятье! Я злюсь на тебя, я не хочу смеяться!

— Да. — Я цепляюсь за остатки своей злости.

— Осел? — повторяет Кристиан. На этот раз его губы вздрагивают от подавляемой улыбки.

— Не весели меня, когда я на тебя злюсь! — кричу я.

А он улыбается ослепительной, белозубой улыбкой американского парня, и я сдаюсь. Я тоже улыбаюсь, сначала неохотно, потом от души. Да и как можно не испытывать радость при виде такой улыбки?

— Не придавай значения моей дурацкой улыбке — я все равно зла как черт, — бормочу я, пытаюсь не захихикать. Впрочем, я никогда не умела так заразительно хихикать, как мои однокурсницы, промелькнула в голове горькая мысль.

Он наклоняется ко мне, и я жду, что он меня поцелует. Но он лишь утыкается носом в мои волосы и с чувством вдыхает их запах.

— Вы неожиданны, как всегда, мисс Стил. — Откинувшись назад, он смотрит на меня; в его глазах пляшут смешинки. — Так ты приглашаешь меня к себе? Или я поеду, чтобы реализовать демократическое право американского гражданина, предпринимателя и потребителя на покупку всего, что взбредет мне в голову?

— Ты говорил об этом с доктором Флинном?

Он смеется.

— Так тыпустишь меня к себе или нет?

Я хмурю брови и кусаю губу — но потом улыбаюсь и отпираю дверь. Кристиан оборачивается и машет рукой Тейлору. «Ауди» уезжает.

Как странно видеть Кристиана Грея в моем жилище. Мне кажется, что ему тут тесно.

Я все еще зла — его активность не знает границ. Теперь я понимаю, откуда он знал, что моя почта в SIP просматривается. Впрочем, он знает о SIP больше моего. Эта мысль меня не радует.

Что я могу сделать? Зачем ему понадобилось меня опекать? Слава богу, я взрослый человек — ну, типа того. Как убедить его в этом?

Я гляжу на его лицо, пока он расхаживает по комнате, словно тигр в клетке. И моя злость проходит. Мне радостно видеть его здесь, у меня дома, ведь еще вчера я думала, что мы разбежались навсегда. Да что там — радостно! Я люблю его, и мое сердце наполняется восторгом. Он оглядывает комнату, оценивая мою среду обитания.

— Приятная квартирка.

— Ее купили для Кейт родители.

Он рассеянно кивает, его самоуверенный взгляд устремлен на меня.

— Э-э... хочешь чего-нибудь выпить? — бормочу я, зардевшись и нервничая.

— Нет, спасибо, Анастейша. — Его глаза темнеют.

Почему я так нервничаю?

— Чем ты хочешь заняться, Анастейша? — тихо спрашивает он, направляясь ко мне — дикий, неприрученный тигр. И тихо добавляет: — Я-то знаю, чего хочу.

Я пячусь и пячусь, пока не упираюсь в кухонный островок.

— Все-таки я сердита на тебя.

— Знаю.

Он улыбается, криво и виновато, и я таю... Ну, может, не совсем таю, но несколько смягчаюсь.

— Хочешь есть? — спрашиваю.

Он медленно кивает.

— Да. Тебя, — мурлычет Кристиан.

Все, что лежит к югу от моей талии, то есть ниже ее, заходится в сладкой истоме. Меня свращает уже один его голос, а уж если к этому добавить взгляд, голодный, жадный — хочу-тебя-немедленно... — о боже!

Он стоит передо мной, не касаясь, и смотрит с высоты своего роста мне в глаза. Я купаюсь в жаре, исходящем от его тела. Я вся горю, не чую под собой ног, я опьянела от темного желания, наполнившего мое тело. Я хочу его.

— Ты ела сегодня что-нибудь? — бормочет он.

— Сэндвич во время ланча, — шепчу я. Мне не хочется говорить сейчас о еде.

Он щурится.

— Надо есть.

— Я, честное слово, не хочу сейчас... есть.

— Чего же вы хотите, мисс Стил?

— Вероятно, вы догадываетесь, мистер Грей.

Он наклоняется, и я опять думаю, что он меня поцелует. Но нет.

— Хочешь, чтобы я поцеловал тебя, Анастейша? — шепчет он мне на ухо.

— Да, — на выдохе говорю я.

— Куда?

— Везде.

— Говори конкретнее. Я уже сказал, что не дотронусь до тебя, пока ты не попросишь меня об этом и не скажешь, что я должен делать.

Я растерялась; это нечестная игра с его стороны.

— Пожалуйста, — шепчу я.

— Пожалуйста — что?

— Трогай меня.

— Где, малышка?

Он стоит так соблазнительно близко, его запах сводит меня с ума. Я протягиваю руку, и он тут же отступает назад.

— Нет, нет! — В его глазах внезапно появляется тревога.

— Что? — «Нет... вернись...»

— Нет. — Он качает головой.

— Совсем? — Я не могу убрать тоску из голоса.

Он неуверенно смотрит на меня, и я, осмелев от его колебаний, шагаю к нему. Он отступает, выставив перед собой руки, как бы для защиты. Но улыбается.

— Смотри, Ана. — Это предостережение, и он с отчаяньем приглаживает волосы.

— Иногда ведь ты не против, — жалобно напоминаю я. — Может, я найду маркер, и мы отметим те места, которые не надо трогать?

Он поднимает брови.

— Идея интересная. Где твоя спальня?

Я киваю в сторону моей комнаты. Он нарочно меняет тему?

— Ты приняла таблетку?

Ох, блин! Таблетка!

При виде моей растерянности он мрачнеет.

— Нет, — лепечу я.

— Ясно, — говорит он и плотно сжимает губы. — Ладно, давай что-нибудь поедим.

— Я думала, что мы ляжем в постель! Я хочу!

— Знаю, малышка. — Он улыбается и внезапно бросается ко мне, хватая за запястья, обнимает, прижимается ко мне всем телом.

— Тебе надо поесть, да и мне тоже, — бормочет он, пожирая меня горящими глазами. — К тому же предвкушение — ключ к соблазнению, и сейчас я наслаждаюсь отложенным удовлетворением.

Хм, с каких это пор?

— Я уже соблазнилась и хочу получить удовлетворение немедленно. Ну, пожалуйста. — Мой голос звучит жалобно.

Он нежно улыбается.

— Ешь. Ты слишком худенькая. — Он целует меня в лоб и разжимает руки.

Значит, это игра, часть какого-то коварного плана. Я смотрю на него исподлобья.

— Я уже и так злюсь на тебя за приобретение издательства, а теперь к этому добавляется то, что ты заставляешь меня ждать, — бурчу я, надув губы.

— Маленькая, злая мадам, ты подобреешь, когда хорошенько поешь.

— Я знаю, после чего я подобреею.

— Анастейша Стил, я шокирован. — В его тоне звучит легкая насмешка.

— Перестань меня дразнить. Это нечестно.

Он подавляет усмешку, закусив нижнюю губу. А выглядит просто умопомрачительно... игривый Кристиан, манипулирующий моим либидо. Будь я более опытной соблазнительницей, я бы знала, что делать. Но сейчас меня бесит, что я не могу к нему прикоснуться.

Моя внутренняя богиня щурит глаза и задумывается. Нам нужно над этим поразмыслить.

Пока мы с Кристианом глядим друг на друга (я — распаленно, с досадой и мольбой, а он — со спокойной улыбкой), я вспоминаю, что в доме нет ни крошки еды.

— Я могу что-нибудь приготовить — вот только нам придется купить...

— Купить?

— Да, что-нибудь.

— У тебя тут вообще нет ничего? — ужасается он.

Я качаю головой. Ни фиги себе, похоже, он рассердился.

— Тогда пошли в супермаркет. — Он резко поворачивается, идет к двери и распахивает ее передо мной.

— Когда ты в последний раз был в супермаркете?

Кристиан выглядит здесь пришельцем из иных миров, но послушно следует за мной с металлической корзинкой.

— Не помню.

— Продукты покупает миссис Джонс?

— Кажется, ей помогает Тейлор. Но я точно не помню.

— Тебе нравятся блюда, которые жарят с перемешиванием? Их быстро готовить.

— Жарение с перемешиванием? Соблазнительная штука.

Кристиан усмехается. Несомненно, он разгадал мое желание поскорее закончить с едой.

— Они давно у тебя служат?

— Тейлор — четыре года вроде бы. Миссис Джонс — тоже около того. Почему у тебя дома шаром покати?

— Ты знаешь почему, — смущенно бормочу я.

— Это ведь ты ушла от меня, — неодобрительно напоминает он.

— Знаю, — неохотно отвечаю я.

Мы подходим к кассам и молча стоим в очереди.

«Если бы я не ушла, предложил бы он мне «ванильную» альтернативу?» — праздно гадаю я.

— Что мы будем пить? У тебя найдется что-нибудь? — Его вопрос возвращает меня к реальности.

— Пиво... вроде...

— Я куплю вина.

Бог ты мой, я не уверена, что в супермаркете «У Эрни» найдется приличное вино. Кристиан возвращается с пустыми руками и недовольной гримасой.

— Хорошее вино продается тут рядом, — быстро говорю я.

— Посмотрим, что у них есть.

Может, надо было поехать сразу к нему; мы бы обошлись без всей этой возни. Стремительно, с природной грацией он идет к выходу. Какие-то две женщины, остолбенев, таращатся на него. Да, да, таращатся на моего Грея!.. Внутри меня все бурлит от злости.

Мне хочется скорее оказаться с ним в постели, но он ускользает от меня. Может, и мне надо вести себя так же? Моя внутренняя богиня бурно поддерживает меня. Пока я стою в кассу, у нас с ней возникает план. Хмм...

Мы возвращаемся домой с покупками. Кристиан тащит сумки. Как это непривычно и как он не похож на самого себя — большого босса.

— Ты выглядишь совсем... одомашненным.

— До сих пор никто не обвинял меня в этом, — сухо отвечает он и ставит сумки на кухонный островок.

Я выкладываю продукты. Он достает бутылку вина и оглядывается в поисках штопора.

— Я здесь недавно и не все знаю. Возможно, штопор лежит вон в том ящике.

Казалось бы, все нормально. Два человека познакомились, теперь готовят ужин. Тем не менее так странно все складывается. Страх, который я всегда испытывала в его присутствии, испарился. Мы уже много чем занимались вместе — даже стыдно вспоминать. И все-таки я едва знаю этого мужчину.

— О чем задумалась? — Кристиан снимает пиджак и кладет его на диван.

— О том, как мало я тебя знаю.

Его глаза добреют.

— Ты знаешь меня лучше кого бы то ни было.

— Не думаю, что это так. — Мне вспоминается миссис Робинсон, неожиданно и совсем некстати.

— Так, именно так, Анастейша. Я очень и очень замкнутый.

Он протягивает мне бокал белого вина.

— За нас...

— За нас... — эхом отзываюсь я и отпиваю глоток. Он убирает бутылку в холодильник.

— Тебе помочь?

— Нет, все нормально, посиди.

— Я с удовольствием помогу, — искренне заверяет он.

— Тогда нарежь овощи.

— Я не умею готовить, — признается он, разглядывая нож, который я не без опаски вручила ему.

— Тебе это и не нужно.

Я кладу перед ним доску и пару стручков красного сладкого перца. Он озадаченно смотрит на них.

— Ты никогда не нарезал овощи?

— Никогда.

Я усмехаюсь.

— Тебе смешно?

— Оказывается, есть что-то, что я могу делать, а ты нет. Согласись, Кристиан, это забавно. Вот, я покажу тебе, как надо резать.

Я прижимаюсь к нему плечом. Он отодвигается. Моя внутренняя богиня берет это на заметку.

— Вот так. — Я разрезаю стручок пополам и тщательно очищаю его от семян.

— Хм, оказывается, все довольно просто, — удивляется он.

— У тебя не должно возникнуть сложностей, — говорю я с иронией.

Он смотрит на меня долгим взглядом, потом берется за работу, а я продолжаю нарезать кубиками курятину. Он режет перец соломкой, медленно, тщательно. Ох-ох-о, мы так всю ночь провозимся у плиты!

Я ополаскиваю руки и ищу в хозяйстве сковородку вок, оливковое масло и прочие нужные вещи. Попутно я стараюсь прикасаться к Кристиану — то бедром, то рукой, то спиной. Как бы случайно. Легкие, казалось бы, невинные прикосновения. И каждый раз он не реагирует на них и все еще возится с первым перцем.

— Я знаю, что ты делаешь, Анастейша, — мрачно бормочет он.

— Кажется, это называется приготовлением ужина, — отвечаю я с невинным видом.

Хватаю другой нож и встаю возле него — чищу и режу чеснок, лук-шалот и зеленую фасоль. И опять, как бы невзначай, задеваю его.

— Ловко ты орудуешь, — бормочет он, принимаясь за второй стручок.

— Нарезаю? — Невинный взмах ресниц. — У меня многолетняя практика. — Я опять трюсь о него, на этот раз попкой.

— Анастейша, если ты сделаешь этот трюк еще раз, я овладею тобой прямо здесь, на полу кухни.

Ого, сработало!

— Сначала ты должен попросить меня об этом.

— Это вызов мне?

— Возможно.

Он кладет нож на доску и медленно поворачивается ко мне. Его глаза горят. Протягивает руку и выключает газ. Масло в воке сразу затихает.

— Пожалуй, мы поедем позже. Положи курятину в холодильник.

Вот уж я никогда не ожидала услышать от Кристиана Грея такие слова, и только он способен придать им такую невероятную сексуальность, что дух захватывает. Я беру миску с нарезанной курятиной, кое-как накрываю тарелкой и убираю. Он уже стоит рядом.

— Так ты будешь просить меня? — шепчу я и храбро гляжу в его потемневшие глаза.

— Нет, Анастейша. — Он качает головой и говорит нежно и страстно. — Не буду.

И вот мы стоим и пожираем друг друга глазами. Воздух между нами постепенно заряжается, начинает потрескивать. Мы молчим и просто глядим. Я кусаю губу, так как во мне яростно бушует желание, зажигает мою кровь, перехватывает дыхание, накапливается внизу живота. Я вижу, как моя реакция отражается в его глазах, его позе.

В один миг он хватается за бедра и прижимает к себе, мои руки тянутся к его волосам, а его губы накрывают мои. Он толкает меня к холодильнику, я слышу протестующее дребезжание бутылок и банок, а его язык уже властно ласкает мой. Я испускаю стон прямо в его рот. Рука берет меня за волосы, откидывает назад мою голову, и мы яростно целуемся.

— Чего ты хочешь, Анастейша? — еле слышно спрашивает он.

— Тебя, — шепчу я.

— Где?

— В постели.

Он подхватывает меня на руки и несет в мою спальню, быстро и легко. Там ставит меня возле кровати, протягивает руку и включает лампу. Быстро оглядывает комнату и торопливо задергивает бледно-кремовые шторы.

— Что теперь?

— Занимайся любовью.

— Как?

Господи!

— Ты должна мне сказать, малышка.

Черт побери!..

— Раздень меня. — Я уже задыхаюсь от страсти.

Он улыбается, запускает загнутый крючком указательный палец в вырез на моей блузке и тянет меня к себе.

— Молодец, — бормочет он и, не отрывая своих горящих глаз от моих, принимается медленно расстегивать мою блузку.

Чтобы не упасть, я нерешительно хватаюсь за его руки. Он не возражает. Его руки — безопасная область. Закончив возиться с пуговицами, он стягивает блузку с моих плеч, а я отпускаю его руки, и блузка падает на пол. Он берется за пояс моих джинсов, расстегивает пуговицу, потом тянет вниз молнию.

— Скажи мне, Анастейша, чего ты хочешь. — Его глаза затуманены страстью, из губ вырывается учащенное дыхание.

— Поцелуй меня отсюда досюда, — шепчу я и провожу пальцем от уха до ямки на горле.

Он откидывает с линии огня мои волосы, наклоняется и оставляет сладкие и нежные поцелуи вдоль проведенной мною дорожки, а потом и обратно.

— Джинсы и трусики, — бормочу я.

Он улыбается возле моего горла и встает передо мной на колени. О, я чувствую себя такой властной! Запустив в джинсы большие пальцы, он аккуратно стягивает их, а потом и трусы. Я сбрасываю с ног плоские туфли, перешагиваю через одежду и остаюсь в одном бюстгальтере. Он замирает и смотрит на меня с вопросом, но не встает.

— Что теперь, Анастейша?

— Поцелуй меня, — шепчу я.

— Куда?

— Ты знаешь.

— Куда? Я понятия не имею.

А, он пленных не берет! Смущаясь, я показываю пальцем на мое сокровенное местечко, и он ухмыляется. Я закрываю глаза и стораю от стыда, находясь одновременно в страшном возбуждении.

— С огромным удовольствием, — смеется он.

Потом целует меня и дает волю языку, своему опытному языку, умеющему доставлять

столько удовольствия. Я кричу и вцепляюсь в его волосы. Он не останавливается, его язык гуляет вокруг моего клитора, доводя меня до безумия, вновь и вновь, кругом, кругом. Аххх... это так... сколько еще...? А...

— Кристиан, пожалуйста! — молю я. Мне не хочется кончать стоя. У меня нет сил.

— Что «пожалуйста», Анастейша?

— Занимайся любовью со мной.

— Я и занимаюсь, — мурлычет он.

— Нет, я хочу, чтобы ты вошел в меня.

— Точно?

— Пожалуйста.

Он не прекращает свою сладкую, изысканную пытку. Я издаю громкие стоны.

— Кристиан... пожалуйста!

Он встает и смотрит на меня сверху вниз; на его губах блестит свидетельство моего возбуждения.

Такая страсть...

— Ну? — спрашивает он.

— Что «ну»? — Я тяжело дышу и смотрю на него с яростной мольбой.

— Я все еще одет.

В смущении я открываю рот.

Раздеть его? Да, могу. Тяну руки к его рубашке, но он пятится назад.

— Нет, нет. — Черт, он хочет, чтобы я сняла с него джинсы!

О-о, у меня появляется идея. Моя внутренняя богиня ликует. Я опускаюсь на колени.

Неумело, дрожащими пальцами расстегиваю ремень и ширинку, спускаю вниз джинсы и боксерские трусы, и он упруго высвобождается. Ого!

Я гляжу на Кристиана сквозь ресницы, а он смотрит на меня... с чем? С волнением? Трепетом? Удивлением?

Он перешагивает через джинсы, снимает носки, и я беру его в руку, туго сдавливаю, двигаю назад, как он показывал мне на минувшей неделе. Кристиан стонет и напрягается, дыхание со свистом вырывается через стиснутые зубы. Чуть поколебавшись, я беру его в рот и сосу — сильно. М-м-м, на вкус он приятный.

— Ахх... Ана... ой, мягче.

Он нежно держит меня за затылок, а я еще глубже беру его в рот, плотно сжимаю губы и сосу изо всех сил.

— Хватит, — шипит он и грязно ругается.

О-о, это хорошо, сексуально, это вдохновляет... И я делаю это еще раз, втягиваю его еще глубже, вожу языком вокруг кончика. Хм-м... я чувствую себя Афродитой.

— Ана, хватит. Больше не надо.

Я проделываю все снова — взмолись, Грей, взмолись!

— Ана, ты увлеклась, — прорычал он сквозь зубы. — Так ты всего меня проглотишь.

Еще раз. Он наклоняется, хватая меня за плечи и швыряет на постель. Стаскивает через голову рубашку, протягивает руку к своим джинсам и достает из них конвертик из фольги. Он тяжело дышит, я тоже.

— Сними лифчик.

Я сажусь и выполняю его приказ.

— Ляг. Я хочу посмотреть на тебя.

Я ложусь и смотрю, как он медленно надевает презерватив. Я ужасно хочу его. Он смотрит на меня сверху и облизывает губы.

— Красиво смотришься, Анастейша Стил.

Он наклоняется над кроватью и целует меня. Он целует поочередно мои груди, щекочет языком соски. Я захожусь от страсти, извиваюсь под его мускулистым телом, но он не останавливается.

Нет... Перестань... Я хочу тебя...

— Кристиан, пожалуйста!

— Что «пожалуйста»? — бормочет он, уткнувшись в мои груди.

— Я хочу, чтобы ты был внутри меня.

— Прямо сейчас?

— Да-да, пожалуйста.

Глядя мне в глаза, он раздвигает мне ноги своими коленями и входит в меня в восхитительно медленном темпе.

Закрыв глаза, издавая громкие стоны, я наслаждаюсь полным, изысканным ощущением его обладания, инстинктивно приподнимаю навстречу ему свой таз. Он выходит из меня и медленно наполняет снова. Я погружаю пальцы в его шелковистые непослушные волосы, а он — как медленно! — движется во мне.

— Быстрее, Кристиан, быстрее... пожалуйста.

Он торжествующе смотрит на меня с высоты вытянутых рук, потом целует, убыстряет ритм — беспощадно, мстительно — о черт! — и я уже понимаю, что это ненадолго. Он переходит на бьющий ритм. Я тоже ускоряю движения, мои ноги напрягаются.

— Давай, малышка, — просит он, хватая ртом воздух. — Помоги мне.

Его слова помогают мне, и я взрываюсь, роскошно, умопомрачительно, рассыпаюсь на миллион осколков. Он следует за мной, выкрикнув мое имя.

— Ана! Ох, Ана!

Его тело расслабляется, придавливает меня своей тяжестью, голова утыкается мне в шею.

Когда ко мне возвращается ясность мыслей, я открываю глаза и гляжу в лицо любимого мужчины. Оно ласковое, нежное. Кристиан третя кончиком носа о мой нос, опирается на локти, сжимает мои руки и держит их возле моей головы. Вероятно, чтобы я не прикасалась к нему. Мне грустно. Потом ласково целует меня в губы и выходит из меня.

— Я скучал по нашей близости, — шепчет он.

— Я тоже, — вторю я.

Он берет меня за подбородок и целует — страстно, словно о чем-то умоляет. Чего он хочет? Я не знаю. У меня захватывает дух.

— Не бросай меня. — Он глядит мне в глаза, глубоко и серьезно.

— Хорошо, — шепчу я и улыбаюсь. Его ответная улыбка ослепительна; облегчение, воодушевление и мальчишеский восторг соединяются в восхитительный букет, способный размягчить самое холодное сердце. — Спасибо за айпад.

— Я очень рад, что он тебе нравится, Анастейша.

— Какая у тебя самая любимая песня в подборке?

— Ну, это мой секрет, — усмехается он. — Пойдем, девочка! Приготовь мне пожрать. Я умираю от голода.

Он спрыгивает с кровати и тащит меня за собой.

— Девочка? — смеюсь я.

— Девочка. Еды мне, скорее, пожалуйста.

— Ну, раз вы так просите, сэр, я немедленно примусь за готовку.

Слезая, я сдвигаю подушку. Из-под нее появляется сдувшийся воздушный шарик с надписью «Чарли Танго». Кристиан берет его и озадаченно смотрит на меня.

— Это мой шарик, — заявляю я, надеваю халат и завязываю пояс. (Вот же черт... зачем шарик так некстати вылез из-под подушки?)

— В твоей постели?

— Да. — Я краснею. — Он составлял мне компанию.

— Счастливый «Чарли Танго», — удивляется Кристиан. На его лице расцветает улыбка от уха до уха.

Да, Грей, я сентиментальная девочка, потому что люблю тебя.

— Это мой шарик, — повторяю я, поворачиваюсь и иду на кухню.

Мы с Кристианом сидим на персидском ковре, едим палочками из белых фарфоровых мисок лапшу с курятиной и запиваем охлажденным белым «Пино Гриджо». Кристиан опирается спиной о диван, ноги вытянул перед собой. На нем джинсы и рубашка. Всё. В глубине комнаты из его айпада мягко льется музыка «Буэна Виста сошал клуб».

— Вкусно, — хвалит он, энергично орудуя палочками.

Я сижу рядом, поджав ноги, жадно ем, внезапно осознав, какая я голодная, и люблюсь его голыми ступнями.

— Обычно готовлю я. Кейт не любит с этим возиться.

— Тебя научила мать?

— Не совсем, — усмехаюсь я. — Когда у меня возник интерес к готовке, мать жила

с Супругом-номер-три в Техасе. А Рэй, если бы не я, питался бы тостами и фаст-фудом.

— Почему ты не осталась в Техасе с матерью?

— Ее муж Стив и я... мы не ладили. И я скучала без Рэя. Мама недолго прожила со Стивом. Вероятно, опомнилась. Она не любит говорить о нем, — спокойно добавила я.

Это была невеселая полоса в ее жизни, которую мы с ней никогда не обсуждали.

— Так что ты осталась в Вашингтоне у отчима.

— Я очень недолго жила в Техасе. Потом вернулась к Рэю.

— Похоже, ты заботилась о нем, — мягко говорит он.

— Наверное, — пожимаю я плечами.

— Ты привыкла заботиться о других.

В его голосе явственно звучит недовольная нотка.

— В чем дело? — интересуюсь я с удивлением. — Тебя что-то не устраивает?

— Я хочу заботиться о тебе. — Его глаза сияют от каких-то непонятных эмоций.

Мое сердце заколотилось.

— Я уже заметила, — шепчу я. — Только ты делаешь это странным образом.

Он морщит лоб.

— Это единственный способ, которым я владею.

— Я все-таки злюсь на тебя за покупку SIP.

— Знаю, малышка, но твоя злость меня не остановит, — улыбается он.

— Что я скажу моим коллегам, Джеку?

Он мрачнеет и сердито щурится.

— Этот хрен еще у меня дождется.

— Кристиан! Он мой босс.

Он поджимает губы и становится похож на упрямого школьника.

— Не говори им.

— Чего не говорить?

— Что я их купил. Соглашение о намерениях было подписано вчера. О сделке будет объявлено через четыре недели, когда руководство SIP выполнит кое-какие условия и внесет изменения в издательскую политику.

— О-о... я могу оказаться без работы? — встревожилась я.

— Искренне сомневаюсь в этом, — отвечает Кристиан, пряча усмешку.

— Если я найду другую работу, ты купишь и ту компанию?

— Но ведь ты не собираешься уходить, верно? — Он настораживается.

— Возможно. Я не уверена, что ты позволишь мне выбирать.

— Да, я куплю и ту компанию. — Он непреклонен.

Я хмурюсь, не видя выхода.

— Тебе не кажется, что ты переходишь все пределы разумного?

— Да. Я полностью отдаю себе отчет в том, как это выглядит.

— Спасибо доктору Флинну, — бормочу я.

Он ставит на пол пустую фарфоровую тарелку и бесстрастно смотрит на меня. Я вздыхаю. Мне не хочется воевать. Встаю и забираю посуду.

— Десерт хочешь?

— Конечно! Ты можешь мне что-то предложить? — интересуется он с обольстительной ухмылкой.

— Не меня. — Почему не меня?.. Моя внутренняя богиня пробуждается от дремоты и садится, чутко прислушиваясь. — У меня есть мороженое. Между прочим, ванильное, — смеюсь я.

— В самом деле? — Его усмешка становится шире. — Думаю, мы можем придумать что-нибудь интересное.

Что?.. Я озадаченно гляжу на него, а он грациозно встает с ковра.

— Я могу остаться?

— Что ты имеешь в виду?

— У тебя, на ночь?

— По-моему, это предполагалось с самого начала.

— Хорошо. Где мороженое?

— В духовке. — Я мило улыбаюсь.

Он наклоняет голову набок и с иронией замечает:

— Сарказм — низшая форма остроумия, мисс Стил.

В его глазах появляется сладострастный блеск.

О черт! Что он задумал?..

— Я ведь могу и отшлепать тебя.

Я ставлю миски в раковину.

— Ты захватил с собой серебряные шарики?

Он хлопает себя по карманам и разводит руками.

— Знаешь, как это ни смешно, но я не ношу с собой запасной комплект. В офисе он мне без надобности.

— Очень рада это слышать, мистер Грей. А еще, кажется, вы сказали, что сарказм — низшая форма остроумия.

— Анастейша, мой новый девиз таков: «Если ты не можешь одолеть кого-то, присоединись к нему».

Я раскрываю рот — ушам своим не верю, — а он выглядит довольным собой и ухмыляется. Потом открывает морозилку и достает пинту лучшего ванильного мороженого «Бен & Джерри».

— Это нам подойдет. — Он глядит на меня потемневшими глазами. — «Бен & Джерри & Ана». — Каждое слово он выговаривает медленно и отчетливо.

Ну и ну!.. Моя нижняя челюсть отвисает до самого пола. Кристиан выдвигает ящик стола и хватает ложку. Когда он поднимает на меня взгляд, в его глазах горит страсть, а язык касается краешка верхних зубов. Ах, этот язык!

У меня захватывает дух. Желание — темное и сладостное — пробегает горячей волной по моим жилам. Сейчас будет весело.

— По-моему, тебе слишком жарко, — шепчет он. — Ты перегрелась. Я буду охлаждать тебя. Пойдем.

Кристиан протягивает мне руку, и я послушно следую за ним.

В спальне он ставит мороженое на ночной столик, снимает с кровати пуховое одеяло и обе подушки, кладет их горкой на пол.

— У тебя ведь найдется смена простыней, верно?

Я киваю, завороченно наблюдая за его действиями. Он берет в руки «Чарли Танго».

— Не испачкай мой шарик! — грозно предупреждаю я.

Уголки губ дергаются в лукавой улыбке.

— И не собираюсь, малышка. Я испачкаю тебя и эти простыни.

Мое тело буквально заходится в конвульсиях.

— Я привяжу тебя, согласна?

Ой... Что-то будет...

— Ладно, — шепчу я.

— Только руки. К кровати. Мне так нужно.

— Ладно, — снова шепчу я, не в силах произнести что-то другое.

Он подходит, глядя мне в глаза.

— Мы возьмем вот это. — Он берется за пояс моего халата и очень медленно, словно дразня меня, развязывает его и аккуратно вытаскивает из петель.

Халат распахивается, и я стою как парализованная под его жарким взглядом. Через пару мгновений Кристиан снимает халат с моих плеч. Халат спадает и ложится возле моих ног, а я стою обнаженная. Кристиан гладит мое лицо костяшками пальцев; прикосновение отдается сладким эхом в глубине живота. Наклонившись, он быстро целует меня в губы.

— Ложись на спину, — бормочет он. Его потемневшие глаза сверкают.

Я послушно выполняю все, что он говорит. Моя комната погружена в полумрак, только от ночника льется робкий свет.

Вообще-то, я ненавижу энергосберегающие лампочки — они такие тусклые. Но сейчас радуюсь приглушенному свету. Кристиан стоит возле кровати и смотрит на меня.

— Я могу смотреть на тебя весь день, Анастейша, — говорит он и тут же залезает на кровать, садится на меня верхом.

— Руки над головой, — командует он.

Я повинуюсь, и он обвязывает концом пояса мое левое запястье и продевает пояс через металлические прутья в изголовье кровати. Сильно дергает за него, рука вытягивается. Так же крепко привязывает и мое правое запястье.

Теперь, когда я связана, он заметно успокаивается. Ему это по нраву. Ведь я больше не могу до него дотронуться. Мне пришло в голову, что ни одна из его прежних партнерш не прикасалась к нему — они никогда не получали такой возможности. Он всегда контролировал все действия и сохранял дистанцию. Вот почему он так любит свои правила.

Он слезает с меня и, наклонившись, быстро чмокает в губы. Выпрямляется и стаскивает через голову рубашку. Расстегивает джинсы и сбрасывает их на пол.

Обнаженный, он великолепен. Моя внутренняя богиня выполняет тройной аксель, а у меня внезапно пересыхают губы. Его фигура словно создана по классическим канонам: широкие мускулистые плечи, узкие бедра — перевернутый треугольник. Он явно поддерживает форму тренировками. Я могла бы любоваться им с утра до вечера. Тем временем Кристиан подходит к изножью кровати, хватая меня за лодыжки и резко тянет на себя. Теперь мои руки окончательно вытянулись, и я не могу ими двигать.

— Так-то лучше, — бормочет он.

Взяв мороженое, он возвращается на кровать и опять садится на меня верхом. Медленно сдирает крышку из фольги и втыкает ложку в ванильную массу.

— Хм-м... оно еще твердовато, — сообщает он, подняв брови. Зачерпывает мороженое и отправляет в рот. Сладко жмурится, облизывает губы. — Поразительно, каким вкусным бывает простое ванильное мороженое. — Смотрит на меня с хитрым видом. — Хочешь попробовать?

Он сидит на мне и лакомится мороженым — такой молодой, беззаботный и горячий — глаза веселые, лицо сияет. Что же он собирается со мной делать? Я робко киваю, словно не могу говорить.

Он зачерпывает еще мороженого и протягивает мне; я открываю рот; тогда он быстро его проглатывает.

— Слишком вкусно, чтобы делиться, — заявляет он с коварной ухмылкой.

— Эй! — протестую я.

— Как, мисс Стил, вы любите ванильное мороженое?

— Да, — отвечаю я с наигранной злостью и безуспешно пытаюсь сбросить его с себя.

Он смеется.

— Ах, мы сердимся! Я бы на твоём месте поостерегся.

— Хочу мороженого!

— Ладно уж, мисс Стил, ведь вы так порадовали меня сегодня. — Он подносит к моим губам полную ложку мороженого и даёт её съесть.

Мне тоже хочется смеяться. Он веселится от души, и его хорошее настроение заразительно. Он зачерпывает еще мороженого и даёт мне, потом еще... Ладно, хватит.

— Эге, вот как можно заставить тебя есть — путем принудительного кормления. Надо иметь это в виду.

Зачерпывает еще мороженого и предлагает мне. На этот раз я плотно сжимаю губы и мотаю головой. Тогда он ждет, держа ложку надо мной. Растаявшее мороженое капает мне на горло, на ключицы. Он медленно слизывает его. Мое тело наполняется истомой.

— Хм-м. Мисс Стил, оказывается, так мороженое еще вкуснее.

Я неистовствую, пытаюсь освободить руки; кровать зловеще скрипит, а мне плевать — я горю желанием, оно пожирает меня. Он зачерпывает еще ложку и льет растаявшее мороженое мне на груди. Потом размазывает его ложкой по каждой груди и соскам.

Ой... холодно! Соски напрягаются от мороженого.

— Холодно? — участливо спрашивает Кристиан и опять слизывает с меня лакомство. Его губы кажутся мне горячими по сравнению с холодом ванильной массы.

Это мука. Мороженое тает и стекает с меня струйками на простыню. Губы Кристиана продолжают медленную пытку, то с силой всасывают, то нежно ласкают мою кожу.

— Пожалуйста... — Я учащенно дышу.

— Поделиться с тобой?

Прежде чем я успеваю сказать «да» или «нет», его язык уже вторгается в мой рот, холодный, умелый; на вкус он походит сейчас одновременно на Кристиана и на ванильное мороженое. Восхитительно!

Едва я успеваю привыкнуть к этому, как он садится и выливает подтаявшее мороженое узкой полоской от груди вниз и кладет на мой пупок большой комок. Оно еще холоднее, но почему-то обжигает...

— Ну вот, лежи спокойно, иначе все мороженое окажется на постели.

Его глаза сияют. Он целует обе груди, сильно сосет соски, затем слизывает полоску мороженого на теле.

А я стараюсь лежать неподвижно, несмотря на головокружительное сочетание холода и жарких прикосновений. Но бедра начинают двигаться сами собой, в собственном ритме, под действием холодной ванильной магии. Кристиан перемещается вниз и поедает мороженое с

моего живота, ввинчивает кончик языка в пупок.

Из моего горла вырываются громкие стоны. Боже мой! Мне холодно и жарко одновременно, Кристиан доводит меня до исступления, но не останавливается. Он льет мороженое ниже, на лобок, на клитор. Я громко кричу.

— Тише, тише, — говорит Кристиан.

Его волшебный язык продолжает слизывать мороженое. Теперь я выражаю свою страсть спокойнее.

— Ох... пожалуйста... Кристиан...

— Я знаю, малышка, знаю, — шепчет он, а его язык делает свое дело.

Он не останавливается, не желает останавливаться, и мое тело выгибается кверху — выше, выше. Кристиан вставляет в меня один палец, другой и движет ими взад-вперед с мучительной неспешностью.

— Вот так, — бормочет он, ритмично поглаживая переднюю стенку моей вагины, а сам продолжает слизывать и всасывать ванильное мороженое.

Неожиданно я тону в умопомрачительном оргазме, извиваюсь со стонами; он притупляет все мои чувства, отдаляет все, что творится вне моего тела. Черт побери, это случилось так быстро!

Я едва замечаю, что Кристиан прекратил свои манипуляции и теперь стоит надо мной, надевая резинку. Вот он уже внутри меня, жестко и быстро.

— О да! — стонет он, вторгаясь в меня.

Он весь липкий — остатки мороженого размазаны между нами. Это странное ощущение меня отвлекает, но лишь на считанные секунды, так как Кристиан внезапно переворачивает меня на живот.

— Вот так, — бормочет он и опять резко входит в меня, но не спешит начинать свои обычные карающие движения.

Он развязывает мои руки и поднимает меня кверху, так что теперь я практически сижу на нем. Его ладони обхватывают мои груди, мягко теребят соски. Я со стонами откидываю голову назад, на его плечо. Он ласкает, покусывает мою шею и одновременно двигает бедрами, восхитительно медленно, снова и снова наполняя меня.

— Знаешь ли ты, как много ты для меня значишь? — шепчет он мне на ухо.

— Нет, — шепчу я.

Он смеется и на миг сжимает пальцами мое горло.

— Знаешь, знаешь. Я никуда тебя не отпущу.

Вместо ответа я издаю стон, а он прибавляет темп.

— Ты моя, Анастейша.

— Да, твоя, — признаю я, тяжело дыша.

— Я забочусь обо всем, что принадлежит мне, — шипит он и кусает мое ухо.

Я кричу.

— Правильно, малышка, я хочу слышать твой голос.

Одной рукой он обхватывает мою талию, другой держит мое бедро и врывается в меня

еще жестче, вынуждая меня закричать еще раз. Его дыхание делается хриплым, неровным, под стать моему. Глубоко внутри я чувствую знакомую пульсацию. Опять!..

Я растворяюсь в ощущениях. Вот что он делает — владеет моим телом так, что я не могу ни о чем думать. Мощная, заразительная магия. Я как бабочка, попавшая в его сачок, не способная улететь, не желающая никуда улетать. Я его... вся целиком его...

— Давай, малышка, — рычит он сквозь стиснутые зубы, и после этого, словно ученик чародея, я взрываюсь, и мы вместе погружаемся в блаженную агонию.

Я лежу в его объятьях на липких простынях. Он прижался грудью и животом к моей спине и уткнулся носом мне в волосы.

— Я боюсь моей любви к тебе, — шепчу я.

— Я тоже, — спокойно говорит он.

— Вдруг ты меня бросишь? — Мне страшно об этом даже подумать.

— Я никуда не денусь, Анастейша. По-моему, я даже не смогу никогда насытиться тобой.

Я поворачиваюсь и гляжу на него. Его лицо серьезное и искреннее. Я нежно его целую. Он улыбается и заправляет прядь моих волос за ухо.

— Мне никогда еще не было так плохо, как после нашей ссоры, Анастейша, когда ты ушла. Я сделаю все что угодно, горы сдвину, лишь бы не страдать опять, как в тот раз.

В его словах звучат грусть и даже удивление.

Я опять целую его. Мне хочется вернуть наш веселый настрой. Кристиан делает это вместо меня.

— Ты пойдешь со мной завтра к моему отцу на торжественный летний прием? Это ежегодная благотворительная акция. Я уже обещал, что приду.

Я улыбаюсь, испытывая неожиданную робость.

— Конечно, пойду. — «Ох, черт! Мне нечего надеть».

— Что ты помрачнела?

— Так, ничего.

— Скажи мне, — настаивает он.

— Мне нечего надеть.

Кристиан слегка хмурится.

— Не обижайся и не сердись, но у меня дома остались все вещи, купленные для тебя. Я уверен, что там найдется парочка платьев.

Я недовольно надуваю губы.

— Да ладно?

Но сегодня мне не хочется ссориться. Лучше я приму душ.

Девушка, похожая на меня, стоит возле SIP. Застрелиться можно. Она — вылитая я. Словно это я, бледная и неряшливая, в одежде не по размеру, стою и смотрю на ту, другую, здоровую и довольную жизнью, которая носит мои наряды.

— Что в тебе есть такого, чего нет у меня? — спрашиваю я у нее.

Мое беспокойство перерастает в страх.

— Кто ты?

— Я? Я — никто... А кто ты? Ты тоже никто?

— Тогда мы с тобой равны — только не говори никому, они нас прогонят, понимаешь?..

Она улыбается; злая гримаса медленно расплзается по ее лицу. Это так страшно, что я невольно кричу.

— Что с тобой, Ана? — Кристиан трясет меня за плечо.

Я не сразу соображаю, где нахожусь. Я дома, в темноте, в постели с Кристианом... Я трясу головой, чтобы окончательно проснуться.

— Ну, пришла в себя? Тебе приснился плохой сон.

— А-а.

Он включает лампу, и она льет на нас свой тусклый свет. Кристиан смотрит на меня с озабоченным лицом.

— Та девушка, — шепчу я.

— Что-что? Какая девушка? — участливо интересуется он.

— Сегодня, когда я уходила с работы, возле SIP стояла девушка. Она выглядела почти как я... правда, не совсем.

Кристиан застывает, и когда свет лампочки делается ярче, я вижу, что его кожа стала пепельного цвета. Он садится на постели и поворачивает ко мне лицо.

— Когда это было?

— Сегодня вечером, когда я уходила с работы, — повторяю я. — Ты ее знаешь?

— Да. — Он проводит рукой по шевелюре.

— Кто она?

Он молчит. Его рот плотно сжат.

— Кто она? — настаиваю я. — Скажи!

— Лейла.

Я сглатываю комок в горле. Его бывшая саба! Я вспомнила, как Кристиан говорил о ней перед тем, как мы отправились кататься. Внезапно я вижу, что он страшно напрягся. С ним что-то творится.

— Та девушка, которая записала «Токсик» на твой плеер?

Он с тревогой смотрит на меня.

— Да. Она что-нибудь тебе говорила?

— Она сказала: «Что в тебе есть такого, чего нет у меня?», а когда я спросила, кто она, ответила: «Никто».

Кристиан закрывает глаза, словно ему очень больно. Что случилось? Что она значит для него?

В моем теле бурлит адреналин, даже волосы шевелятся. Она очень дорога ему? Может, он страдает без нее? Я знаю так мало про его прошлые... хм, связи? увлечения? Возможно, они заключили контракт, по которому она обязалась давать ему то, что он захочет, и она с радостью давала это ему.

Ну нет, я так не могу... При мысли об этом мне становится нехорошо.

Спрыгнув с кровати, Кристиан натягивает джинсы и идет в гостиную. Я бросаю взгляд на будильник — пять утра. Накидываю его белую рубашку и иду за ним.

Господи, он звонит по телефону!

— Да, возле SIP, вчера... ранним вечером, — спокойно сообщает он. Потом поворачивается ко мне и строго требует: — Назови точное время.

— Примерно без десяти шесть, — бормочу я.

Кому он звонит в такую рань? Что сделала Лейла? Он сообщает эту информацию неизвестному адресату, а сам не отрывает от меня глаз. Его лицо строгое и серьезное.

— Выясни, как... Да... Я бы этого не сказал, но ведь и тогда я не мог подумать, что она способна на такое. — На его лице — болезненная гримаса. — Неизвестно, как все обернется. Да, я поговорю... Да... Знаю... Выясни и сообщи мне. Обязательно найди ее, Уэлч, она в беде. Найди ее. — Разговор окончен.

— Хочешь чаю? — спрашиваю я. У Рэя чай — ответ на любой кризис и единственная вещь, которую он хорошо делает на кухне. Я наливаю воду в чайник.

— Вообще-то я хочу вернуться в постель. — По взгляду Кристиана мне ясно, что не для сна.

— Знаешь, мне нужно выпить чашечку чая. Присоединишься?

Я хочу знать, что происходит. И мне не нужны его отвлекающие маневры.

Он взволнованно приглаживает волосы.

— Да, пожалуй, выпью, — соглашается он, но я вижу его раздражение.

Я ставлю чайник на плиту и вожусь с чашками и заварочным чайником. Мой уровень тревоги взлетает до готовности номер один. Намерен ли он рассказать мне об этой проблеме? Или мне самой придется все раскапывать?

Я чувствую на себе его взгляд — чувствую его неуверенность, гнев. Я поднимаю голову и вижу его настороженное ожидание.

— В чем дело? — тихо спрашиваю я.

Он трясет головой.

— Ты не хочешь мне говорить?

— Нет. — Он вздыхает и закрывает глаза.

— Почему?

— Потому что это не должно тебя касаться. Я не хочу впутывать тебя в эту историю.

— Хоть и не должно, все равно уже коснулось. Ведь она разыскала именно меня и поджидала возле моей работы. Как она про меня узнала? Откуда знает, где я работаю? Поэтому я имею право требовать от тебя объяснения того, что происходит.

Он снова раздраженно проводит ладонью по волосам, словно прислушивается к какому-то своему внутреннему спору.

— Пожалуйста, — ласково прошу я.

Его губы крепко сжимаются. Он хмурит брови.

— Вообще-то я представления не имею, как она тебя нашла. Может, видела наше фото в Портленде, не знаю. — Он опять вздыхает, и мне ясно, что он злится на себя.

Он расхаживает взад-вперед. Я терпеливо жду и наливаю кипяток в заварочный чайник. После паузы он продолжает:

— Когда я был с тобой в Джорджии, Лейла без предупреждения явилась ко мне домой и устроила сцену Гейл.

— Гейл?

— Миссис Джонс.

— Как это «устроила сцену»?

Он досадливо морщится.

— Скажи. Ты что-то скрываешь. — Я перебарываю робость и добавляю настойчивости в свой голос.

Он удивленно моргает.

— Ана, я...

— Ну?

Он обреченно вздыхает.

— Она пыталась вскрыть себе вены.

— Не может быть! — Теперь понятно, откуда у нее бинт на запястье.

— Гейл отвезла ее в госпиталь. Но Лейла ушла оттуда еще до моего возвращения.

Господи! Что это значит? Попытка суицида? Почему?

— Врач, лечивший ее, назвал этот поступок типичным криком о помощи. Он не верит, что она вправду шла на риск, и считает, что она лишь стоит на пороге суицидального мышления. Но я не уверен. Я пытаюсь ее отыскать и как-то помочь.

— Она что-нибудь сказала миссис Джонс?

Он смерил меня долгим взглядом. Я вижу, что ему не по себе.

— Так, пару слов, — наконец, отвечает он, но я понимаю: он что-то недоговаривает.

Я наливаю чай в чашки и обдумываю ситуацию. Итак, Лейла хочет вернуться в жизнь Кристиана и идет на крайние меры, чтобы привлечь его внимание. Ого, страшный способ... Но эффективный. Кристиан уехал ради нее из Джорджии, но она скрылась раньше, чем он туда прибыл? Очень странно.

— Ты не можешь ее найти? А если через ее семью?

— Они не знают, где она. Не знает и ее муж.

— Муж?

— Да, — смущенно говорит он, — она года два как замужем.

Что?

— Так она, замужняя женщина, была с тобой? — Ни хрена себе! Он и вправду не знает никаких рамок приличия.

— Нет! Господи, нет. Она была со мной года три назад. Потом мы расстались, и она вскоре вышла замуж за этого парня.

А-а...

— Так почему же она теперь пыталась привлечь твоё внимание?

Он печально качает головой.

— Не знаю. Нам лишь удалось узнать, что она сбежала от мужа четыре месяца назад.

— Подожди, значит, она не была твоей сабой уже три года?

— Два с половиной.

— Но ей захотелось стать твоей законной женой.

— Да.

— А ты ни в какую.

— Ну, сама знаешь.

— И тогда она ушла от тебя.

— Да.

— Так почему же она снова вернулась к тебе?

— Не знаю. — По тону чувствую, что у него есть объяснение.

— Но ты подозреваешь...

Он сердито прищурил глаза.

— Я подозреваю, что это как-то связано с тобой.

Со мной? Чего она от меня хочет? «Что в тебе есть такого, чего нет у меня?»

Я гляжу на Кристиана, на его великолепный торс. Этот красавец принадлежит мне; он мой. Мой. Но все-таки она так похожа на меня: такие же темные волосы и бледная кожа. При этой мысли я хмурюсь. Да... что в тебе есть такого, чего нет у меня?..

— Почему ты не сказала мне вчера?

— Забыла. — Я виновато пожимаю плечами. — Понимаешь, междусобойчик после работы, в конце моей первой рабочей недели. Потом ты появился в баре. Твой... тестостеронный клинч с Джеком; потом мы приехали сюда. Эта встреча совсем выскользнула из моей памяти. Ты заставляешь меня забыть обо всем.

— Тестостеронный клинч? — кривится он.

— Да. Кто дальше пустит струю.

— Я тебе покажу тестостеронный клинч!

— Разве ты не будешь пить чай?

— Нет, Анастейша, не буду.

Его глаза прожигают меня насквозь. Говорят: «Я хочу тебя и немедленно». У-ух, горячо!

— Забудь о ней. Пойдем. — Он протягивает руку.

Моя внутренняя богиня делает в гимнастическом зале три сальто назад; я хватаю его за руку.

Я просыпаюсь, потому что мне жарко. Оказывается, я обвилась вокруг голого Кристиана Грея. Он хотя и спит, но крепко прижимает меня к себе. Мягкий утренний свет просачивается сквозь шторы. Моя голова лежит на его груди, нога сплелась с его ногой, рука на его животе.

Я осторожно, чтобы не разбудить его, поднимаю голову. Во сне он такой молодой и безмятежный. Он — мой.

М-м-м... Я нерешительно глажу его по груди, пробегаю кончиками пальцев по спутанным волосам, а он не шевелится. Я прямо-таки не верю своим глазам. Он реально мой — на несколько драгоценных мгновений. Я нежно целую один из его шрамов. Он тихо стонет, но не просыпается. Я улыбаюсь и снова целую. Он открывает глаза.

— Привет, — говорю я с виноватой усмешкой.

— Привет, — настороженно отвечает он. — Что ты делаешь?

— Смотрю на тебя.

Я пробегаю пальцами по его «дорожке счастья» — от пупка вниз до... Он сердито щурится, хватая меня за руку, но потом его губы растягиваются в ослепительной улыбке, и я успокаиваюсь. Мои прикосновения остаются тайными.

Но почему ты не позволяешь мне дотрагиваться до тебя?

Неожиданно он ложится на меня, вдавив в матрас, и хватает за запястья. Щекочет мой нос своим носом.

— Кажется, мисс Стил, вы задумали что-то нехорошее, — заявляет он строгим тоном, но с улыбкой.

— Я люблю думать о нехорошем, когда лежу рядом с тобой.

— Правда? — спрашивает он и легонько целует меня в губы. — Секс или завтрак? — спрашивает он.

Его глаза потемнели, но полны юмора. Я чувствую, как он входит в меня, и выгибаюсь

навстречу ему.

— Правильно, молодец, — бормочет он; его дыхание щекочет мне шею.

Я стою перед зеркалом и пытаюсь изобразить из своих волос какое-то подобие прически — но они слишком длинные. Я в джинсах и майке. Кристиан только что принял душ и тоже одевается. Я жадным взором гляжу на его тело.

— Ты часто ходишь на тренировки? — интересуюсь я.

— Каждую неделю в один из выходных, — отвечает он, застегивая ширинку.

— Чем ты занимаешься?

— Бегаю, делаю силовые упражнения, занимаюсь кикбоксингом, — пожимает он плечами.

— Кикбоксингом?

— Да, у меня есть персональный тренер, бывший олимпийский чемпион. Его зовут Клод. Он тебе понравится.

Я поворачиваюсь и гляжу на него. Он застегивает рубашку.

— Как это понравится? Что ты хочешь этим сказать?

— Тебе он понравится как тренер.

— Зачем мне нужен персональный тренер? Для хорошей формы мне достаточно и тебя.

Он подходит ко мне и обнимает за плечи. Его потемневшие глаза встречаются в зеркале с моими.

— Но я хочу, чтобы ты, малышка, была в форме и справлялась с нагрузками. Это нужно для моих планов.

У меня вспыхивают щеки при воспоминании об игровой комнате. Да... Красная комната боли задает нагрузку для организма. Значит, он рассчитывает, что я опять туда вернусь? Хочу ли я этого?

«Конечно, хочешь!» — кричит моя внутренняя богиня.

Я смотрю в его бездонные, завораживающие серые глаза.

— Ты хочешь этого, не отрицай, — шепчет он.

Я заливаюсь краской; мне в голову приходит неприятная мысль о том, что Лейла, вероятно, справлялась с нагрузками. Мои губы поджимаются сами собой.

— Что такое? — озабоченно спрашивает Кристиан.

— Ничего, — трясусь я головой. — Ладно, я познакомлюсь с Клодом.

— Правда? — недоверчиво спрашивает Кристиан.

Его лицо светлеет. У него такой вид, словно он выиграл в лотерею, хотя наверняка ни разу в жизни не покупал лотерейные билеты — не было нужды.

— Да, господи, если это так тебя радует, — усмехаюсь я.

Он еще крепче обнимает меня и целует в щеку.

— Ты даже не представляешь как, — шепчет он. — Ну, чем мы займемся сегодня?

Он утыкается носом в мои волосы, и по всему моему телу бегут восхитительные мурашки.

— Я хотела сегодня подстричься, а еще, хм-м, мне надо обналичить чек и купить машину.

— А, совсем забыл! — спохватывается он и закусывает губу. Потом лезет в карман и

достаёт ключ от «Ауди».

— Машина здесь, — говорит он спокойно, с непроницаемым лицом.

— Что значит «здесь»? — сердито спрашиваю я.

Черт! Я зла. Как он смеет!

— Тейлор привез ее вчера.

Я открываю рот, закрываю и повторяю эти действия дважды, но так ничего и не в силах изречь. Он возвращает мне машину. Черт побери! Почему я не смогла это предвидеть? Что ж, в этой игре два игрока. Я лезу в задний карман джинсов и достаю конверт с чеком.

— Вот, это твой чек.

Кристиан смотрит на меня с удивлением; потом, узнав свой конверт, поднимает ладони кверху и пятится назад.

— Нет-нет. Это твои деньги.

— Нет, не мои. Я хочу купить у тебя машину.

Выражение его лица мгновенно меняется. На нем вспыхивает ярость — да, ярость.

— Нет, Анастейша. Это твои деньги, твоя машина, — сердито заявляет он.

— Нет, Кристиан. Мои деньги, твоя машина. Я покупаю ее у тебя.

— Я подарил тебе эту машину по случаю окончания учебы.

— Если бы ты подарил мне ручку — это был бы нормальный подарок. А не «Ауди».

— Тебе в самом деле хочется спорить со мной?

— Нет.

— Ладно, вот ключи, держи! — Он кладет их на комод.

— Я не это имела в виду!

— Прекратим дискуссию, Анастейша. Не испытывай мое терпение.

Я хмуро гляжу на него, потом меня осеняет. Взяв конверт, я рву его пополам, потом еще пополам и бросаю клочки в корзину. Уф, хорошо!

Кристиан стоит с бесстрастным лицом, но я знаю, что подожгла фитиль и теперь мне надо держаться подальше. Он гладит свой подбородок.

— Вы, как всегда, нарываетесь на неприятности, мисс Стил, — сухо заявляет он, резко поворачивается и идет в другую комнату.

Такой реакции я не ожидала. Думала, будет Армагеддон по полной программе. Я гляжусь в зеркало и принимаю решение завязать волосы в хвост.

Меня гложет любопытство. Чем там занимается мистер Грей? Вхожу в комнату. Он говорит по телефону.

— Да, двадцать четыре тысячи долларов. Срочно.

Он направляет на меня бесстрастный взгляд.

— Хорошо. В понедельник? Прекрасно... Нет, это все, Андреа.

Сердито захлопнул мобильник.

— Деньги поступят на твой банковский счет в понедельник. Мне не нужны такие фокусы.

Он клопочет от злости, но мне плевать.

— Двадцать четыре тысячи долларов! — Я почти кричу. — И откуда ты знаешь мой банковский счет?

Моя ярость удивляет его.

— Я знаю о тебе все, Анастейша, — спокойно заявляет он.

— Моя машина никак не стоила двадцать четыре тысячи.

— В целом я с тобой согласен, но у рынка свои законы. Цена зависит от того, покупатель ты или продавец. Некий сумасшедший захотел купить этот гроб на колесах и был готов раскошелиться на эту сумму. Очевидно, коллекционер. Если не веришь мне, спроси у Тейлора.

Я недоверчиво и зло смотрю на него, он на меня — два злых и упрямых идиота.

И тут я ощущаю притяжение: между нами возникает электричество; оно толкает нас друг к другу. Внезапно Кристиан хватает меня в охапку, жадно, неистово целует в губы. Его растопыренная ладонь держит меня за попку и прижимает к бедрам; другая рука тянет за волосы и запрокидывает мне голову. Я тоже запустила пальцы в его шевелюру и крепко держу, не отпускаю от себя. Он трется об меня всем телом, я слышу его прерывистое дыхание. Я чувствую, как он возбужден. Он хочет меня, и у меня кружится от счастья голова, я плавлюсь от восторга — ведь я нужна ему.

— Почему, почему ты споришь со мной? — бормочет он между жаркими поцелуями.

Кровь звенит в моих жилах. Неужели он всегда будет так же действовать на меня? А я на него?

— Потому что могу.

Я задыхаюсь от долгого поцелуя. Я не вижу, а чувствую кожей его улыбку. Он прижимается лбом к моему лбу.

— Господи, я хочу тебя, но у меня закончились резинки. Я никогда не могу насытиться тобой. Ты умопомрачительная, потрясающая женщина.

— А ты доводишь меня до безумия, — шепчу я. — Во всех отношениях.

Он качает головой.

— Пошли. Позавтракаем. И я знаю место, где ты можешь подстричься.

— Хорошо, — соглашаюсь я.

Наш конфликт позади.

— Я плачу. — Я хватаю чек за завтрак, опередив его.

Он хмурится.

— Ты не успел, Грей. Надо быстрее шевелиться.

— Верно, надо, — кисло соглашается он, хотя я подозреваю, что он меня дразнит.

— Не сердись. Ведь я теперь на двадцать четыре тысячи долларов богаче, чем была сегодня утром. Могу себе позволить... — я гляжу на чек, — заплатить за завтрак двадцать два доллара шестьдесят семь центов.

— Благодарю, — ворчит он. Ну, вернулся угрюмый подросток.

— Теперь мы куда?

— Ты в самом деле хочешь подстричься?

— Да ты посмотри на меня!

— По-моему, симпатичная прическа. Как все в тебе.

Я краснею и опускаю глаза.

— А как же прием, который устраивает вечером твой отец?

— Вспомнил! Нужно явиться в смокинге.

— Где он пройдет?

— В доме родителей. У них там разбит большой шатер.

— Что за благотворительная программа?

Кристиан трет ладони о бедра и неохотно отвечает:

— Называется «Справимся вместе». Реабилитация для наркозависимых родителей с маленькими детьми.

— По-моему, хорошее дело, — тихо говорю я.

— Ладно, пошли.

Он встает, давая понять, что разговор на эту тему закончен, и подает мне руку. Я берусь за нее, Кристиан крепко сжимает мои пальцы и выводит из ресторана.

Странно. Он так демонстративно ведет себя в одних случаях и совершенно закрыт в других. Мы идем по улице. Утро приятное, мягкое. Светит солнце, в воздухе витает аромат кофе и свежего хлеба.

— Куда мы идем?

— Это сюрприз.

Ну ладно. Не очень-то я люблю его сюрпризы.

Мы проходим два квартала; магазины тут явно более дорогие. Мне еще не выдавалась возможность обследовать эту часть города, но все это буквально по соседству с нашим жильем. Кейт будет довольна: тут масса маленьких бутиков, где она сможет утолять свою страсть к нарядам. Впрочем, мне тоже нужно купить несколько легких юбок, чтобы надевать на работу.

Кристиан останавливается перед большим шикарным салоном красоты под названием «Эсклава» (то есть «Рабыня» по-испански) и открывает передо мной дверь. Внутри все белое и кожаное. За ослепительно-белой стойкой администратора сидит молодая блондинка в белом. Она поднимает на нас взгляд.

— Доброе утро, мистер Грей, — радостно здоровается она и хлопает длинными ресницами.

На щеках блондинки появляется румянец, вероятно, от смущения. Это меня не удивляет, ведь таково действие Кристиана на всех женщин. Но откуда она его знает?

— Привет, Грета.

Он тоже ее знает. Как это понять?

— Как обычно, сэр? — вежливо спрашивает она. У нее очень розовая помада.

— Нет, — быстро отвечает он, нервно покосившись на меня.

Как обычно? Что это значит?

«Ни фиги себе! Ведь это Правило номер шесть, проклятый салон красоты... Вся эта чушь с воском... проклятье!..»

Вот куда он приводил всех своих саб! Может, и Лейлу тоже? Как мне к этому относиться?

— Мисс Стил скажет вам, что она хочет.

Я сердито гляжу на него. Он вводит свои Правила, не мытьем, так катаньем. Я уже согласилась на персонального тренера — и вот теперь это?

— Почему здесь? — злобно прошипела я.

— Салон принадлежит мне, как и еще три таких же.

— Ты его владелец? — удивленно переспрашиваю я. Вот уж неожиданность!

— Да. Попутный бизнес. Кстати, ты можешь получить здесь все, что хочешь.

Всевозможный массаж: шведский, шиацу; горячие камни, рефлексология, ванны с морскими водорослями, массаж лица и прочее, что нравится женщинам, — тут делают все. — Он взмахивает рукой с длинными пальцами.

— И воск?

Он смеется.

— Да, воск тоже. Во всех местах, — шепотом добавляет он, наслаждаясь моим дискомфортом.

Я вспыхиваю и бросаю взгляд на Грету. Она выжидающе смотрит на меня.

— Будьте добры, мне нужно подстричься.

— Хорошо, мисс Стил.

Грета с немецкой четкостью находит в компьютере необходимую информацию.

— Франко освободится через пять минут.

— Франко хорошо стрижет, — заверяет меня Кристиан.

Я пытаюсь осмыслить то, что только что узнала. Кристиан Грей, генеральный директор холдинга, владеет еще и сетью салонов красоты.

Краем глаза я наблюдаю за ним. Внезапно Кристиан бледнеет — что-то, или кто-то, этому причиной. Я поворачиваю голову, чтобы узнать, куда направлен его взгляд. В глубине салона появляется стройная платиновая блондинка, закрывает за собой дверь и разговаривает с парикмахером.

Платиновая блондинка высокая, загорелая, на вид лет тридцати с небольшим — точно сказать трудно. Она одета в такую же форму, что и Грета, только черного цвета. Выглядит потрясающе. Ее волосы буквально светятся словно нимб, постриженные каре с длинными передними прядями. Она поворачивается, видит Кристиана, и на ее лице расцветает ослепительная и теплая улыбка.

— Извини, — торопливо бормочет Кристиан.

Он быстро идет через салон, мимо парикмахеров в белом, мимо учеников, стоящих возле раковин, к ней. Они стоят слишком далеко, и я не слышу, о чем они беседуют. Платиновая блондинка нежно здоровается с ним, целует в обе щеки, берет за локоть, и они о чем-то оживленно беседуют.

— Мисс Стил?

Грета безуспешно окликает меня.

— Минуточку, пожалуйста, — прошу я, не в силах оторвать глаз от Кристиана и платиновой блондинки.

Та поворачивается и смотрит на меня, как на знакомую. На ее лице — такая же ослепительная улыбка. Я вежливо растягиваю губы в ответ.

Кажется, Кристиан чем-то расстроен. Он в чем-то убеждает платиновую блондинку, она уступает и с улыбкой поднимает руки кверху. Он тоже улыбается — ясное дело, они прекрасно знают друг друга. Возможно, они долгое время вместе работали? Может, она управляет этим салоном? У нее властный вид.

Потом понимание ударяет в меня, словно тяжелый стальной шар на тросе, и глубоко внутри, на уровне инстинкта, я понимаю, кто это. Она. Яркая, не очень юная, прекрасная...

Это миссис Робинсон.

— Грета, с кем разговаривает мистер Грей?

Мне хочется умереть. Я полна недобрых предчувствий, и мое подсознание кричит: «Беги, беги отсюда!» Но вопрос я произнесла небрежным тоном.

— А, это миссис Линкольн. Она владелица этого салона в доле с мистером Греем. — Грета с готовностью сообщает эти сведения.

— Миссис Линкольн? — Вероятно, миссис Робинсон развелась с мужем и женила на себе какого-нибудь беднягу саба.

— Да. Обычно ее здесь трудно увидеть, но сегодня заболел один из наших сотрудников, и она его заменяет.

— Вы знаете, как зовут миссис Линкольн?

Грета смотрит на меня, подняв брови, хмурится и надувает свои розовые губки, словно удивлена моим любопытством. Эх, может, я зашла слишком далеко?

— Елена, — отвечает она, почти с неохотой.

Меня захлестывает странное чувство облегчения от того, что меня не подвело мое шестое чувство.

«Шестое чувство? — фыркает мое подсознание. — Незамутненная детская интуиция».

Они все еще что-то обсуждают. Кристиан говорит горячо, с напором. Елена взволнованно слушает, кивает, качает головой и морщится. Вот она прикусила губу и поглаживает пальцами свою ладонь, словно желая успокоиться. Еще один кивок, и она бросает на меня взгляд, дарит бледную улыбку.

Я могу лишь таращиться на нее с каменным лицом. Пожалуй, я в шоке. Как он посмел привезти меня сюда?

Она что-то бормочет Кристиану; он бросает на меня краткий взгляд, затем поворачивается к ней и отвечает. Она кивает, и я думаю, что она желает ему удачи. Впрочем, я плохо умею читать по губам.

Кристиан возвращается ко мне; на его лице я вижу беспокойство. Черт побери, не зря я... Миссис Робинсон удаляется в дальнюю комнату и закрывает за собой дверь.

Кристиан хмурится.

— Все в порядке? — В его голосе мне слышится опаска, настороженность.

— Не совсем. Ты не хотел меня знакомить? — холодно спрашиваю я.

У него отваливается челюсть. Он выглядит так, словно я выдернула из-под его ног ковер.

— Но я думал...

— Что ж, и умные люди иногда... — Я не могу подобрать подходящие слова. — Мне хочется уйти отсюда.

— Почему?

— Ты знаешь почему. — Я опускаю глаза.

Он смотрит на меня горящим взглядом.

— Прости, Ана. Я не ожидал ее здесь увидеть. Она никогда сюда не приезжает. Она открыла новый салон в Браверн-центре и сидит обычно там. Сегодня кто-то заболел.

Я резко поворачиваюсь и иду к двери.

— Грета, Франко нам не понадобится, — говорит Кристиан, и мы выходим на улицу.

Мне хочется убежать, но я перебарываю это желание. Убежать далеко-далеко. Еще ужасно хочется плакать. Но больше всего я хочу уйти подальше от этого идиотского гламура.

Мы движемся по Шестой авеню. Я обхватила себя руками и нагнула голову, избегая веток. Мой мозг бурлит от бесчисленных вопросов, на которые пока нет ответа. Кристиан молча идет рядом, пока в моем сознании проносятся все эти мысли. Он не прикасается ко мне, и это весьма разумно с его стороны. Будет ли мистер Хитрец и на этот раз уклоняться от ответа?

— Ты приводил сюда своих саб? — грозно интересуюсь я.

— Некоторых приводил, — спокойно отвечает он.

— И Лейлу?

— Да.

— Но ведь салон выглядит новым.

— Я недавно закончил ремонт.

— Понятно. Так что миссис Робинсон встречала всех твоих рабынь?

— Да.

— Они знали про нее?

— Нет. Никто из них. Только ты.

— Но я не саба.

— Нет, конечно.

Я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему лицом. В его широко раскрытых глазах читаю страх.

— Неужели ты не понимаешь, как все это мерзко? — Мой голос дрожит от гнева и возмущения.

— Да. Прости. — И он изображает раскаяние (как любезно с его стороны!).

— Я хочу подстричься, желательно там, где не будет твоих сотрудников или клиенток.

Он болезненно морщится.

— Ну, я пошла. Пока.

— Ты ведь не сбегаешь от меня? Нет?

— Нет. Я, черт побери, просто хочу подстричься. Где-нибудь. Я хочу сесть в парикмахерское кресло, закрыть глаза и забыть про всю фигню, которая тебя сопровождает.

Он проводит ладонью по шевелюре.

— Я могу прислать Франко к тебе домой, — спокойно предлагает он.

— Она очень привлекательная.

— Да, верно, — неохотно соглашается он.

— Она сейчас замужем?

— Нет. Уже пять лет как в разводе.

— Почему вы не вместе?

— Потому что у нас все в прошлом. Я уже говорил тебе.

Внезапно он морщит лоб, поднимает кверху палец, потом выуживает из кармана свой «блэкберри». Вероятно, телефон вибрировал; звонка я не слышала.

— Да, Уэлч, — рявкает он и выслушивает сообщение. Мы стоим на Второй авеню. Я смотрю на молоденькую лиственницу, опушившуюся нежной зеленью.

Мимо нас идут и идут люди по своим субботним делам. Несомненно, размышляют о каких-то личных драмах. Интересно, думаю я, входят ли в число этих драм сбежавшая экс-саба, умопомрачительная экс-доминантка и мужчина, чье поведение не укладывается в

концепт приватности, предусмотренный законами США.

— Погиб в ДТП? Когда? — прерывает мои размышления Кристиан.

Э, кто? Я настораживаюсь.

— Тем более. Значит, этот говнюк рассказал не все. Он что-то знает. Неужели у него нет никакой жалости к ней? — Кристиан неодобрительно качает головой. — Теперь все начинает проясняться... нет... мне понятно, почему она такая, а не где она.

Кристиан обводит взглядом улицу, словно что-то ищет, и я невольно повторяю его действия. Но не замечаю ничего особенного. Все те же деревья, автомобили, горожане, спешащие по своим делам.

— Она здесь, — продолжает Кристиан. — Она следит за нами. Да... Нет. Два или четыре, двадцать четыре, семь... Я еще не объявил об этом. — Кристиан переводит взгляд на меня.

Не объявил о чем? Я хмурюсь, и он опасно поглядывает на меня.

— Что?.. — шепчет он и бледнеет. — Понятно. Когда? Только что? Но каким образом?.. Никаких биографических данных?.. Понятно. Отправь по емейлу имя, адрес и фото, если есть... двадцать четыре, семь, с сегодняшнего дня. Поддерживай связь с Тейлором. — Кристиан отключает смартфон.

— Ну? — с тревогой спрашиваю я. Он скажет мне хоть что-нибудь?

— Это был Уэлч.

— Кто он?

— Мой секьюрити.

— Понятно. Что же случилось?

— Три месяца назад Лейла сбежала от мужа с каким-то парнем, а четыре недели назад он погиб в ДТП.

— Ой...

— Этот говнюк, врач, знал все это... — с гневом и досадой говорит он. — Горе — вот в чем причина ее странного поведения. Пойдем.

Он протягивает мне ладонь, и я машинально берусь за нее. Но тут же спохватываюсь и отдергиваю руку.

— Постой, мы не договорили. О «нас» и о ней, твоей миссис Робинсон.

Кристиан сердито морщится.

— Она не «моя миссис Робинсон». Мы можем поговорить об этом у меня дома.

— Я не хочу идти к тебе. Я хочу подстричься! — кричу я, стараясь сосредоточиться только на стрижке...

Он снова выхватывает из кармана смартфон и набирает номер.

— Грета, это Кристиан Грей. Мне нужно, чтобы Франко был через час у меня. Передай миссис Линкольн... Хорошо. — Он убирает смартфон. — Ты слышала? Парикмахер придет в час.

— Кристиан! — лепечу я.

— Анастейша, у Лейлы явно нервный срыв. Я не знаю, за кем она охотится, за тобой или за мной, и что задумала. Сейчас мы поедem к тебе, соберем твои шмотки, и ты поживешь у меня, пока мы не разыщем Лейлу.

— Зачем мне это надо?

— Ради твоей безопасности.

— Но ведь...

— Никаких «но», — сердится он. — Ты поедешь ко мне, даже если тебя придется тащить за волосы.

Я удивленно смотрю на него. Невероятно. Пятьдесят Оттенков в великолепном, ярком многообразии.

— По-моему, ты преувеличиваешь опасность.

— Нет. Пошли. Продолжим разговор у меня дома.

Я с вызовом гляжу на него, скрестив на груди руки. Он заходит слишком далеко.

— Нет, — повторяю упрямо.

— Ты либо пойдешь сама, либо я тебя понесу. Меня устраивают оба варианта.

— Не посмеешь, — усмехаюсь я. Ведь не станет же он устраивать спектакль на Второй авеню.

Он улыбается, но его глаза остаются строгими.

— Ну, малышка, мы оба знаем, что если ты бросаешь мне перчатку, то я с радостью принимаю вызов.

Мы сердито смотрим друг на друга — и тут он наклоняется, берет меня за бедра и поднимает. Не успев опомниться, я уже лежу животом на его плече.

— Оставь меня в покое! — визжу я. Ох, как мне нравится так кричать!

Не обращая внимания на мои крики, он идет по Второй авеню. Крепко держит одной рукой, а свободной шлепает меня по задку.

— Кристиан! — кричу я. Люди оглядываются на нас. Я не знаю, куда деться от стыда. — Я пойду сама! Я пойду!

Он ставит меня на ноги и не успевает выпрямиться, как я уже шагаю в сторону своего дома, клокоча от ярости, игнорируя его. Да, конечно, иногда он идет рядом, но я продолжаю его игнорировать. Что я намерена делать? Я так злюсь, что даже не знаю, что злит меня больше — всего хватает.

По дороге я мысленно составляю такой список:

1. Он нес меня на плече — недопустимо для меня, как и для любого человека старше шести лет.

2. Он привел меня в салон, которым владеет вместе с бывшей любовницей, — не глупо ли?

3. В тот же салон он приводил своих бывших саб — тоже глупо.

4. Он даже не понял, что это некорректно, — а еще считается умным человеком.

5. Наличие сумасшедших подружек, хотя и бывших. Могу ли я винить его в этом? Я сейчас в такой ярости, что да, могу.

6. Он знает мой банковский счет — слишком неприлично.

7. Его покупка SIP — у него больше денег, чем ума.

8. Он настаивает на моем переезде к нему — угроза со стороны Лейлы, вероятно, серьезнее, чем он думал... Так почему же он не рассказал мне о ней вчера?

В моем мозгу шевелится догадка. Что-то изменилось. Что же? Я останавливаюсь, и Кристиан останавливается вместе со мной.

— Что произошло? — грозно спрашиваю я.

— Ты о чем? — уточняет он, вопросительно подняв брови.

— С Лейлой.

— Я уже сказал тебе.

— Нет, не сказал. Тут что-то еще. Вчера ты не настаивал на том, чтобы я перебралась к тебе. Так что же случилось?

Он нерешительно мнетяся.

— Кристиан! Отвечай! — требую я.

— Вчера она ухитрилась получить разрешение на ношение оружия.

Вот это да. Я смотрю на него, тупо моргаю и, переваривая эту новость, чувствую, что бледнею. Что вот-вот упаду в обморок. Вдруг она хочет его убить? Нет!..

— Значит, она может купить себе пушку, — шепчу я.

— Ана, — озабоченно произносит он и берет меня за плечи. — Я не думаю, что она наделает глупостей, но не хочу, чтобы ты подвергалась какому бы то ни было риску.

— Я-то ладно... а вот как быть с тобой? — шепчу я.

Он хмуро смотрит на меня, а я обхватываю его руками, крепко прижимаюсь и утыкаюсь лицом в его грудь. Кажется, он не возражает.

— Пойдем назад, — бормочет он, наклоняется и целует меня в макушку.

Вот и всё. Вся моя злость ушла, но не забылась. Она рассеялась под угрозой опасности, нависшей над Кристианом. Мне невыносимо даже думать об этом.

В самом мрачном настроении я собираю небольшой чемоданчик, кладу в рюкзак свой ноут, «блэкберри», айпад и шарик «Чарли Танго».

— Ты и «Чарли Танго» берешь с собой? — удивляется Кристиан.

Я киваю, и он снисходительно улыбается.

— Во вторник вернется Итан, — лепечу я.

— Итан?

— Брат Кейт. Он остановится тут, пока не подыщет себе квартиру в Сиэтле.

Кристиан бесстрастно смотрит на меня, но я замечаю, что в его глазах появляются льдинки.

— Ну вот и хорошо, что ты переедешь ко мне. Ему будет просторнее, — спокойно говорит он.

— Я не знаю, есть ли у него ключи. Во вторник мне надо будет сюда приехать.

Кристиан не отвечает.

— Я все собрала.

Он подхватывает чемодан, мы выходим на улицу и направляемся на стоянку, расположенную за домом. Там стоит моя «Ауди». Я непроизвольно оглядываюсь через плечо и не понимаю, то ли это паранойя, то ли за нами действительно кто-то наблюдает. Кристиан распаивает передо мной дверцу пассажирского сиденья и выжидательно смотрит.

— Ты садись?

— Я думала, что сяду за руль.

— Нет, машину поведу я.

— Разве я плохо вожу? Только не говори мне, что тебе известно, сколько баллов я получила за вождение. Меня уже не удивляют твои шпионские наклонности. — Может, он знает, что я еле-еле одолела письменный экзамен.

— Садись в машину, Анастейша, — сердится он.

— Ладно уж.

Я поспешно ныряю в «Ауди». Честно говоря, мне страшновато. Возможно, ему тоже не по себе. За нами следит сумасшедшее существо — ну, бледная брюнетка с карими глазами, обладающая жутковатым сходством со мной и, возможно, купившая себе огнестрельное оружие.

Кристиан встраивается в поток машин.

— У тебя все сабы были брюнетками?

Он хмурится.

— Да. — Голос звучит неуверенно. Наверняка Кристиан удивляется, зачем мне нужно это знать.

— Мне просто интересно.

— Я уже говорил тебе, что предпочитаю брюнеток.

— Миссис Робинсон не брюнетка.

— Вот именно, — бормочет он. — Она-то и отвратила меня навсегда от блондинок.

— Ты шутишь, — удивляюсь я.

— Да, я шучу, — отвечает он с досадой.

С бесстрастным лицом я высматриваю за окном брюнеток, но Лейлы среди них нет.

Так, значит, он любит только брюнеток. Интересно, почему? Или миссис Необычайный Гламур, несмотря на то что она Старушка Робинсон, в самом деле отвратила его от блондинок? Я трясую головой: Кристиан Грей просто пудрит мне мозги.

— Расскажи мне о ней.

— Что ты хочешь знать? — Лоб Кристиана собирается в гармошку, а его тон рассчитан на то, чтобы меня запугать.

— Расскажи мне о вашем деловом соглашении.

Он явно радуется возможности поговорить о делах и успокаивается.

— Я скорее теневой партнер. Бизнес, связанный с салонами красоты, меня мало интересует, но она встретила его в успешную сеть других фирм. Я просто помог ей на старте инвестициями.

— Почему?

— Я был у нее в долгу.

— Да?

— Когда меня вышибли из Гарварда, она дала мне займы сто тысяч баксов, чтобы я мог начать свой бизнес.

Ни хрена себе! Она тоже богатая...

— Тебя вышибли?

— Это было не мое, Анастейша. Я промучился два года. К сожалению, мои родители не понимали этого.

Я хмурю брови. Мистер Грей и доктор Грейс Тревельян не одобряли его. Мне трудно это представить.

— По-моему, ты не прогадал, вылетев из Гарварда. На чем ты специализировался?

— Политика и экономика.

Хм-м... цифры.

— Так она богатая? — бормочу я.

— Ей было скучно. Она была дорогой куклой очень богатого торговца древесиной. — Кристиан повернул ко мне лицо и криво усмехнулся. — Он не позволял ей работать. Понимаешь, он любил все держать под контролем. Такой чудак. — На его лице вновь появилась усмешка.

— Неужели? Разве бывают такие диктаторы? По-моему, это из области мифов... — Я вкладываю в реплику весь сарказм, на какой способна.

Кристиан ухмыляется еще шире.

— Она ссудила тебя деньгами мужа?

Он кивает с озорной улыбкой.

— Какой ужас!

— Свое он вернул себе, — туманно возражает Кристиан, въезжая в подземный гараж в башне «Эскала».

Да ладно!..

— Каким образом?

Кристиан качает головой, словно ему неприятно вспоминать об этом, и паркуется возле «Ауди Quattro SUV».

— Пойдем — скоро приедет Франко.

В лифте Кристиан пристально смотрит мне в лицо.

— Ты все еще злишься? — интересуется он будничным тоном.

— Ужасно злюсь.

— Ну-ну, — кивает он и смотрит в стенку.

Тейлор ждет нас возле лифта и берет мой чемодан. Как он ухитряется всегда быть там, где нужно?

— Уэлч звонил? — спрашивает Кристиан.

— Да, сэр.

— И?

— Все улажено.

— Замечательно. Как ваша дочь?

— Все в порядке, благодарю вас, сэр.

— Хорошо. В час приедет парикмахер — Франко де Лука.

— Мисс Стил. — Тейлор почтительно кивает.

— Здравствуйте, Тейлор. У вас есть дочь?

— Да, мэм.

— Сколько ей лет?

— Семь.

Кристиан нетерпеливо смотрит на меня.

— Она живет у матери, — поясняет Тейлор.

— О-о, понятно.

Тейлор улыбается. Для меня это неожиданность. Тейлор — отец? Я следую за Кристианом в большой зал, впечатленная этой информацией.

Оглядываюсь по сторонам. Я не была здесь с того горького момента.

— Ты голодна?

Я качаю головой, мол, нет. Кристиан пристально глядит на меня, но решает не спорить.

— Мне нужно сделать несколько звонков. Располагайся как дома.

— Ладно.

Кристиан скрывается за дверью своего кабинета, оставив меня одну. Я стою посреди обширной картинной галереи, которую он именует домом, и прикидываю, чем мне заняться.

Одежда! Схватив рюкзак, я взбираюсь по лестнице в свою спальню и заглядываю в большой шкаф-купе. В нем по-прежнему много нарядов — все новые, с ценниками. Три длинных вечерних платья, три коктейльных платья и еще три повседневных. Все они, должно быть, тянут на запредельную сумму.

Я смотрю на ярлычок одного из вечерних платьев: 2998 долларов. Вот это да! У меня подкашиваются ноги, и я сажусь на пол.

Нет, я не узнаю себя. Обхватив голову руками, я пытаюсь осмыслить последние несколько часов. Как я устала! Зачем, ну зачем я встретила этого сумасшедшего — красивого как бог, сексуального как дьявол, богатого, как Крез, и вдобавок ко всему сумасшедшего?

Я выуживаю из рюкзака «блэкберри» и звоню маме.

— Ана, девочка моя! Давно ты не звонила. Как ты там, милая?

— Ой, понимаешь...

— Что такое? Ты так и не помирилась с Кристианом?

— Мам, все так сложно. По-моему, он ненормальный. Вот в чем проблема.

— Расскажи мне об этом. Мужчины... их иногда не поймешь. Вот и Боб — сомневается, хорошо ли, что мы переехали в Джорджию.

— Что?

— Да, он уговаривает меня вернуться в Вегас.

Да, у всех проблемы. Я не одна такая.

В дверях показался Кристиан.

— Вот ты где! А я уж решил, что ты сбежала, — говорит он с явным облегчением.

Я выставляю перед собой ладонь, показывая, что я разговариваю по телефону.

— Извини, мама, мне надо идти. Я перезвоню тебе попозже.

— Хорошо, милая, будь там осторожна. Целую тебя!

— Я тоже тебя целую, мам.

Я выключаю смартфон и гляжу на Кристиана. Он хмурит брови и держится до странного неловко.

— Почему ты здесь прячешься? — спрашивает он.

— Я не прячусь. Я пропадаю от отчаяния.

— Пропадаешь? Почему?

— Из-за всего этого, Кристиан. — Я машу рукой в сторону нарядов.

— Мне можно войти?

— Это твой шкаф.

Он опять хмурит брови и садится на пол, скрестив ноги.

— Это всего лишь тряпки. Если они тебе не нравятся, я отправлю их назад, в бутик.

— Ты слишком много на себя берешь, понятно?

Он чешет подбородок... свой заросший щетиной подбородок. Мои пальцы зудят — так мне хочется дотронуться до него.

— Знаю. Со мной тяжело, — бормочет он.

— Очень тяжело.

— С вами тоже, мисс Стил.

— Тогда зачем ты делаешь все это?

Он широко раскрывает глаза; в них возвращается опаска.

— Ты знаешь, почему.

— Нет, не знаю.

Он проводит ладонью по волосам.

— Да, с тобой сплошные проблемы.

— Заведи себе хорошенькую брюнетку-сабу. Таковую, чтобы спрашивала «Как высоко?» всякий раз, когда ты велишь ей подпрыгнуть. Разумеется, при условии, что ей будет позволено разговаривать. Так зачем я тебе, Кристиан? Просто не понимаю.

Он смотрит на меня долгим взглядом, и я совершенно не знаю, о чем он думает в этот момент.

— Анастейша, ты заставила меня по-иному взглянуть на мир. Тебя не интересуют мои деньги. Ты дала мне... надежду, — тихо говорит он.

Что-что? Опять он изъясняется загадками.

— Надежду на что?

Он пожимает плечами.

— На большее. — Его голос звучит тихо и спокойно. — И ты права. Я привык, что женщины делают точно то, что я приказываю, когда я им это приказываю. И это быстро надоедает. А в тебе, Анастейша, есть нечто такое, что затрагивает во мне какие-то глубинные струны, глубокий, непонятный мне уровень. Это как пение сирены. Я не могу противиться тебе и не хочу тебя терять. — Он берет меня за руку. — Не убегай, пожалуйста, — наберись терпения и немного поверь в меня. Прошу тебя!

Он выглядит таким беззащитным и ранимым... Меня это тревожит. Я опускаюсь на колени и нежно целую его в губы.

— Ладно. Вера и терпение. Я буду руководствоваться ими.

— Вот и хорошо. Потому что Франко уже здесь.

Франко маленький, смуглый и веселый. Мне он сразу нравится.

— Такие красивые волосы! — восхищается он с немыслимым, вероятно, фальшивым итальянским акцентом.

Я готова поспорить, что он родом откуда-нибудь из Балтимора или типа того, но его энтузиазм заразителен.

Кристиан ведет нас в свою ванную, тут же уходит и возвращается со стулом, взятым из комнаты.

— Я оставляю вас здесь, — бормочет он.

— Grazie, мистер Грей. — Франко поворачивается ко мне. — Вене, Анастейша, что мы будем делать?

Кристиан сидит на диване и возится с чем-то, похожим на электронные таблицы. Мягкая, мелодичная классическая музыка плывет по большому залу. Голос женщины страстно поет, вкладывая в песню всю душу. Просто дух захватывает. Кристиан поднимает глаза и улыбается, отвлекая меня от музыки.

— Гляди! Говорю же тебе, что он одобрит твою прическу, — бурлит Франко.

— Ты выглядишь прелестно, Ана, — говорит Кристиан.

— Моя работа сделана, — объявляет Франко.

Кристиан встает и направляется к нам.

— Спасибо, Франко.

Франко поворачивается, обнимает меня по-медвежьи и целует в обе щеки.

— Больше никому не позволяй стричь твои волосы, *bellissima* Ана!

Я смеюсь, смущенная его фамильярностью. Кристиан провожает его до лифта и тут же возвращается.

— Как хорошо, что ты оставила длинные волосы, — говорит он, подходя ко мне.

Его глаза сияют. Он трогает пальцами прядь.

— Такие мягкие волосы! — восхищается он. — Ты все еще злишься на меня, Ана?

Я киваю, а он улыбается.

— Что же именно тебя сердит?

Я закатываю глаза.

— Тебе перечислить весь список?

— Что, даже список?

— Да, длинный список.

— Может, мы обсудим его в постели?

— Нет. — Я по-детски надуваю губы.

— Тогда за ланчем. Я хочу есть и еще кое-чего... — Он подмигивает.

— Я не позволю сбить себя с толку. Хотя ты и не эксперт, а настоящий сексперт в постели.

Он прячет улыбку.

— Что сердит вас особенно сильно, мисс Стил? Выкладывайте начистоту.

Ладно, слушайте, мистер Грей...

— Что меня сердит? Ну, во-первых, твое грубое вторжение в мои личные дела, то, что ты привез меня в салон, где работает твоя бывшая любовница и где наводили красоту все твои брюнетки; на улице ты обращался со мной, словно с шестилетней девочкой, — и, что хуже всего, ты позволяешь твоей миссис Робинсон прикасаться к тебе! — Я перехожу на визг.

Он удивленно поднимает брови, а его благодушное настроение улетучивается.

— Правда, целый список. Но только я еще раз объясняю — она не моя миссис Робинсон.

— Она может прикасаться к тебе, — повторяю я.

Он выпячивает губы.

— Она знает, где можно.

— Как это понять?

Он проводит по волосам обеими руками и на миг закрывает глаза, словно ищет вдохновения свыше. Вздыхает.

— У нас с тобой нет никаких правил. Я никогда еще не занимался сексом без правил, и я никогда не знаю, где ты прикоснешься ко мне. От этого я нервничаю. Твое прикосновение совершенно... — Он замолкает, подыскивая слова. — Ну... просто оно означает больше... намного больше.

Больше?.. Его ответ оказался для меня совершенно неожиданным. Это короткое слово с важным значением снова повисло между нами.

Мое прикосновение означает... больше. Как прикажете мне устоять, когда он говорит такие вещи? Серые глаза ищут мои; я вижу в них настороженность и опаску.

Я нерешительно протягиваю к нему руку, и мое предчувствие переходит в тревогу. Кристиан пятится назад, и моя рука повисает в пустоте.

— Жесткий предел, — шепчет он. На его лице читаются боль и паника.

Я страшно разочарована и ничего не могу с собой поделать.

— Вот если бы ты не мог дотронуться до меня, что бы ты испытывал?

— Пустоту и обездоленность, — сразу отвечает он.

Ох ты мой лукавый! Поистине Пятьдесят Оттенков. Я качаю головой и слабо улыбаюсь ему. Он заметно успокаивается.

— Когда-нибудь ты непременно должен мне объяснить, почему у тебя существует такой жесткий предел, откуда он появился.

— Когда-нибудь, — бормочет он, но потом за долю секунды сбрасывает с себя боль и беззащитность.

Как быстро он умеет переключаться! Из всех людей, которых я знаю, у него быстрее всего меняется настроение.

— Итак, вернемся к твоему перечню обвинений. Я вторгаюсь в твою частную жизнь. — Он кривит губы, обдумывая ответ. — Это из-за того, что я знаю номер твоего банковского счета?

— Да, это возмутительно.

— Я проверяю всех своих сабмиссив. Я покажу тебе. — Он поворачивается и идет в свой кабинет.

Я покорно плетусь за ним, ошеломленная. Он отпирает картотечный шкаф и достает из него пластиковую папку. На этикетке напечатано: АНАСТЕЙША РОУЗ СТИЛ.

Ни фиги ж себе! Я сердито гляжу на него.

Он пожимает плечами, словно извиняясь.

— Вот, можешь забрать себе.

— Ну спасибо, — рычу я.

Потом просматриваю содержимое папки: копия моего свидетельства о рождении — господи, мой жесткий предел! — обязательство о неразглашении информации, контракт — боже! — мой номер социального страхования, резюме, записи по месту работы.

— Так ты знал, что я работаю в «Клэйтоне»?

— Да.

— Значит, это не было случайным совпадением. Ты не просто проезжал мимо?

— Нет.

Я не знаю, злиться мне или радоваться.

— Как все это мерзко. Ты хоть понимаешь?

— Не вижу ничего плохого. Я должен соблюдать осторожность.

— Но ведь это вторжение в частную жизнь.

— Я не злоупотребляю такой информацией. Анастейша, ее может добыть любой человек. Она нужна мне для контроля. Я всегда так поступаю и поступал.

Он настороженно глядит на меня. Теперь его бесстрастное лицо напоминает маску.

— Нет, злоупотребляешь. Ты положил на мой счет двадцать четыре тысячи долларов против моей воли.

Он поджимает губы.

— Я уже объяснял тебе. Эти деньги Тейлор выручил за твой автомобиль. Да, согласен, трудно в это поверить, но факт остается фактом.

— Но ведь «Ауди»...

— Анастейша, ты хоть приблизительно представляешь, сколько я зарабатываю?

Я густо краснею.

— Зачем это мне? Кристиан, меня не интересует состояние твоего банковского счета.

Его взгляд теплеет.

— Я знаю. Это одна из твоих черт, которые я люблю.

Я с испугом гляжу на него. Неужели он что-то любит во мне?

— Анастейша, я зарабатываю в час приблизительно сто тысяч долларов.

У меня отвисает челюсть — сама собой. Это же немислимые деньги!

— Двадцать четыре тысячи долларов для меня — так, тьфу... Машина, книги, наряды — все это мелочи. — Он словно уговаривает меня.

Я гляжу на него. Он действительно не понимает, чем я недовольна. Вот чудак!

— Как бы ты себя чувствовал на моем месте, если бы на тебя обрушились такие щедроты?

Он смотрит на меня с недоумением. Вот она, его проблема, — неспособность понять других. Мы погружаемся в молчание.

Наконец, он пожимает плечами и отвечает с искренним недоумением:

— Не знаю.

У меня сжимается сердце. Да, основная проблема Кристиана — неспособность сопереживать. Он не может поставить себя на мое место. Что ж, теперь я это вижу.

— Не очень приятное чувство. Да, ты великодушный и щедрый, но мне от этого некомфортно. Я несколько раз тебе об этом говорила.

Он вздыхает.

— Анастейша, я готов подарить тебе весь мир.

— Мне нужен только ты сам, Кристиан. Без всяких доплат и добавок.

— Они входят в сделку, как часть меня самого.

Нет, так мы ни о чем не договоримся.

— Мы будем когда-нибудь есть? — спрашиваю я. Напряжение, возникающее между нами, забирает у меня силы.

— Да, конечно, — хмурится он.

— Я что-нибудь приготовлю, ладно?

— Валяй. В холодильнике много продуктов.

— Миссис Джонс уходит на выходные? И ты питаешься в эти дни нарезкой?

— Нет.

— А как?

Он вздыхает.

— Мне готовят мои сабы.

— А, ну конечно. — Я краснею от досады. Разве можно быть такой дурой? И с любезной улыбкой спрашиваю: — Что сэр желает?

— Все, что мадам сумеет найти, — мрачно отвечает он.

Ознакомившись с содержимым холодильника (оно меня впечатлило, есть даже холодный отварной картофель), я останавливаюсь на испанском омлете. Готовится быстро и просто.

Кристиан все еще сидит в кабинете — несомненно, вторгается в частную жизнь какой-нибудь бедной, ничего не подозревающей дурочки и суммирует информацию. Неприятная мысль оставляет во рту горький привкус. Мои мысли лихорадочно мечутся. Он действительно не знает никаких границ.

Я всегда готовлю еду под музыку, и тем более мне она нужна сейчас, чтобы не ощущать себя сабой! Я иду к камину, где стоит док-станция, и беру айпод Кристиана. При этом готова поспорить, что в его плей-листе много мелодий, выбранных Лейлой. Меня жуть берет при одной лишь мысли об этом.

Интересно, где же она? И чего ей нужно?..

Я содрогаюсь при мысли о ней. Ну и наследство мне досталось!

Просматриваю обширное музыкальное меню. Хочется чего-нибудь бодрящего. Хм-м, Бейонсе, едва ли она во вкусе Кристиана. «Crazy in Love». О! Годится. Закольцовываю и прибавляю громкость.

Пританцовывая, возвращаюсь на кухню, беру миску, открываю холодильник и вынимаю яйца. Разбиваю их и принимаюсь взбивать, не прерывая танца.

Еще раз заглядываю в холодильник, достаю картошку, окорок и — о да! — горошек из морозилки. Отлично! Ставлю на плиту сковородку, лью немножко оливкового масла и снова взбиваю яйца.

Неспособность сопереживать, размышляю я, типична только для Кристиана? Может, все мужики такие, причем по вине женщин? Те сбивают их с толку? Я просто не знаю. Возможно, это знают все, кроме меня.

Жалко, что Кейт уехала; она бы мне точно все разъяснила. Она еще долго пробудет на Барбадосе и вернется только в конце недели. Из-за Элиота. Интересно, сохранилось ли у них и до сих пор то самое желание с первого взгляда?

«Одна из твоих черт, которые я люблю...»

Я замираю, забыв про омлет. Он так сказал. Значит ли это, что он любит и другие мои качества? Я улыбаюсь в первый раз после того, как увидела миссис Робинсон, — искренне, от души, от уха до уха.

Кристиан обнимает меня. От неожиданности я вздрагиваю.

— Интересный выбор музыки, — мурлычет он и целует в шею. — Как приятно пахнут твои волосы.

Он утыкается в них носом и глубоко вдыхает их запах.

Желание скручивает мой живот. Ну уж нет! Я вырываюсь из его рук.

— Я сержусь на тебя.

Он хмурится.

— Долго еще будешь злиться? — спрашивает он, запуская пятерню в свою шевелюру.

Я пожимаю плечами.

— По крайней мере, пока не поем.

На его губах появляется намек на улыбку. Он берет пульт и выключает музыку.

— Эта запись есть на твоём айпode? — спрашиваю я.

Он качает головой, его лицо мрачнеет, и я понимаю, что это была она — Девушка-призрак.

— Тебе не кажется, что она пыталась тебе что-то сказать?

— Что ж, возможно, если подумать, — спокойно соглашается он.

Что и требовалось доказать. Никакого дара сочувствия. Мое подсознание неодобрительно цокает языком.

— Почему ты не удалил эту песню?

— Мне она нравится. Но я удалю, если она как-то задевает твои чувства.

— Нет, все нормально. Я люблю готовить под музыку.

— Что еще тебе поставить?

— Сделай мне сюрприз.

Он направляется к док-станции, а я снова взбиваю омлет венчиком.

Вскоре зал наполняет божественно нежный и задушевный голос Нины Симоне. Это любимая песня Рэя «I Put a Spell on You».

Я вспыхиваю и, раскрыв рот, поворачиваюсь к Кристиану. Что он пытается мне сказать? Ведь он уже давно околдовал меня. О господи... его взгляд изменился, сделался острым, глаза потемнели.

Я замороженно смотрю, как он движется ко мне под медленный ритм музыки — плавно, словно хищник. Он босой, в джинсах и незаправленной белой рубашке. Красив как бог.

Нина поет «ты мой», и Кристиан протягивает ко мне руки; его намерения ясны.

— Кристиан, пожалуйста, — шепчу я, сжимая в руке венчик.

— Что?

— Не делай этого.

— Чего?

— Этого.

Он стоит передо мной и смотрит сверху вниз.

— Ты уверена? — тихо спрашивает он, отбирает у меня венчик и кладет в миску с яичной массой.

Мое сердце бешено стучит. Я не хочу — нет, хочу — я страшно хочу. Он такой ужасный — и такой желанный, такой горячий. Я с трудом отрываю взгляд от его колдовских глаз.

— Я хочу тебя, Анастейша, — мурлычет он. — Я люблю и ненавижу, и я люблю спорить с тобой. Все это совсем ново. Мне надо знать, что у нас все в порядке. Убедиться в этом я могу лишь одним способом.

— Мои чувства к тебе не изменились, — шепчу я.

Его близость завораживает, пьянит. Знакомое притяжение — все мои синапсы направляют меня к любимому мужчине, моя внутренняя богиня бушует. Я гляжу на треугольничек волос в распахнутом вороте рубашки и прикусываю губу, противясь своему желанию — попробовать их на вкус.

Он совсем близко, но не касается меня. Его тепло согревает мою кожу.

— Я не дотронусь до тебя, пока ты не скажешь «да», — тихо говорит он. — Но сейчас, после дрянного утра, мне хочется соединиться с тобой и забыть обо всем, кроме нас.

О господи! Нас... Магическая комбинация, маленькое, всемогущее местоимение, которое скрепляет союз. Я поднимаю голову и смотрю на его прекрасное и серьезное лицо.

— Я хочу дотронуться до твоего лица, — еле слышно говорю я и вижу мелькнувшее в его глазах удивление, потом согласие.

Подняв руку, я глажу его по щеке, пробегаю пальцами по щетине. Он закрывает глаза и тихо наклоняет голову навстречу моим прикосновениям.

Потом он медленно наклоняется ко мне, а я машинально тянусь к его губам...

— Да или нет, Анастейша? — бормочет он.

— Да.

Его губы нежно соединяются с моими и тут же яростно впиваются в них. Ладонь ползет по моей спине, пальцы погружаются в волосы на моем затылке, щекочут его. Другая ладонь обхватывает мои ягодицы, прижимает мои бедра к нему. У меня вырывается негромкий стон.

— Мистер Грей, — раздается голос Тейлора, и Кристиан немедленно отпускает меня.

— Тейлор, — говорит он ледяным тоном.

Я поворачиваюсь и вижу на пороге зала смущенного Тейлора. Кристиан и Тейлор смотрят друг на друга, разговаривая без слов.

— В кабинет, — отрывисто говорит Кристиан, и Тейлор быстро идет через зал.

— Сеанс откладывается, но билеты действительны, — шепчет мне Кристиан и выходит следом за Тейлором.

Я перевожу дыхание, пытаюсь успокоиться. Я одновременно и смущена, и благодарна Тейлору за вмешательство. Неужели я ни минуты не могу противостоять Кристиану? Недовольная собой, я качаю головой.

Интересно, что заставило Тейлора прервать наше уединение? И что он видел? Впрочем, мне не хочется об этом думать. Ланч. Я буду готовить ланч. Нарезаю картошку. Что нужно Тейлору? Мои мысли бешено скачут — может, что-то известно о Лейле?

Через десять минут они появляются. Омлет как раз готов. У Кристиана озабоченный вид.

— В десять я дам им инструкции, — говорит он Тейлору.

— Мы будем готовы, — отвечает Тейлор и выходит.

Я достаю две подогретые тарелки и ставлю на кухонный островок.

— Будешь?

— Да, пожалуйста. — Кристиан примостился на барный стул. Он внимательно смотрит на меня.

— Проблема?

— Нет.

Я хмурю брови. Он не хочет мне говорить. Я раскладываю омлет и сажусь рядом с Кристианом, смирившись с тем, что останусь в неведении.

— Вкусно, — хвалит Кристиан, попробовав кусочек. — Хочешь вина?

— Нет, благодарю.

Мне нужна ясная голова, когда я рядом с тобой, Грей...

Омлет удался, хоть я и не очень голодная. Но я ем, зная, что иначе Кристиан начнет ворчать. Потом Кристиан прерывает наше угрюмое молчание и включает классику, которую я уже слышала когда-то.

— Что это? — спрашиваю я.

— Жозеф Кантелуб, «Песни Оверни». Эта называется «Байлеро».

— Красивая вещица. На каком языке?

— Это старофранцузский, вернее, окситанский.

— Ты ведь говоришь по-французски. Ты понимаешь слова песни? — Мне вспомнился безупречный французский Кристиана на обеде у его родителей.

— Только отдельные слова. — Кристиан улыбается, заметно успокоившись. — У моей матери была мантра: «музыкальный инструмент, иностранный язык, боевое искусство». Элиот говорит по-испански; мы с Миа — по-французски. Элиот играет на гитаре, я — на

фортепиано, а Миа — на виолончели.

— Ого! А боевые искусства?

— Элиот владеет дзюдо. Миа в двенадцать лет взбунтовалась и не стала ходить на занятия. — Он улыбнулся при этом воспоминании.

— Жаль, что моя мать не занималась мной.

— Доктор Грейс превращается в беспощадное чудовище, когда речь идет о воспитании и обучении ее детей.

— Вероятно, она гордится тобой. Я бы гордилась на ее месте.

По лицу Кристиана пробежала тень, и он мгновенно помрачнел. Он настороженно поглядывает на меня, словно очутился на неизведанной территории.

— Ты уже решила, что наденешь сегодня вечером? Или мне поехать и выбрать что-нибудь для тебя? — внезапно резко говорит он.

Эге! Кажется, он сердится. Почему?.. Что я такого сказала?..

— Хм-м, еще нет. Ты выбирал все эти платья?

— Нет, Анастейша, не я. Просто я дал список нужных вещей и твой размер продавцу из «Нейман Маркус». Платья должны тебе подойти. И вот еще что: на этот вечер и на несколько следующих дней я нанял дополнительного секьюрити. По-моему, это разумная предосторожность, ведь где-то рядом бродит непредсказуемая Лейла. Я не хочу, чтобы ты выходила из дома без охраны. Договорились?

Я удивленно гляжу на него.

— Договорились. — Что произошло с напористым Греем?

— Хорошо. Я дам им инструкции. Это недолго.

— Они здесь?

— Да.

Где же?

Кристиан берет свою тарелку и кладет в раковину. Потом выходит. Что тут происходит, елки-палки? В его теле словно уживаются несколько разных людей. Не симптом ли это шизофрении? Надо посмотреть в Гугле.

Я очищаю свою тарелку, быстро мою и возвращаюсь в спальню, прихватив досье на Анастейшу Роуз Стил. Захожу в шкаф-купе и достаю три длинных вечерних платья. Ну и какое из них выбрать?

Я ложусь поперек кровати, гляжу на свои «мак», айпад и «блэкберри» и балдею от этих чудес технологии. Переписываю плей-лист Кристиана с айпада на «мак», затем выхожу в Гугл, чтобы пошарить по Сети.

Входит Кристиан.

— Чем занимаешься? — ласково интересуется он.

Я в легкой панике прикидываю, можно ли показать ему сайт, который я открыла, — «Диссоциативное расстройство идентичности: Симптомы».

Он ложится рядом и с насмешкой смотрит на сайт.

— Чего ты сюда залезла?

Ворчливый Кристиан исчез — вернулся веселый Кристиан. Как мне к этому приспособиться?

— Интересуюсь. Сложной личностью.

Я изо всех сил сохраняю невозмутимость.

Его губы кривятся в сдержанной усмешке.

— Сложной личностью?

— Это мой собственный излюбленный проект.

— А теперь твой проект распространяется на меня? В качестве побочной линии. Что-то вроде научного эксперимента. А я-то рассчитывал оказаться в центре внимания. Мисс Стил, вы меня обижаете.

— Почему ты решил, что это касается тебя?

— Случайная догадка.

— Верно, ты единственный чокнутый тип, постоянно меняющийся и помешанный на диктаторстве, с которым я знакома очень близко.

— Я-то думал, что я вообще единственный, с кем ты знакома очень близко.

Я краснею.

— Да. Верно.

— Ты уже пришла к каким-то выводам?

Я поворачиваюсь и гляжу на него. Он лежит на боку, положив голову на локоть; лицо ласковое и удивленное.

— По-моему, тебе нужна интенсивная терапия.

Он протягивает руку и, бережно взяв прядь моих волос, заправляет ее за ухо.

— А по-моему, мне нужна ты. Вот, бери. — Он вручает мне тюбик губной помады.

Я хмуро разглядываю помаду. Она пронзительно-красная, совсем не мой цвет.

— Ты хочешь, чтобы я так ярко красила губы?

Он смеется.

— Нет, Анастейша, не хочу. Я вовсе не уверен, что это твой цвет, — сухо добавляет он.

Он садится по-турецки и стягивает через голову рубашку. О господи...

— Мне нравится твоя идея дорожной карты, — сообщает он.

Я хлопаю ресницами, ничего не понимая. Какая еще дорожная карта?

— Запретные зоны, — поясняет он.

— Ой, я шутила!

— А я не шучу.

— Ты хочешь, чтобы я нарисовала их на тебе? Помадой?

— Она смывается. Со временем.

Это означает, что я смогу беспрепятственно дотрагиваться до него. Я даже заулыбалась от удивления.

— А если взять что-нибудь более стойкое, например, маркером?

— Могу сделать татуировку. — В его глазах светится юмор.

Кристиан Грей с татуировкой? Портить его прекрасное тело, когда на нем и так уже есть отметины? Нет уж!

— Только не тату! — Я смеюсь, чтобы спрятать свой ужас.

— Тогда помада, — усмехается он.

Закрываю «мак» и отодвигаю его в сторону. Пожалуй, это будет забавно.

— Иди сюда. — Он тянет ко мне руки. — Садись на меня.

Он лежит на спине, но ноги у него согнуты в коленях.

— Обопрись спиной о мои колени.

Я сбрасываю шлепанцы и сажусь на него верхом. Он смотрит на меня широко раскрытыми испуганными глазами. Но ему тоже интересно.

— По-моему, ты с энтузиазмом отнеслась к моему предложению, — ехидничает он.

— Я всегда отношусь положительно к новой информации, мистер Грей, а еще вы успокойтесь, потому что я буду точно знать, где проходят твердые границы допустимого.

Он качает головой, словно и сам пока не верит, что сейчас позволит мне разрисовать все свое тело.

— Открой помаду, — велит он.

Ох, теперь вместо веселого Кристиана я вижу перед собой босса. Но мне плевать.

— Дай руку.

Я протягиваю ему свободную руку.

— Нет, руку с помадой. — Он закатывает глаза.

— Ты от досады закатил глаза?

— Угу.

— Очень грубо, мистер Грей. Я знаю людей, которые впадают в бешенство, когда кто-то при них закатывает глаза.

— И ты тоже? — спрашивает он с иронией.

Я протягиваю ему руку с помадой. Внезапно он садится, и мы оказываемся нос к носу.

— Готова? — Его голос похож на нежное мурлыканье, и внутри меня все сладко сжимается. Ох!

— Да, — шепчу я.

Его близость волнует кровь, запах Кристиана смешивается с запахом моего лосьона. Он направляет мою руку к изгибу своего плеча.

— Нажимай, — на выдохе говорит он (у меня сразу становится сухо во рту) и ведет мою руку вниз, от плеча, вокруг подмышки и вниз по стороне грудной клетки.

Красная помада оставляет широкую и яркую полосу. Он останавливается внизу грудной клетки и направляет меня поперек живота. Он напрягается и смотрит, казалось бы, бесстрастно, в мои глаза, но за этой бесстрастностью я чувствую его напряженность.

Свое нежелание он держит под строгим контролем; я вижу, как он стиснул зубы и щурит глаза. На середине живота он бормочет:

— И сверху по другой стороне, — и после этого отпускает мою руку.

Я зеркально повторяю линию, которую провела по его левому боку. Он мне доверяет. Эта мысль наполняет меня ликованием, но радость умалется тем, что теперь я могу пересчитать его боль. На его груди я вижу семь маленьких шрамов, белых и круглых. Мучительно больно мне видеть это ужасное, злое надругательство над его прекрасным телом. Какой негодяй мог причинить такую боль ребенку?

— Все, готово, — шепчу я, сдерживая мои эмоции.

— Нет, еще здесь, — отвечает он и своим длинным указательным пальцем проводит линию у основания шеи.

Следом за ним я провожу там красную черту. Закончив, заглядываю в серую глубину его глаз.

— Теперь спину. — Он шевелится, я слезаю с него, и он поворачивается спиной ко мне. — Проведи линию поперек спины, — говорит он тихо и хрипло.

Я делаю, как велено, и красная линия пересекает его спину. Одновременно я считаю его шрамы на спине. Их девять.

Какой ужас! Невероятными усилиями я перебарываю желание поцеловать каждый шрамик и сдерживаю слезы, льющиеся из моих глаз. Кто способен на такое издевательство над маленьким ребенком, какой мерзавец? Голова Кристиана опущена, мышцы напряжены, когда я замыкаю круг на его теле.

— Вокруг шеи тоже? — шепчу я.

Он кивает, и я продолжаю линию шеи, чуть ниже границы волос.

— Готово, — сообщаю я.

Он выглядит так, словно надел странную жилетку телесного цвета с ярко-красной отделкой.

Кристиан расслабляет плечи и медленно поворачивается лицом ко мне.

— Таковы границы, — спокойно сообщает он. Его глаза потемнели, зрачки расширились. От страха? От желания? Мне хочется прижаться к нему, но я сдерживаюсь и с удивлением смотрю на него.

— Они меня устраивают. Но прямо сейчас я хочу наброситься на тебя.

Он лукаво ухмыляется и протягивает ко мне руки — в знак согласия.

— Ну, мисс Стил, я весь в вашем распоряжении.

Я восторженно визжу, как ребенок, бросаюсь в его объятия, опрокидываю. Он барахтается, хохочет, испытывая облегчение, что весь напярк позади. В итоге я оказываюсь под ним.

— Итак, билеты на отложенный сеанс действительны, — шепчет он и жадно впивается в мои губы.

Я запустила пальцы в шевелюру Кристиана, мои губы страстно целуют его губы, наслаждаются их жаром, мой язык блаженствует, прижимаясь к его языку. Он испытывает то же самое от близости со мной. И это счастье.

Внезапно он сажает меня, стаскивает с меня футболку и швыряет на пол.

— Я хочу чувствовать тебя, — говорит он возле моих губ, а в это время его руки расстегивают мой бюстгальтер. Одно мгновение — и я уже голая до пояса.

Он толкает меня на кровать, вдавливая в матрас; его губы и рука тянутся к моей груди. Мои пальцы крепко хватают его за волосы, когда он берет губами мой сосок и тянет за него.

Яркая молния пронзает мое тело и напрягает все мышцы внизу живота. Я кричу.

— Да, малышка, я хочу слышать твой голос, — говорит он, касаясь губами моей разгоряченной кожи.

Ох, как я хочу, чтобы ты вошел в меня! А он все теребит губами мой сосок, сосет, дергает, заставляя меня извиваться, изгибаться, звать его к себе. Я чувствую, что его страсть ко мне смешана — с чем? С поклонением. Мне кажется, он поклоняется мне.

Он дразнит меня пальцами; мой сосок твердеет и вытягивается от его умелых прикосновений. Его рука ловко расстегивает пуговицу на моих джинсах, потом молнию и залезает в мои трусики. И вот его пальцы уже ласкают мой клитор.

Его дыхание делается хриплым и неровным, когда его палец скользит внутрь меня. Я поднимаю бедра, толкаюсь в его ладонь. Он отвечает ласковым поглаживанием.

— О, малышка, — стонет он, с удивлением глядя мне в глаза. — Ты так промокла.

— Потому что я хочу тебя.

Его губы вновь сливаются с моими, и я ощущаю его жажду, его отчаянную потребность во мне.

Это для меня новость: так еще никогда не было, кроме того случая, когда я вернулась из Джорджии. «Мне надо знать, что у нас все в порядке. Убедиться в этом я могу лишь одним способом».

Мысль меня греет. Как приятно сознавать, что я так важна для него, что могу дать ему утешение... Он садится, стаскивает с меня джинсы, а потом и трусики.

Не отрывая от меня глаз, он встает, вынимает из кармана блестящий конвертик и бросает его мне, затем быстро сбрасывает джинсы и боксерские трусы.

Я с готовностью разрываю упаковку и, когда он ложится рядом, медленно надеваю резинку. Он хватается за руки и перекачивается на спину.

— Ты. Сверху, — приказывает он. — Я хочу тебя видеть.

Да!

Он сажает меня верхом, и я нерешительно подчиняюсь его рукам. Он закрывает глаза и приподнимает бедра мне навстречу, наполняет меня, растягивает. Когда он делает протяжный выдох, его рот образует круглое О.

Как приятно — обладать им, отдаваться ему.

Он держит меня за руки, и я не понимаю, то ли чтобы поддержать, то ли чтобы не позволить дотрагиваться до него, несмотря на «дорожную карту».

— С тобой так приятно, — мурлычет он.

Я опять приподнимаюсь, опьяненная властью над ним, и гляжу, как Кристиан Грей

медленно выходит из меня. Он отпускает мои руки и берется за бедра, а я хватаюсь за его предплечья. Тут он резко входит в меня, вынуждая меня закричать.

— Вот так, малышка, почувствуй меня, — произносит он напряженным голосом.

Я запрокидываю голову и направляю все свое внимание на его ритмичные движения. Как хорошо они ему удаются!

Я двигаюсь — в идеальной симметрии противодействуя его ритму, — и все мои мысли и резоны куда-то улечучиваются. Я вся — ощущение, растворенное в океане удовольствия. Вверх и вниз... еще и еще... О да! Открываю глаза и, прерывисто дыша, смотрю на него сверху вниз. Он тоже глядит на меня горящими глазами.

— Моя Ана, — шепчет он.

— Да, — задыхаясь, вторю я. — Навсегда.

Он громко стонет, закрывает глаза и запрокидывает голову. При виде пришедшего к финишу Кристиана я тоже поспеваю за ним — громко, бурно, долго, а потом без сил падаю на него.

— Ох, малышка, — стонет он и разжимает руки.

Моя голова покоится на его груди (на запретной территории), курчавые волосы щекочут мне щеку. Я вся горю, никак не могу отдышаться и с трудом перебарываю желание вытянуть губы и поцеловать его кожу. Он гладит мои волосы, потом его рука скользит по моей спине, ласкает ее. Между тем его дыхание восстанавливается.

— Ты очень красивая.

Я поднимаю голову и гляжу на него. С недоверием. Он тут же хмурит брови и быстро садится. От неожиданности я чуть не падаю, лишившись опоры. Он поддерживает меня своей сильной рукой. И вот мы уже оказываемся нос к носу.

— Ты. Очень. Красивая, — повторяет он назидательным тоном.

— А ты иногда бываешь удивительно милым. — Я ласково целую его.

Тут он выходит из меня. Я недовольно морщусь — жалко расставаться. Он успокаивает меня нежным поцелуем.

— Ты ведь даже не сознаешь своей привлекательности, верно?

Я краснею. Зачем он говорит об этом?

— Все те парни, которые ухаживают за тобой, — разве не убеждают тебя в этом?

— Парни? Какие парни?

— Тебе перечислить список? — хмурится Кристиан. — К примеру, фотограф. Он без ума от тебя. Еще тот парень с твоей прежней работы в магазине. Еще старший брат твоей подруги. Да и твой босс, — с горечью добавляет он.

— Ой, Кристиан, это не так.

— Поверь мне. Они хотят тебя. Они хотят получить то, что принадлежит мне.

Он привлекает меня к себе. Я кладу руки ему на плечи, запускаю пальцы в его шевелюру и удивленно заглядываю в глаза.

— Ты моя, — повторяет он, сверкнув глазами.

— Да, твоя, — с улыбкой заверяю его я.

Он убрал колючки, а я блаженствую, сидя на его коленях, голая, в ярких лучах субботнего солнца. Кто бы мог подумать? На его великолепном торсе виднеются следы красной помады.

Кое-где я вижу их и на простыне. Интересно, что подумает миссис Джонс...

— Граница на замке, — шучу я и смело провожу указательным пальцем по красной линии, нарисованной на его плече. Он напрягается и почему-то часто моргает. — Я хочу заняться исследованием.

Он с сомнением качает головой.

— Квартиры?

— Нет, я имела в виду карту спрятанных сокровищ, которую мы нарисовали на тебе. — Мои пальцы зудят — так мне хочется дотронуться до Кристиана.

Его брови удивленно взлетают кверху. В глазах нерешительность. Я трусь носом об его плечо.

— Что конкретно это означает, мисс Стил?

Я провожу кончиками пальцев по его лицу.

— Просто я хочу касаться тебя всюду, где мне дозволено.

Кристиан ловит мой указательный палец зубами и легонько кусает.

— Ой, — протестую я, а он издает басовитый рык.

— Ладно. — Он отпускает мой палец, но в его голосе слышится беспокойство. — Подожди. — Он стаскивает резинку и бесцеремонно бросает на пол возле кровати.

— Мне не нравятся такие вещи. Пожалуй, я позову доктора Грин, чтобы она сделала тебе укол.

— Ты думаешь, что главный гинеколог Сиэтла сразу сюда примчится?

— Я умею убеждать, — бормочет он и заправляет мою прядь за ухо. — Франко замечательно потрудился над твоими волосами. Мне нравится твоя прическа.

Что-что?

— Перестань мне зубы заговаривать.

Он опять сажает меня верхом на себя. Я сижу, откинувшись спиной на его согнутые колени; мои ступни лежат по сторонам его бедер. Он опирается на локти.

— Валяй, трогай, — говорит он без всякого юмора, явно нервничая, но скрывая это.

Не отрывая глаз от Кристиана, я веду пальцем чуть ниже красной линии по великолепным мышцам живота. Он морщится, и я останавливаюсь.

— Что, не надо? — шепчу я.

— Нет, все нормально. Просто здесь мне требуется... определенная перенастройка. Ко мне давным-давно никто не прикасался.

— А миссис Робинсон? — неожиданно срывается с моих губ вопрос. Но, удивительно, мне удается убрать из голоса всю горечь и затаенную ненависть.

Он кивает с явным дискомфортом.

— Не хочу говорить о ней. Иначе у тебя испортится настроение.

— Ничего, я справлюсь.

— Нет, Ана. Ты вся багровеешь при одном лишь упоминании о ней. Мое прошлое — это мое прошлое. Это факт. Я не могу ничего переменить. Я счастлив, что у тебя его нет, иначе оно довело бы меня до безумия.

Я хмуро гляжу на него, но не хочу конфликта.

— До безумия? Больше, чем сейчас? — Я улыбаюсь, надеясь этим разрядить атмосферу.

Уголки его губ дергаются.

— Я без ума от тебя, — шепчет он.

Мое сердце наполняется радостью.

— Позвонить доктору Флинну?

— Я не вижу в этом необходимости, — сухо отвечает он.

Он выпрямляет ноги. Я опять дотрагиваюсь пальцами до его живота и глажу его кожу. Он опять затихает.

— Мне нравится тебя трогать. — Мои пальцы скользят вниз к его пупку, потом еще ниже и ниже. Его дыхание учащается, глаза темнеют, а его плоть шевелится подо мной и оживает. Ого! Второй раунд.

— Опять? — бормочу я.

Он улыбается.

— Да, мисс Стил, опять.

Какое восхитительное занятие для субботнего дня! Я стою под душем, рассеянно моюсь, стараясь не намочить роскошную прическу, и обдумываю последние пару часов. Кажется, Кристиан и ванильная любовь не конфликтуют друг с другом.

Сегодня он поведал мне о многом. Теперь я пытаюсь переварить всю информацию: о его бизнесе — эге, он страшно богатый, хотя и очень молодой, потрясающе!.. — о тех досье, которые он собрал на меня и на всех его покорных брюнеток. Интересно, значит, все они хранятся в той картотеке?

Мое подсознание надувает губы и качает головой: «Не вздумай пойти туда». Я хмуро возражаю: «А если лишь одним глазком?..»

Да еще эта самая Лейла с пушкой, возможно, и где-то рядом. Проклятье, как она хорошо разбирается в музыке, ведь выбранные ею вещи до сих пор остаются на айпode у Кристиана. Но хуже Лейлы чертова педофилка миссис Робинсон; я не могу понять ее и не хочу. Еще я не хочу, чтобы она маячила в наших отношениях как фея в золотистом ореоле. Кристиан прав, при мысли о ней я начинаю терять здравый смысл, так что лучше выбросить ее из головы.

Я выхожу из-под душа, вытираюсь, и тут меня внезапно настигает приступ злости.

Но кто остался бы равнодушным на моем месте? Какая нормальная, здоровая женщина могла бы сотворить такое с пятнадцатилетним мальчишкой? Насколько она усилила его нездоровые склонности? Я ее не понимаю. Но, хуже того, ведь он утверждает, что она помогала ему. Как?

Я вспоминаю его шрамы, ужасные физические следы жуткого детства и пугающие напоминания о том, какие шрамы остаются в его душе. У моего милого, печального Грея. Сегодня он говорил мне такие чудесные слова. Что он без ума от меня...

Глядя на свое отражение, я вспоминаю его слова и улыбаюсь. Мое сердце полно до краев счастьем, а губы расплываются в глупой улыбке. Может, у нас что-то и получится. Но долго ли он выдержит такие отношения? Ведь, возможно, он рано или поздно захочет наказать меня за то, что я выйду за какую-нибудь установленную им черту?

Моя улыбка увяла. Вот этого я как раз и не знаю. Это тень, висящая над нами. Трахаться с извращениями, да, я могу. А дальше что?

Мое подсознание тупо уставилось на меня и не находит никаких умных слов. Я возвращаюсь в спальню, чтобы одеться к выходу.

Кристиан одевается внизу и что-то там делает, сейчас я одна в спальне. Кроме платьев, в шкафу еще много нового нижнего белья. Я выбираю черный корсет-бюстье стоимостью 540 долларов (она указана на этикетке) с серебряной отделкой и очень короткие трусики. Еще чулки телесного цвета, тончайшие, нежные, чистый шелк. Ах, какие приятные на теле и как возбуждают...

Я протягиваю руку к платьям, когда в дверях появляется Кристиан. Ну хоть бы постучался! Он застывает на месте, смотрит на меня; в глазах появляется голодный блеск. Я густо краснею. На нем белая рубашка и черные брюки; ворот рубашки распахнут. Там виднеется линия от помады.

— Вам нужна моя помощь, мистер Грей? Вероятно, вы явились сюда с какой-то целью, а не для того, чтобы бессмысленно стоять, разинув рот.

— Мисс Стил, мне нравится стоять, бессмысленно разинув рот, — сумрачно огрызается он и проходит в комнату, по-прежнему не отрывая от меня глаз. — Напомните мне, чтобы я послал карточку с благодарностью Кэролайн Эктон.

Я хмурюсь. Это еще кто?

— Персональный продавец в «Нейман», — говорит он, предугадав мой невысказанный вопрос.

— А-а.

— Я рассеянный.

— Знаю. Что ты хочешь, Кристиан? — Я строго смотрю на него.

Он хитро ухмыляется и вытаскивает из кармана серебряные шарики. От неожиданности я немею. Черт побери! Он хочет меня отшлепать? Сейчас? Почему?

— Это не то, что ты думаешь, — быстро предупреждает он.

— Тогда объясни, — одними губами прошу я.

— Я подумал, что ты могла бы носить их сегодня вечером.

Смысл этой фразы доходит до меня очень медленно.

— На приеме? — с ужасом спрашиваю я.

Он кивает, его глаза темнеют.

О господи!

— И после этого ты меня отшлепаешь?

— Нет.

На миг я чувствую разочарование.

Он смеется.

— А ты что, этого хочешь?

Я судорожно сглатываю, не зная, что и ответить.

— Уверяю тебя, что я больше не собираюсь прикасаться к тебе таким образом, даже если ты станешь умолять меня об этом.

Ого! Это новость.

— Хочешь поиграть в эту игру? — продолжает он, держа на ладони шарики. — Ты всегда можешь их вытащить, если тебе надоест.

Я гляжу на него. Он выглядит этаким коварным искусителем — взъерошенные волосы, в темных глазах — эротические мысли, губы раздвинуты в сексуальной усмешке.

— Давай, — тихо соглашаюсь я. Да, да! Моя внутренняя богиня обрела свой голос и кричит во всю мощь.

— Молодец, хорошая девочка, — усмехается Кристиан. — Пойдем, я их вставлю, когда ты наденешь туфли.

— Туфли?

Я поворачиваюсь и смотрю на замшевые шпильки — серые, в тон платью, которое я выбрала.

Какой шутник!..

Протянув руку, он поддерживает меня, пока я надеваю шпильки от Кристиана Лубутена. Мельком вижу их цену — 3295 долларов. Теперь я стала выше на пять дюймов, не меньше.

Он ведет меня к кровати, но не садится, а идет к единственному стулу в комнате. Хватает его и ставит передо мной.

— Когда я кивну, ты наклоняешься и держишься за стул. Поняла? — хрипло спрашивает он.

— Да.

— Хорошо. Теперь открой рот, — негромко приказывает он.

Я делаю, как он сказал, ожидая, что сейчас он положит шарики мне в рот. Нет, он кладет в него свой указательный палец.

Ого!

— Соси, — велит он.

Я беру его руку и делаю, как велено («вот видишь, я могу быть послушной, когда хочу»).

Палец пахнет мылом. М-м-м... Я сосу изо всех сил. Его глаза вылезают из орбит, а изо рта вырываются прерывистые выдохи. Сейчас мне и смазка не требуется. Он берет шарики в рот, а я ласкаю его палец, щекочу его языком. Когда он пытается вытащить палец, я сжимаю его зубами.

Он усмехается и качает головой, мол, так нельзя, и я отпускаю его палец. Он кивает, я нагибаюсь и хватаюсь за края стула. Он сдвигает в сторону мои трусы и очень медленно вставляет в меня палец, медленно крутит его там, так что я ощущаю его всеми стенками. Из меня вырывается непроизвольный стон.

Он вынимает палец и осторожно вставляет шарики, один за другим, заталкивая их глубоко внутрь меня. Потом поправляет трусики и целует мне попку. Проведя ладонью по моим ногам от щиколотки до бедер, ласково целует верх каждого бедра, там, где заканчиваются чулки.

— У вас классные ноги, мисс Стил.

Встав сзади, он хватается за бедра и прижимает к себе, так что я ощущаю его эрегированный член.

— Пожалуй, я возьму тебя в такой позе, когда мы вернемся домой. Теперь можешь выпрямиться.

Тяжелые шарики наполняют меня и тянут, у меня кружится голова. Не разжимая рук, Кристиан целует меня в плечо.

— Я купил вот эту штуку тебе в прошлую субботу, чтобы ты ее надела. — Он протягивает ко мне кулак и разжимает. На ладони лежит маленькая красная коробочка. На крышке написано «Картье». — Но ты сбежала, и у меня не было возможности передать это тебе.

Ой!

— Это мой второй шанс, — бормочет он. Его голос дрожит от какого-то неназванного чувства. Он явно нервничает.

Я нерешительно беру коробочку и открываю. В ней ярко сияют серьги. В каждой по четыре бриллиантика, один — внизу, а три — немного выше по вертикали. Красивые, классические и простые. Такие я бы выбрала и сама, будь у меня возможность покупать у Картье.

— Они очень милые, — шепчу я, они мне нравятся, поскольку как-то связаны со вторым шансом. — Спасибо.

Спиной я чувствую, что напряжение покидает Кристиана. Он еще раз целует меня в плечо.

— Ты выбрала это серебристое платье? — спрашивает он.

— Да. Правильно?

— Конечно. Что ж, не буду тебе мешать. — Не оглядываясь, он выходит из спальни.

Я вошла в параллельный мир. Молодая женщина, глядящая на меня из зеркала, достойна красной дорожки. Ее серебристое платье до пола и без бретелек изумительно. Может, я и сама напишу слова благодарности Кэролайн Эктон. Платье не только идеально сидит, но и выгодно подчеркивает те немногие линии, которыми я могу похвастаться.

Волосы мягкими волнами обрамляют лицо, льются на плечи и падают на грудь. С одной стороны головы я заправила пряди за ухо, открыв взору окружающих серьги. Косметику свела до минимума, чтобы сохранить естественный вид. Теперь на очереди — карандаш для глаз, тушь для ресниц, немножко розовых румян и бледно-розовая помада.

По сути, румяна мне не нужны. Я и так слегка порозовела от постоянного шевеления серебряных шариков. Да, сегодня вечером они послужат гарантией румянца на моих щеках. Тряхнув головой от дерзости эротических идей Кристиана, я наклоняюсь, беру в руки атласную накидку и серебристую сумочку. Потом иду разыскивать своего любимого мужчину.

Он в коридоре. Стоит ко мне спиной и разговаривает с Тейлором и еще тремя мужчинами. Их удивленные и вежливые улыбки говорят Кристиану о моем появлении. Он поворачивается ко мне. Я неловко переминаюсь.

Мои губы пересохли. Он выглядит потрясающе: черный смокинг, черный галстук-бабочка... С минуту Кристиан смотрит на меня с благоговением. Потом подходит ко мне и целует.

— Анастейша, ты выглядишь умопомрачительно. — Я краснею от такого комплимента, прозвучавшего при Тейлоре и других мужчинах.

— Хочешь бокал шампанского перед отъездом?

— Да, пожалуйста, — бормочу я слишком быстро.

Кристиан кивает Тейлору, и тот идет в вестибюль вместе с тремя спутниками.

В большом зале Кристиан достает из холодильника бутылку шампанского.

— Это охрана? — спрашиваю я.

— Да, для персональной защиты. Они под контролем у Тейлора. Он тоже понимает в таких вещах. — Кристиан протягивает мне узкий бокал с шампанским.

— Он прямо универсал.

— Да, так и есть. — Кристиан улыбается. — Ты очень хорошо выглядишь, Анастейша. Ну, за нас. — Он поднимает бокал и чокается со мной. У шампанского бледно-розовый цвет и удивительно приятный вкус, легкий и свежий.

— Как ты себя чувствуешь? — интересуется Кристиан, глядя на меня горящими глазами.

— Спасибо, нормально. — Я мило улыбаюсь, не более того, хотя прекрасно понимаю, что его интересуют серебряные шарики.

Он ухмыляется.

— Возьми, тебе это понадобится. — Он берет с кухонного островка большой бархатный

мешочек и протягивает мне.

— Открой его, — говорит он между глотками шампанского. Заинтригованная, я запускаю руку в мешочек и вытаскиваю хитроумную маскарадную маску серебряного цвета с синими перьями.

— Это ведь маскарад, — сообщает он само собой разумеющимся тоном.

— Понятно. — Маска великолепная. По краям продета серебряная ленточка.

— Маска не скроет твои красивые глаза, Анастейша.

Я робко улыбаюсь ему.

— А ты наденешь маску?

— Конечно. В маске чувствуешь себя свободнее, — добавляет он, подняв бровь.

Ну-ну. Кажется, будет забавно...

— Пошли. Я хочу тебе кое-что показать.

Он берет меня за руку и ведет по коридору к двери возле лестницы. Открывает ее. За ней большая комната приблизительно такой же величины, что и игровая комната (вероятно, она прямо над нами). Здесь полно книг — от пола до потолка, на всех стенах. Вау, библиотека! В середине комнаты большой бильярдный стол, освещенный длинным призматическим светильником в технике «тиффани».

— У тебя библиотека! — восторженно пискнула я.

— Да, Элиот называет ее «комнатой шариков». Как видишь сама, апартаменты у меня вместительные. Сегодня, когда ты сказала про исследование, я сообразил, что еще не показал тебе всю квартиру. Сейчас некогда, но я решил привести тебя в эту комнату. Может, в недалеком будущем мы сыграем с тобой в бильярд, если ты умеешь.

Я усмехаюсь.

— Сыграем. — В глубине души я злорадствую. Мы с Хосе три года резались в бильярд. Хосе оказался хорошим учителем, и я мастерски играю в пул.

— Что? — заинтересованно спрашивает Кристиан.

Ой! Надо контролировать мимику! Все мои эмоции сразу отражаются на лице.

— Нет, ничего.

Кристиан прищуривается.

— Что ж, может, доктор Флинн раскроет твои секреты. Ты встретишься с ним сегодня вечером.

— С этим дорогостоящим шарлатаном?

— С ним самым. Он умирает от желания побеседовать с тобой.

Кристиан держит мою руку и ласково водит пальцем по моей ладони. Мы мчимся на север в «Ауди». Я ерзаю, сладкая истома наполняет мой живот. С трудом удерживаюсь, чтобы не застонать, ведь за рулем сидит Тейлор без своего айпода, а рядом с ним один из нанятых секьюрити. Кажется, по фамилии Сойер.

Приглушенная, приятная боль вызвана серебряными шариками. Я праздно гадаю, долго ли я смогу ее выдерживать без, хм, облегчения? Я кладу ногу на ногу. Внезапно всплывает на поверхность то, что смутно беспокоило меня уже некоторое время.

— Где ты взял помаду? — спокойно спрашиваю я.

Кристиан ухмыляется и тычет пальцем в кресло водителя.

— У Тейлора, — произносит он одними губами.

— А-а, — смеюсь я и тут же замолкаю — из-за шариков.

Я прикусываю губу. Кристиан улыбается, коварно поблескивая глазами. Этот развратник

знает, что делает.

— Расслабься, — чуть слышно говорит он. — А если тебе невмоготу... — Он замолкает, ласково целует поочередно мои пальцы и тихонько сосет мизинец.

Теперь я понимаю, что он делает это нарочно. Я закрываю глаза. Темная волна желания бушует в моем теле, сжимает мои мышцы. Я ненадолго попадаю в ее власть.

Когда я снова открываю глаза, Кристиан, этот принц, князь тьмы, пристально смотрит на меня. Вероятно, все дело в смокинге и бабочке, но сейчас он выглядит старше, умудренным и потрясающе красивым. Классический повеса. У меня просто дух захватывает. Я подпала под его сексуальные чары, а он, если верить его словам, — под мои. Мысль вызывает у меня улыбку. Его ответная усмешка ослепительна.

— Так что же нас ждет на этом приеме?

— А, обычная чепуха, — беззаботно отвечает Кристиан.

— Для меня не совсем обычная, — напоминаю я.

Он нежно улыбается и опять целует мои пальцы.

— Куча народу будет хвастаться своим богатством. Аукцион, лотерея, обед, танцы — моя мать умеет устраивать приемы.

Он улыбается, и я впервые за весь день позволяю себе ощутить легкий восторг от предвкушения.

К особняку семьи Грей движется цепочка дорогих авто. Подъездная дорога украшена длинными бледно-розовыми бумажными фонарями. Когда мы приближаемся к дому, я вижу, что фонарики повсюду. На закате дня они кажутся волшебными, словно мы въезжаем в зачарованный замок. Я гляжу на Кристиана. Как все это подходит моему принцу — и мой детский восторг расцветает, заглушая все другие чувства.

— Надеваем маски, — усмехается Кристиан.

В простой черной маске мой принц становится еще более темным и чувственным. Теперь я вижу лишь его красивые губы и крепкую челюсть. От восторга у меня едва не останавливается сердце.

Я натягиваю маску и игнорирую бушующий в теле пожар.

Тейлор подъезжает к дому. Слуга открывает дверцу перед Кристианом. Соьер выскакивает из машины, чтобы открыть передо мной дверцу.

— Готова? — спрашивает Кристиан.

— Как всегда.

— Ты выглядишь замечательно, Анастейша. — Он целует мою руку и выходит.

Темно-зеленая дорожка проходит вдоль фасада по газону и ведет к просторному лугу за домом. Кристиан обнял меня за талию, и мы идем по зеленой дорожке в потоке сиэтловской элиты, одетой в изысканные наряды и разнообразные маски. Два фотографа щелкают гостей на фоне увитой плющом беседки.

— Мистер Грей! — зовет один из них.

Кристиан кивает и тащит меня. Мы быстро позируем для снимка. Как они узнали, что это он? Несомненно, по буйной рыжеватой шевелюре.

— Почему два фотографа? — спрашиваю я.

— Один из «Сиэтл таймс», другой для снимков на память. Потом мы купим фото.

Ой, опять в прессе появится мой снимок. На память внезапно приходит Лейла. Вот как

она меня вычислила. Мысль тревожная, но успокаиваюсь тем, что маска скрывает мое лицо.

В конце дорожки слуги в белом держат подносы с бокалами, наполненными шампанским. Я с облегчением беру из рук Кристиана бокал — чтобы поскорее отвлечься от мрачных мыслей.

Мы приближаемся к просторной белой беседке, увешанной более мелкими бумажными фонариками. Под ними сияют черно-белые клетки танцпола, окруженного низкой оградой с тремя входами. По обе стороны от каждого входа установлены два ледяных лебедя. Четвертую сторону павильона занимает сцена: струнный квартет играет какую-то нежную, знакомую и легкую мелодию. Сцена рассчитана на большой состав музыкантов, но пока никого не видно. Вероятно, они появятся позже. Держа меня за руку, Кристиан ведет меня мимо лебедей на танцпол, где собираются остальные гости. Они держат бокалы и оживленно переговариваются.

Ближе к морскому берегу установлен гигантский шатер. Под ним я вижу аккуратные ряды столов и стульев. Их так много!

— Сколько гостей приезжает на прием? — спрашиваю я у Кристиана, впечатленная размерами шатра.

— По-моему, около трехсот. Это знает моя мать, — с улыбкой отвечает он.

— Кристиан!

Из толпы возникает молодая девушка и бросается к нему на шею. Я сразу ее узнаю — Миа. Она одета в облегающее шифоновое платье бледно-розового цвета. Под цвет платья — изысканная венецианская маска с тончайшим узором. На какой-то момент я кажусь себе Золушкой рядом с ней.

— Ана! Ах, дорогая, ты выглядишь великолепно! — Она обнимает меня и тут же разжимает руки. — Ты непременно должна познакомиться с моими подружками. Никто из них не верит, что Кристиан наконец-то нашел себе избранницу.

Я бросаю быстрый панический взгляд на Кристиана, а он лишь смиренно пожимает плечами, мол, «что поделаешь, она такая, и мне пришлось прожить рядом с ней много лет», и позволяет Миа привести меня к группе из четырех молодых женщин в дорогих платьях и с безупречными прическами.

Миа торопливо представляет меня. Три из них милые и деликатные, но подруга в красной маске, Лили, кажется, так ее зовут, смотрит на меня неприязненно.

— Конечно, все мы думали, что Кристиан — гей, — едко комментирует она, пряча ехидство за широкой фальшивой улыбкой.

Миа набрасывается на нее.

— Лили, о чем ты говоришь! У него превосходный вкус. Он просто ждал, когда ему встретится девушка его мечты, и это оказалась не ты!

Лили вспыхнула и сделалась одного цвета с маской. Покраснела и я. Можно ли представить себе более неприятную ситуацию?

— Леди, можно мне увести от вас мою избранницу? — Обняв за талию, Кристиан привлекает меня к себе.

Все четыре девицы вспыхивают, улыбаются и суетятся; ослепительная улыбка Кристиана производит свое обычное действие. Миа смотрит на меня и комично поднимает брови. Я невольно улыбаюсь.

— Я была рада нашей встрече, — говорю я, и Кристиан утаскивает меня прочь.

— Спасибо, — благодарю я Кристиана, когда мы удаляемся на безопасное расстояние.

— Я видел, что рядом с Миа стоит Лили. Неприятная особа.

— Она влюблена в тебя, — сухо замечаю я.

Он передергивает плечами.

— Без взаимности. Пошли, я познакомлю тебя кое с кем.

Следующие полчаса я только и делаю, что знакомлюсь — с двумя голливудскими актерами, еще с двумя генеральными директорами и несколькими выдающимися врачами. Запомнить их имена я просто не в силах.

Кристиан прижимает меня к себе, и я ему за это благодарна. Честно говоря, меня подавляют богатство, гламур и размах этого приема. Никогда в жизни я не видела ничего подобного.

Официанты в белом легко порхают среди густеющей толпы с бутылками шампанского и с тревожной регулярностью пополняют мой бокал. «Мне нельзя пить слишком много, мне нельзя пить слишком много», — повторяю я сама себе. У меня слегка кружится голова, и я не знаю — то ли от шампанского, от атмосферы восторга и тайн, созданной масками, или от серебряных шариков. Приглушенную боль внизу живота мне уже трудно игнорировать.

— Так вы работаете в SIP? — спрашивает лысеющий джентльмен в полумаске медведя (или собаки?). — До меня дошли слухи о недружественном поглощении.

Я краснею. Это и было недружественное поглощение со стороны человека, у которого больше денег, чем здравого смысла. Ведь он по своей натуре сталкер.

— Я Эккл, ассистент по налогам. Я и не слышал про подобные вещи.

Кристиан помалкивает и только холодно улыбается Экклу.

— Леди и джентльмены! — В игру вступает церемониймейстер в черно-белой маске Арлекина. — Прошу занять места. Обед подан.

Кристиан берет меня за руку, и мы идем вместе с оживленной толпой к шатру цвета слоновой кости.

Увиденное внутри меня поражает. Три гигантских канделябра бросают радужные искры на шелковый потолок и стены. Стоят не меньше тридцати столов. Они напоминают мне частную столовую в отеле «Хитмен» — хрустальные бокалы, накрахмаленные скатерти и чехлы на стульях, а в центре — изысканная композиция из бледно-розовых пионов, окружающих серебряный канделябр. Рядом стоит корзина со сладостями, драпированная шелковой тканью.

Кристиан смотрит на план и ведет меня к столику в центре. Там уже сидят Миа и Грейс Тревельян-Грей, они увлечены беседой с незнакомым мне молодым человеком. На Грейс блестящее платье цвета мяты с такой же венецианской маской. Она тепло здоровается со мной.

— Ана, я рада вас видеть! Вы чудесно выглядите.

— Здравствуй, мама, — сдержанно говорит Кристиан и целует ее в обе щеки.

— Ох, Кристиан, ты так формально здороваешься! — шутливо упрекает она.

За столик садятся родители Грейс, мистер и миссис Тревельян. Они кажутся молодыми и энергичными, хотя их лица скрыты под бронзовыми масками, поэтому невозможно определить их возраст точно. Они очень рады видеть Кристиана.

— Бабушка, дедушка, позвольте вам представить Анастейшу Стил.

Миссис Тревельян обрушивается на меня.

— Ах, наконец-то он нашел себе девушку, как чудесно, и какая хорошенькая! Что ж, я

надеюсь, что вы сделаете из него порядочного человека, — тараторит она, пожимая мне руку.

Вот те раз... Я благодарю небеса за то, что на мне маска. На помощь приходит Грейс.

— Мама, не смущай Ану!

— Милая, не обращай внимания на глупую старушку. — Мистер Тревельян трясет мне руку. — Она считает, что раз она такая старая, то имеет право говорить любую глупость, какая придет ей в голову.

— Ана, это мой друг Шон. — Миа робко представляет своего парня. Он озорно усмехается, а его карие глаза полны удивления, когда мы пожимаем друг другу руки.

— Приятно познакомиться, Шон.

Кристиан обменивается с Шоном рукопожатием и пристально рассматривает его. Нечего и говорить, бедная Миа тоже страдает от властного брата. Я сочувственно улыбаюсь ей.

Ланс и Джанин, друзья Грейс, последняя пара за нашим столом. Не хватает только мистера Каррика Грея.

Внезапно слышится треск микрофона. Голос мистера Грея гремит в акустической системе, заставляя притихнуть гул голосов. Каррик стоит на небольшой сцене в конце шатра. На нем роскошная золотая маска Панчинелло.

— Леди и джентльмены, добро пожаловать на наш ежегодный благотворительный бал. Надеюсь, что вам понравится программа, приготовленная для вас, и вы пошарите в своих карманах и поддержите ту фантастическую работу, которую делает наша команда по программе «Справимся вместе». Как вам известно, мы с женой вкладываем в нее всю душу.

Я с беспокойством кошусь на Кристиана, а он бесстрастно глядит перед собой — вероятно, на сцену. Потом переводит взгляд на меня и хмыкает.

— А сейчас я передаю вас в руки нашего церемониймейстера. Прошу вас, садитесь и наслаждайтесь вечером, — заканчивает свою речь Каррик.

Раздаются вежливые аплодисменты, и гул голосов снова нарастает. Я сижу между Кристианом и его дедом и люблю белую кувертную карточку, на которой каллиграфическим почерком написаны серебряные буквы — мое имя. Официант зажигает канделябр с коническими лампочками. Каррик подходит к столу и, к моему удивлению, целует меня в обе щеки.

— Рад снова вас видеть, Ана, — говорит он. Необычная золотая маска придает ему величественность.

— Леди и джентльмены, пожалуйста, выберите главу вашего стола! — кричит церемониймейстер.

— О-о-о! Меня, меня! — тут же кричит Миа и неистово прыгает на своем стуле.

— В центре стола вы найдете конверт, — продолжает мастер церемоний. — Пускай каждый из вас найдет, попросит, возьмет займы или украдет чек с самой большой суммой, какую вы можете себе позволить. Напишите на нем свое имя и положите внутрь конверта. Главы столов, пожалуйста, тщательно охраняйте эти конверты. Они понадобятся нам позже.

Черт! Я не взяла с собой деньги. Как глупо — ведь это благотворительный бал!..

Достав бумажник, Кристиан извлекает из него два чека по сто долларов.

— Вот, держи, — говорит он.

Что?

— Я потом тебе отдам, — шепчу я.

Он кривит губы, но от комментариев воздерживается. Понимаю, он недоволен. Я беру

его ручку, черную с белым цветком на колпачке, и пишу свое имя. Миа передает конверт по кругу.

Перед собой я обнаруживаю другую карту с серебряной каллиграфической надписью — наше меню.

*БАЛ-МАСКАРАД
В ПОЛЬЗУ ОБЩЕСТВА
«СПРАВИМСЯ ВМЕСТЕ»
МЕНЮ*

Тартар из лосося со сметаной и огурцом на тосте из бриоши

Олбан Эстейт Рузанна 2006

Жареная грудка мускусной утки

Пюре из топинамбура со сливками

Черешня, жаренная с чабрецом, фуа-гра

Шатонёф-дю-Пап Вьей Винь 2006/Домен де ля Жанас

Шифоновый бисквит с фундуком и сахарной глазурью

Кандированный инжир, сабайон, мороженое с кленовым сиропом

Вэн де Констанс 2004 Кляйн Констанция

Ассорти из местных сортов сыра и хлеба

Олбан Эстейт Гренаш 2006

Кофе и птифуры

Что ж, теперь понятно, почему перед моей тарелкой столько хрустальных бокалов разной величины. Наш официант вернулся и предлагает вино и воду. За моей спиной опустили края шатра, закрыв проход, через который все вошли. Зато впереди два человека раздвинули полог, и взорам гостей предстал закат солнца над Сиэтлом и заливом Мейденбауэр.

От красоты захватывает дух. В оранжевой воде спокойного залива отражаются мерцающие огни Сиэтла и опаловое небо.

К нашему столику подходят десять официантов с подносами. По безмолвному знаку они абсолютно синхронно подают нам закуски и исчезают. Тартар из лосося восхитителен. Я обнаруживаю, что очень хочу есть.

— Изголодалась? — еле слышно шепчет Кристиан. Я понимаю, что он говорит не о пище, и на его слова отзываются мышцы в глубине моего живота.

— Ужасно, — шепчу я, смело встречая его взгляд, и губы Кристиана раскрываются от прерывистого вдоха.

Ха-ха! Еще поглядим, кто из нас лучше в этой игре.

Дед Кристиана немедленно вступает со мной в беседу. Замечательный старикан, он так гордится своей дочерью и тремя внуками!

Мне так странно представить себе Кристиана ребенком. Тут же приходит на ум воспоминание о его шрамах от ожогов, но я прогоняю его. Сейчас я не хочу об этом думать, хотя, по сути, в этом и заключается смысл нынешнего благотворительного бала.

Жаль, что здесь нет Кейт с Элиотом. Они бы так хорошо вписались в эту картину. А еще Кейт не смутили бы многочисленные ножи и вилки, лежащие на столе. Она даже могла бы поспорить с Миа, кто из них станет главой стола. Мысль вызвала у меня улыбку.

Беседа за столом течет своим чередом. Миа, как всегда, щебечет и совершенно заслоняет бедного Шона, который в основном молчит, как и я. Чаще всех солирует бабушка. Ее шутки полны язвительности и в основном направлены на супруга. Постепенно мне становится немного жалко мистера Тревельяна.

Кристиан и Ланс оживленно говорят об устройстве, которое разрабатывает фирма Кристиана, вдохновленная принципом Эрнста Шумахера «Маленькое красиво». Я с трудом понимаю суть. Кажется, Кристиан намерен обеспечить энергией бедные поселения по всему миру, применяя «заводные технологии» — простые в обслуживании механизмы, которые не требуют ни электричества, ни батареек.

[Купить полную версию книги](#)